

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

РОССИЙСКИЙ ЧИНОВНИК
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЖИЗНЕННОГО МИРА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ
СЛУЖАЩИХ

Под редакцией Д.М. Rogozina

Москва, 2015

УДК 316.454
ББК 60.54

Рецензенты:

кандидат социологических наук Е.Н. Данилова
доктор экономических наук Т.Е. Кузнецова
доктор социологических наук А.Е. Чирикова

Р76 Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих / Под ред. Д.М. Рогозина. М.: ФГБУН Институт социологии РАН, 2015. — 316 с.

ISBN 978-5-89697-257-0

В книге представлены результаты исследования профессиональной этики, ценностей и норм государственных и муниципальных служащих (2012-2013 гг.). На основе более чем 150 нарративных биографических интервью с представителями разных уровней государственной власти из шести регионов России проанализированы их мировоззренческие и ценностные позиции, проявившиеся в коммуникативной ситуации разговора с исследователями. Значительное место занимает лексический и дискурсивный анализ интервью, который позволил выявить основные смысловые концепты, в значительной степени отображающие жизненный мир и мировоззрение закрытой социальной группы российских чиновников. Книга может представлять интерес как для работников федеральных и муниципальных органов власти, экспертов, научных работников, аспирантов, слушателей и студентов, так и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами государственной службы.

УДК 316.454
ББК 60.54

ISBN 978-5-89697-257-0

© ФГБУН Институт социологии РАН, 2015
© Коллектив авторов, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
От редактора	05
Глава 1. Осмысление исследовательской программы	11
<i>Д.М. Rogozin</i>	
Как возможна либерализация власти	11
<i>И.А. Шмерлина</i>	
Аутопойезис государственности: к теоретическому анализу феномена чиновничества	44
Глава 2. Жизненные миры гражданского служащего	66
<i>А.А. Ипатова</i>	
«Они – не мы», или оправдание власти в языке и речи	66
<i>К.Е. Новиков</i>	
Менталитет российского чиновничества	88
<i>К.Е. Новиков</i>	
Архетипы российского служащего: шесть стилизованных интервью	109
<i>Д.М. Rogozin</i>	
Диссолюция бюрократии как основа коррупции	183

Глава 3. Этнографические наблюдения в регионах	228
<i>А.М. Никулин</i>	
Между государством и гражданами: особенности мировоззрения муниципальных служащих Архангельской области	228
<i>В.Г. Виноградский</i>	
«Орудия сильных»: инструментализм в двух поколениях провинциальных чиновников Саратовской области	251
<i>А.В. Куракин</i>	
Карьерные траектории муниципальных служащих: два уровня чиновников – два типа карьерных лестниц (на примере одного района Новгородской области)	291
Об авторах	314

От редактора

Проект, результаты которого представлены в этом сборнике, осуществлен в 2012-2013 годах исследовательскими коллективами Центра методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования (рук. Д.М. Рогозин) и Центра аграрных исследований Института прикладных экономических исследований (рук. А.М. Никулин) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); в проекте также приняли участие сотрудники Института социологии РАН, Саратовского филиала Российского государственного торгово-экономического университета, Института аграрных проблем РАН, Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Работа выполнена в соответствии с Государственным заданием по теме: «Мировоззрение государственных и муниципальных служащих Российской Федерации: профессиональная этика, политические воззрения, особенности взаимодействия с центральной властью и местным населением».

В первый год были проведены полевые работы: подготовлен и опробован опросный инструмент, взяты интервью, обработаны и отобраны материалы для анализа, организованы рабочие встречи и семинары. Подготовлено более 150 биографических нарративных интервью с представителями

государственной и муниципальной власти: от заместителей губернатора до специалистов служб и отделов. Из полученных материалов отобраны 44 интервью – как наиболее информативные и адекватные исследовательским задачам; на основе этих текстов проведен нарративный, лексический и дискурсивный анализ с целью выявления ценностей, норм и представлений государственных и муниципальных служащих.

Совокупность субъективных особенностей человека, его внутреннего мира в феноменологической и этнометодологической традициях социальных наук объединяются понятием «жизненный мир» (по А. Шюцу). Это понятие имеет множество определений и описаний. Мы придерживаемся представления о «жизненном мире» как корреляте опыта и деятельности человека, мире повседневности, непосредственности знания, представлений и переживаний. Он формируется и проявляется в социальной коммуникации, а потому не только субъективен, но и интересубъективен. Отсюда возникает возможность изучать «жизненный мир» человека или социальной группы в их взаимодействии с другими людьми или социальными группами. Благодаря лингвистической природе жизненного мира, он может быть изучен через анализ лексики, нарратива, дискурса.

Эти теоретические предпосылки легли в основу анализа полученных участниками исследования нарративных интервью с представителями государственных и муниципальных служб. Таким образом, в нашем случае «жизненный мир» и мировоззрение служащих госуправления изучались через их коммуникацию (интервью) с академическими исследователями, что в большой степени определило характер полученных данных. О различии двух взаимодействовавших социальных групп и исследовательских предубеждениях (пресуппозициях) речь пойдет ниже.

Исследование проходило в шести регионах. В силу высокой сенситивности вопросов, затрагивающих не только пред-

ставления о должном, но и реальные практики отклонений от той общественной роли, которая предполагается статусом служащих; затрагивающих личные представления этих людей о текущей ситуации в своей сфере и отношении к ней, мы не указываем регионы, в которых проводилось исследование. В силу тех же причина вся фактологическая информация, по которой можно идентифицировать респондента, удалена из массивов и текстов. Приводятся обобщенные названия их должностей, пол, возраст и стаж работы. В статьях, вошедших в третью главу, оставлены названия трех регионов, поскольку речь идёт о конкретных местных практиках и для исследователей стало важным эксплицировать региональный контекст. Однако приводимые цитаты и здесь максимально обезличены, в них даже отсутствует информация о социально-демографических характеристиках собеседников.

В течение второго года велась обработка данных, библиографический поиск релевантных источников, построение словаря и иная аналитическая работа, результаты которой не вошли в настоящее издание. Так, в первоначальном замысле предполагалось расширить четвертую главу статьями, раскрывающими базовые константы административной культуры (например, категории «свой» и «чужой»; понятие об ответственности; устойчивое выражение «решать вопросы» как форма квазикоррупционной деятельности; «работающий документ» как аутопойетическая составляющая канцелярской деятельности и т. д.), представив целостный, исторически и лингвистически фундированный лексический слой культурных паттернов рассматриваемой категории служащих. Однако мы переоценили свои возможности. Эта часть работы требует дополнительных усилий и, по всей видимости, увидит свет в будущем.

Настоящее издание не претендует на целостное представление об аутентичном жизненном мире чиновника. Скорее речь может идти лишь о той части этого мира, которая

проявилась в коммуникативной ситуации, определявшейся разговором государственных и муниципальных служащих с носителями во многом иных этических и поведенческих ценностей – академическими сотрудниками. Несмотря на наличие структурированного гайда, мы старались трансформировать интервью в неформальный разговор, приблизить коммуникацию к естественным формам общения. Полученные данные и интерпретации могут быть полезны для понимания природы государственной службы, бытования ценностных норм этой сферы и, что более важно, при построении коммуникации между чиновниками и социологами, между чиновниками и гражданами.

В процессе написания статей всеми без исключения авторами поддерживалась рефлексивная позиция, направленная на критику инструментария, собственных предубеждений, теоретических предрассудков и ожиданий. Это позволило очертить пределы текущих интерпретаций и освободиться от предвзятости и доминирующих в обществоведческой среде попыток объективировать социальную реальность. Мы не привели расшифровки интервью (в силу того, что разговоры были весьма пространными, от часа до полутора, их публикация существенным образом увеличила бы объем книги), но в третьей главе представили стилизованные под журналистский жанр интервью с некоторыми чиновниками, что позволило более выпукло отразить мир государственной службы.

Предваряя чтение статей настоящего сборника, полезно обозначить ряд исследовательских пресуппозиций, которые существенным образом повлияли на оптику проведенного обследования. Во-первых, при всей нейтральности и доброжелательности в отношении наших собеседников, мир изучаемой категории служащих как социальной группы является для нас далёким и неопределённым. Чиновник в команде исследователей воспринимался в качестве «чужака» (по Г. Зиммелю), человека, отстаивающего нормы, которые

вступают в противоречие с базовыми ценностями академической свободы и мировоззренческой независимости. Во-вторых, многие ответы и рассуждения наших собеседников напрямую инициированы поднимаемыми нами вопросами. В силу структурированности гайда, разделения его на отдельные блоки, мыформировали некоторую, возможно, непривычную или чуждую для собеседника траекторию разговора.

Несмотря на двухгодичный цикл проекта, у нас не было времени и ресурсов для проведения включенного наблюдения, этнографического проживания с нашими собеседниками хотя бы некоторого времени, погружения в рутину их жизни. Мы можем лишь угадывать за речевыми фигурами, представленными в ситуации интервью, некоторый бытовой, повседневный слой работы и жизни чиновника. В-третьих, на протяжении всего проекта мы искали наиболее оптимальный инструментарий для анализа и обработки данных, перебирая доступные нам подходы и методы, однако так и не остановились на чём-то системно организованном. Поэтому в работах заметна некоторая несогласованность, разноголосица в представлении одних и тех же материалов. Как редактор, сохраняя полифоническое звучание, при исследовании весьма закрытой социальной группы российских государственных и муниципальных служащих руководствовался задачей максимальной экспликации профессиональных навыков и концептуальных представлений каждого из участников проекта, что, на мой взгляд, могло бы обогатить подходы кнашему исследовательскому объекту. В какой-то степени настоящий сборник представляет отраженное через позиции исследователей восприятие жизненного мира чиновников рядовыми гражданами. Именно в этом состоит основная идея проделанной работы. Показать возможность коммуникации вне критических лозунгов и призывов; обнаружить в собеседниках, занимающих иныепо отношению к общественному

большинству позиции в социальной стратификации, человеческие черты, способность к пониманию не свойственных им ценностей. Если в методическом плане представленные материалы подлежат неоспоримой критике, то задачу построения конструктивного диалога и формирования коммуникативной среды для дальнейших исследований социальной группы российских служащих государственного управления мы считаем выполненной.

Д.М. Rogozin

Глава 1. Осмысление исследовательской программы

Д.М. Rogozin

Как возможна либерализация власти

В публичных выступлениях общественных деятелей риторика о демократических и либеральных принципах в государственном управлении давно стала обязательной. Независимо от политических режимов, два принципа, – либерализм и демократия – наиболее часто формулируемые в мировом общественном дискурсе, воспринимаются в качестве объяснительных конструктов, легитимирующих любую современную власть [Moses, 2010]. Что стоит за либеральной риторикой? Разделяют ли либеральные взгляды все участники государственной бюрократической пирамиды? Как строится обыденный дискурс российского чиновника, и насколько инкорпорирован в него лексикон современной политической теории и современных подходов к государственному управлению? На каком языке мыслят и говорят государственные служащие, и насколько адекватно он воспринимается окружающими? Что происходит с государственной машиной управления на идеологическом уровне? Какие ценности, нормы и убеждения не только декларируются, но и воспроизводятся в практиках управления на федеральном, региональном и муниципальном уровнях? Каков жизненный мир российского чиновника? Разобраться в этих вопросах практически невозможно в рамках одного текста, статьи, сборника. Поэтому мы лишь выносим их на повестку дня и пытаем-

ся более четко и адекватно текущей политической ситуации сформулировать, обозначить пространство для дискуссии и понимания происходящего.

Либеральные практики государства

Когда речь заходит об идеологии современных государств, пожалуй, самыми частотными словоформами становятся «либерализация» и «демократия». Совместная конструкция – «либеральная демократия» и вовсе, по мнению Кристофера Худа стала символом постсекулярной религиозной традиции [Hood, 2007, р. 7]. Представление о лучшей, оптимальной и гуманной власти прочно связаны в сознании современных политиков, гуманитариев и общественных деятелей с либеральными ценностями и демократическими институтами. Власть (по Худу), по-прежнему, описывается через религиозные, неутилитарные понятия. Уверенность в достижении хотя бы компромиссного варианта всеобщего блага, наращивание национального богатства, оптимизация государственного управления и формирование административного этоса покоятся на безусловной вере в возможность рационального построения государства всеобщего благосостояния. Возвышенная риторика справедливой власти соседствует (в последнее время значительно сдав позиции под неолиберальной критикой) с утилитарной традицией управления государственными услугами. Первая опирается на политические теории и поднимает государственное управление до моральных решений, вторая – на экономические представления о взаимовыгодных обменах, в которых государство может рассматриваться в качестве поставщика услуг, освобожденного от каких-либо политических интересов, кроме удовлетворения запросов потребителей и преодоления ситуации исключения каких-либо социальных групп [Южаков, 2012]. Либерализация власти давно стала символом современного,

успешного, справедливого государства. Либеральная демократия в свою очередь зачастую рассматривается как наиболее оптимальная форма реализации гражданских прав в условиях существования национальных государств.

Анализируя особенности аналитических описаний современной власти, Кристофер Худ выделяет два модуса, или позиции: государственное управление как движение и как наука [Hood, 2007, p. 12, 19]. Первая позиция напрямую связана с конституированием квазирелигиозного подхода к управлению и восходит к работам Джереми Бентама, посвященных обоснованию утилитарной логики, инкорпорированию религиозных практик в государственную службу и становлению искусства государственного управления [Bentham, 1983]. Вторая позиция опирается на перенос практик управления, накопленных в бизнесе, в государственную сферу [Behn, 2002; Vigoda, 2003; Калгин, 2012; Шадрина, Виноградов, 2012]. Патрик Добел в основе обеих позиций видит этические вопросы [Dobel, 2007]. Именно они скрепляют основы государственного управления, конституируют способы администрирования, задают систему взглядов и норм, определяющих как текущую деятельность, так и политику долгосрочных преобразований. П. Добел предлагает рассматривать служебную этику с трёх перспектив: (1) поддержание классических государственных ценностей; (2) воспроизводство либеральных ценностей; (3) развитие программы Нового государственного управления (рис. 1).

Описанные М. Вебером классические государственные ценности не потеряли актуальности: главенство закона, равные права граждан на получение государственных услуг, тотальная отчетность и регистрация сделанного, устойчивое и доверительное управление. Вызовы, связанные с либерализацией власти, скорее дополняют и уточняют предложенные более столетия назад ценности, нежели вступают с ними в

конфликт. Тотальность подотчетности дополняется тотальностью открытости и гарантий прав на полную и достоверную информацию о работе государственного аппарата [Бусыгина, Филиппов, 2013, с. 61–64]. Декларация равных прав развивается через вовлечение граждан в управление, соучастие в поддержании законности и реализации государственной политики. Доверие как основа власти подкрепляется требованием полноты представленных позиций, освобождающих от свободы от ценностей через представленность и открытую конкуренцию ценностей в политических и бюрократических решениях.

Рис. 1. Триада современного государственного этоса (по Патрику Добелу)

Именно на дивергенцию классического и либерального взглядов на власть нацелено движение «Нового государственного управления», впервые вышедшее на повестку дня ведущих мировых держав в 1970-х гг. и до сих пор занимающее верхние позиции в рейтинге наиболее востребованных этических и управленческих систем государственной службы (см., например: [Бойн, 2012]). Новое государственное управление можно охарактеризовать тремя важнейшими принципами. Во-первых, доминанта долгосрочного планирования и увязки стратегических представлений с тактическими ответами на вызовы и запросы граждан. Во-вторых, активный поиск лучших практик и тиражирование их независимо от секторального или регионального контекста. Размытие границ между департаментами и преодоление внутриведомственных барьеров – одна из ключевых задач такой политики. В-третьих, формирование рынка государственных услуг на конкурентной основе, что требует легитимации разных форм собственности, организационных и финансовых структур для предоставления наиболее важных и критичных социальных услуг: образование, здравоохранение, пенсионирование, социальная поддержка, культура и спорт. Линда Делеон выделяет два важнейших направления Нового государственного управления: (1) предоставление права управленцам управлять, или рост автономии государственного служащего; и (2) перековка чиновника в менеджера, или формирование отчетности по результатам, внесение предпринимательской этики и различных рыночных механизмов в процедуры государственной власти [Deleon, 2007, p. 104].

Кристофер Поллитт и Герт Букаерт выделяют две модели Нового государственного управления: вестминстерскую и американскую [Pollitt, Bouckaert, 2011]. Первая модель впервые была заявлена в Великобритании, но наиболее широкое и последовательное развитие получила в Австралии и Новой

Зеландии. Основной идеей для разработки вестминстерской модели стал пересмотр роли государства в политической и экономической жизни страны. Институт власти подвергся жесткой критике с точки зрения рациональных представлений об эффективности и оправданности тех или иных общественных функций. Последние согласно вестминстерской модели должны поддерживаться государственными структурами только при отсутствии возможности их реализации в других секторах экономики: коммерческом и гражданском (некоммерческом). Это послужило основанием для разворачивания масштабной программы по сокращению не только общего числа государственных служащих, но и структурных подразделений, подчас, целых направлений деятельности. Американская модель, также востребованная для повышения эффективности государственного управления, в большей степени опирается не на передачу функций, а на их публичную проблематизацию. Соответственно, через актуализацию негативных и выявление наиболее успешных практик формируется среда сотрудничества и кооперации между разными секторами экономики. Этим подчеркивается гражданственность как основная черта власти. Её цель заключается в воспроизводстве гражданских практик и обеспечении эффективного развития гражданского общества.

Несмотря на позитивную и весьма оптимистичную риторику обеих моделей, их внесение на повестку дня большинства развитых стран, практически тотальное увлечение реформированием государственного сектора связано с катастрофическим падением интереса, доверия и поддержки государства со стороны обществ. Гай Петерс отмечает управленческий парадокс: чем больше и заметней становится работа государственных служащих, тем менее она одобряется, тем

меньше граждан готовы поддержать начинания государственной и муниципальной власти [Peters, 1995, p. 1]. За последние 20–30 лет люди не только разуверились в эффективности государственной власти, но и всё чаще стали ставить вопрос об осмысленности функционирования текущих политических режимов, определяющих гражданство в национальных границах, с огромными бюджетами, распределяемыми между силовыми структурами; культивированием иерархической власти и нарастающим разрывом между демократической риторикой и фактическим поведением политиков, государственных деятелей и служащих. Так, Линда Де-леон отмечает, что уровень доверия в Соединенных Штатах к правительству (ответы на вопрос о доверии к тому, что правительство в Вашингтоне делает правильные вещи) снизился с 70% в 1966 году до 25% в 1992-м и 15% в 1995-м. Аналогичная ситуация, продолжает исследователь, типична для Канады, некоторых европейских стран, Новой Зеландии и других государств [Deleon, 2007, p. 103]. Со временем ситуация только обострилась. И то, что ранее вызывало недовольство отдельных разрозненных социальных групп, переросло в движения с более-менее четкой позицией, отрицающей право политических режимов реконструировать, защищать и поддерживать государственные идеологии.

На этом фоне ситуация в России с уровнем доверия государственным служащим представляется ещё весьма оптимистической. И.В. Мерсиянова, В.Н. Якимец и Е.И. Пахомова на данных общероссийского опроса, проведенного ВЦИОМ, показали, что уровень личного доверия к гражданским служащим составляет 50%, чуть ниже доверие к правоохранительным органам – 47% и достаточно высокое к военнослужащим – 69% [Мерсиянова, Якимец, Пахомова, 2012, с. 111]. Массовые протесты, проходящие в крупных российских го-

родах в 2010-х гг., - отнюдь не местное явление, отражающее лишь ситуацию с плохой российской властью или отсутствие демократических институтов в нашей стране. Все они вписываются в общемировой тренд потери государством доверия [Behn, 1995, 1998; Ruscio, 1996; Deleon, 2007], что приводит к переконфигурации системы ценностей, в которой власть всё чаще становится нелегитимной.

Либерализация власти в такой перспективе становится ответом на вызовы современности, подчас единственным механизмом сохранения текущего политического порядка с различением национальных государств, гражданского самосознания и социальных практик, легитимирующих административную власть. Не удивительно, что административная реформа, с недоверием, а подчас и агрессией воспринимаемая российскими интеллектуалами, поддерживается западными политическими элитами. Предлагаемые российским правительством шаги вписываются в доминантные идеологические концепции по реструктурированию власти и усилению либеральной компоненты не только в части мировоззренческих конструктов, но и повседневных практик. К этому относится реформирование бюджетных учреждений – с предоставлением им большей самостоятельности в выборе средств; развитие местного самоуправления – с делегированием важнейших функций и ответственности на более низкий уровень государственной иерархии; давление на организации социальной сферы по формированию рыночных механизмов оценки услуг [Рогозин, 2012а, 2012b; Южаков, 2012] и созданию конкурентной среды для всех без исключения операторов социальных услуг [Ефремов, 2013; Desrieux, Chong, Sausier, 2013; Sullivan, 2013]; тотальный перевод государственных служащих на систему оценки их деятельности по результатам; переконфигурация правил и механизмов формирования бюджетного финансирования; перераспределение

ответственности между отдельными ведомствами и формирование идеологии межведомственного развития [Калгин, 2012, с. 50–52]; включение граждан в принятие управленческих решений и создание среды для взаимодействия основных заинтересованных сторон [Alves, 2013] и т. д. Все эти действия напрямую связаны с либеральными практиками и так или иначе воспроизводят идеологию Нового государственного управления (см. рис. 1). В такой перспективе чрезвычайно важно эксплицировать текущие убеждения и представления основных участников реформ, обозначить разрыв между базовыми концептами реформ и их восприятием, указать на особенности мировоззрения государственных служащих и зависимость его от личной биографии и истории страны.

Методология исследования, или рефлексия сделанного

Давно известно, все важные, концептуальные решения научные сотрудники принимают в курилке. Поскольку никто из нашей команды никогда не увлекался сигаретами, «курилкой» для нас стала столовая во втором корпусе РАНХиГС на Юго-Западной. Именно там была сформулирована первоначальная идея, обсуждались концептуальные подходы, формулировались исследовательские вопросы. Центральной стала констатация факта, что мы абсолютно не понимаем мир государственной службы, с его установлениями и предписаниями, аврами на работе, дисциплиной, строгостью и однозначностью суждений. Привыкнув к академическому самоопределению, которое всё еще сохраняется, никто из нас даже представить себе не мог возможность нормированного и жестко регламентированного труда по требованию во исполнение некоторого документа, пусть даже государственной важности. Остается лишь добавить к этому протестные события прошлых лет, связанные с выборами в Государственную думу, президентскими избирательными компаниями.

Протестная волна среди интеллигенции, связанная с фальсификациями и массовыми приписками на выборах, не обошла и социологов. Как возможно идти на такое? Кто эти люди, исполняющие свой долг в столь странной манере? Как они смотрят на мир? Что считают важным, а что незначительным? Чем дольше мы рассуждали об этом, тем менее очевидными представлялись ответы. Удивительно, но мир служащего сферы управления оказался нам абсолютно неизвестным. Проживая жизнь в одной стране, сталкиваясь по каким-то делам на улице или в кабинетах, имея родственников и друзей, входящих или входивших в те или иные государственные и муниципальные структуры, ментально, мировоззренчески мы оставались абсолютно неизвестными, обособленными друг от друга. Опознать госслужащего можно по речи, походке или взгляду, но понять его закрытый жизненный мир, особенности мировоззрения весьма трудно, даже проведя часы в душевных разговорах и размышлениях. Идея настоящего сборника – в формировании дискурсивного пространства, приближающего к пониманию мира государственного и муниципального служащего; в маркировании важнейших смысловых концептов, позволяющих начать разговор с взаимным пониманием и вниманием к происходящему.

Диалог решили построить на биографическом интервью – том немногом, что связывает нас единым смысловым пространством. Профессиональная биография, каким бы экзотическим ни был путь современного человека, хорошо структурируется, и принятие такой структуры разделяется всеми участниками коммуникации. Для биографических интервью мы выделили шесть базовых тематических блоков (Приложение 1). Первый, наиболее типичный и предсказуемый в рассказах о профессиональной занятости, – образование и карьера. Определение текущей позиции и рассказ о прошлых профессиональных перемещениях связывались

между собой через значимые события в карьере. Мы пытались подтолкнуть наших собеседников к позиции «туриста» (по З. Бауману), способного увидеть в своей жизни что-то необычное и рассказать об этом собеседнику. Что самое трудное в работе? Что самое привлекательное? Какие события были самыми значимыми в карьере? Каким представляется будущее? И чем можно было бы заняться, уволившись с текущей работы? Нам важно место работы и образования в жизни человека не только для того, чтобы насытить рассказ биографическими событиями, но и чтобы создать ситуацию понимания и взаимного интереса (Приложение 2). Как для одного нет ничего более важного, чем личная судьба, так для другого – более захватывающего, чем рассказ первого о собственной жизни.

Второй блок посвящён событиям в России, которые респондент выделил как значимые, повлиявшие на его жизнь. И вновь мы предполагали спрашивать о будущем, формулировать какие-то прогнозы о происходящем в стране. Через смежные вопросы о личной биографии и общественных событиях попытались связать частное и общее, сконструировать взаимосвязь социальных представлений и личных, порой интимных переживаний, действий, решений.

Именно от этой связки мы отталкивались при составлении третьего тематического блока – о государственном аппарате и народе. Профессиональная позиция государственного служащего находится на пересечении конкретных и частных взаимодействий, характеризующихся оказанием государственных услуг близким или далеким людям, со следованием некоторому всеобщему благу. Именно государственный служащий буквально конституирует идею гражданственности, создает целостность такого сообщества, как национальное государство. Каким образом сочетаются частные и обще-

ственные интересы в одном человеке? Как разрешаются неизбежные конфликты? Какие решения принимаются, и осознаются ли собственные поступки как элементы таких решений? Воспринимается ли служащим собственная позиция как нечто особенное? Иными словами, мы выясняли суть жизненного мира, пространство смыслов государственной службы и пытались разуть, осознается ли наше непонимание другой стороной.

Четвертый блок посвящен семье. В разговоре о детях, родственниках, домашнем очаге или, напротив, одиночестве, потерях, личных неурядицах мы вновь переходим к общему пространству смыслов. Столь контрастные, весьма личные вопросы нужны для того, чтобы уйти от пафоса и возвышенности государственной риторики, показать, что речь всё же идет о частной жизни с её переживаниями, комплексами и радостными событиями.

Пятый — состоит из набора разрозненных вопросов, диагностирующих мировоззренческие установки. Строго говоря, о мировоззрении мы говорили во всех предыдущих блоках, но только сейчас перешли в тестовый режим вопрос-ответной коммуникации. Считаете ли Вы себя верующим человеком? Как относитесь к службе в армии? Какие разделяете политические взгляды? И что для Вас текущие протесты? Наконец, есть ли у вас мечта, то, чему хотелось бы посвятить свою жизнь?

Шестой блок, завершающий интервью, направлен на рекрутирование респондентов. В нём мы узнавали контакты людей, с которыми можно было бы поговорить на эти же темы. Пожалуй, именно в этих последних вопросах мы добились наименьшего успеха. Классический метод «снежного кома», переход от одного респондента к другому, так и не удалось реализовать. Практически все респонденты были готовы говорить лишь за себя в столь странной для них ситуа-

ции разговора о личном в служебном кабинете. Это оказалось еще одной контекстуальной особенностью интервью. Балансируя на грани личного и общественного, мы вели все наши разговоры в служебных кабинетах.

Разработав программу исследования и проведя операционализацию весьма смутных и неопределенных концептов «мировоззрения» и «профессиональной этики», мы запаслись письмами на имя министров нескольких федеральных министерств и ведомств, а также губернаторов ряда регионов. В письмах высказывалась просьба содействовать в проведении исследования и организации серии глубинных интервью со служащими. Ни в одном месте мы не было отказа, однако и прямого содействия мы так и не получили. Типичными были просьба перезвонить, дождаться ответа, ссылки на этапы согласования и т. д. В итоге шесть успешных с точки зрения достижимости регионов и одно федеральное министерство стали пространством для развертывания обширной эмпирической программы – отнюдь не из-за благорасположенности наших респондентов, а по причине настойчивости исследователей и наличию у них неформальных отношений с кем-либо из руководителей, уполномоченных принимать решения. По всей видимости, мировоззрение и профессиональная этика – слишком чувствительные предметы, чтобы его изучение стало возможным на институционально нейтральных основаниях.

В итоге мы собрали более 150 развернутых биографических интервью. Не все из них были удачны. Это связано как с открытостью респондента, так и с особенностями построения разговора интервьюером. Излишняя формализация неминуемо приводила к коротким односложным ответам, демонстративная позиция анкетера – к воспроизводству стандартной процедуры заполнения биографической справки в отделе кадров. Поэтому мы отобрали 44 наиболее успешных интервью и работали лишь с ними (Приложение 3). Дальнейший

анализ текстов интервью представлял собой слабо координируемую интерпретацию состоявшихся разговоров, основным мотивом которой стало извлечение смыслов из полученных нарративов, а также собственных представлений о взглядах, ценностях и нормах наших собеседников.

Результаты аналитической работы

Ценность настоящего исследования заключается в экспликации стороннего взгляда на чиновника, пожалуй, наиболее чуждой для него аудитории академических работников. Социализированные на радикальных принципах академического самоопределения и творческой независимости, характеризующиеся высокой мобильностью в материальном мире и тотальным сомнением в духовном, мы как никто другой занимаем противостоящую позицию по отношению к миру чиновника. Не случайно сквозной темой во всех написанных независимо друг от друга работах стал анализ негативного отношения к миру чиновника. «Чужой» всегда вызывает страх, удивление, неприязнь или агрессию. Непонимание сопровождается негативными оценками. Дискурсивная нейтральность скорее определяется стратегиями вежливости и воспитанием, нежели глубинными чувствами друг к другу, испытываемыми людьми, стоящими на разных мировоззренческих позициях.

Свою роль мы видим в создании некоторого коммуникативного пространства, позволяющего начать диалог между разделёнными социальными группами. Речь не идет лишь об институциональной принадлежности этих групп. Мировоззрения госслужащего или научного работника проявляются и вне стен их организаций. Однако концентрация соответствующих социальных типов как раз и определяет институт, создает его смысловое пространство. Можно быть чиновником в академии, но только настолько, насколько академия

сама представляет институт подавления и господства (по Фуко). Можно быть исследователем в государственном учреждении, но, видимо, ненадолго, поскольку жёсткая вертикальная структура не терпит произвольности в интерпретациях и действиях. Иными словами, речь идет о столкновении мировоззрений и создании коммуникативного порядка между социальными позициями. Прежде чем браться за оптимизацию управленческого функционала полезно обозначить базовые нормы и ценности, актуализировать изначальную конфликтность социальных групп, вступающих в некоторое подобие общественного договора.

Сборник разделен на четыре самостоятельные главы. В первой, куда входит и текущий текст, вскрываются наши теоретические позиции и предрассудки, определяющие не только исследовательскую оптику, но и наше отношение к ней. В эмпирическом проекте теоретическая рамка всегда будет слабым звеном, поскольку в её опровержении и состоит базовая мотивация исследования. Во второй главе представлены жизненные миры гражданского служащего, сконструированные в ходе весьма нетипичных разговоров (см. выше методологию). Кроме аналитических текстов, здесь показана стилизованная, то есть литературно отредактированная, речь наших собеседников, что позволяет увидеть целостность нарратива, его внутреннюю непротиворечивость и самодостаточность. В третью главу попали работы, в которых с помощью этнографического наблюдения актуализирована региональная специфика нашего предмета. Из шести изучаемых регионов отобраны три, где исследователи пытались воспроизвести географический контекст профессиональной жизни муниципальных служащих: Архангельская, Саратовская и Новгородская области. Наконец, четвертая глава представлена словарем чиновника – списком наиболее

частотных и одновременно самобытных словоформ, употребляемых нашими собеседниками в разговорах и опосредованных опросным инструментарием.

Самобытность определялась нами особенностями устной речи и местами весьма экзотичным применением обиходных слов русского языка. В результате удалось сконструировать пространство смыслов, которым оперируют служащие в своем языке. Границы этого пространства определяются дихотомиями: государственная vs муниципальная служба, высшая бюрократия vs рядовые исполнители (рис. 2).

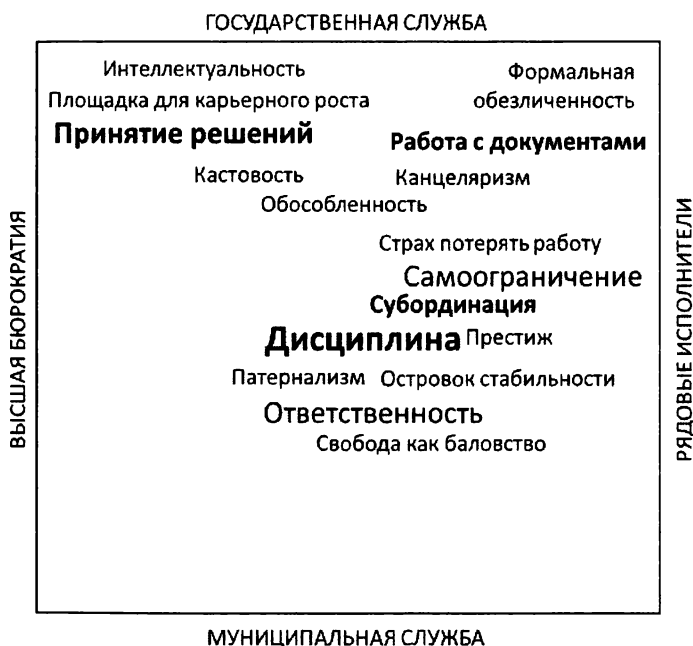

Рис. 2. Смысловое пространство языка служащих

Именно в таких различениях возможно выделить базовые дискурсивные сходства и различия в современной российской власти. Ядерным, занимающим центральную позицию в

мировоззренческом устройстве чиновника, предстает понятие дисциплины с воспроизводством жёсткой иерархии, делегированием вышестоящему начальнику прав и свобод занимаемого им рабочего места, подчинением и смирением. Соответственно, риторика о переходе к сервисному государству и развитию рынка государственных и социальных услуг воспринимается как форма отчетности, очередная директива начальства, нововведение, пришедшее из центра, что приводит к ужесточению формализации и увеличению форм отчетности, подчас не имеющих никакого отношения к реальным услугам [Рогозин, Шмерлина, 2014; Симагина, 2012]. Дисциплина и порядок обеспечивают стабильность, создают область ответственности и приводят к восприятию свободы как баловства, немотивированной вольности, чуждой для граждан, ответственно выстраивающих свою карьеру и жизнь. Расхожий в интеллектуальной среде штамп о задачах чиновника, ограниченных исключительно охранительной функцией порядка [Рац, 2013, с. 63], согласно которой задача такого служащего – в трансформации общих правил в специфические решения [Peters, 1995, p. 2], поддерживается самими служащими и выступает своеобразным маркером разграничения среды государственного управления от политики и общественной деятельности. Однако подобное теоретизирование скорее размывает понимание общемирового тренда по формированию нового государственного управления, нежели представляет какой-то иной самобытный взгляд на природу общественного (государственного) труда.

Принятие решений, зачастую перерастающее в решение проблем, свойственно высшей бюрократии, занимающей посты на государственной службе. Здесь востребованы интеллектуальные качества, навыки и способности эффективных менеджеров. Либеральная традиция, а значит, и возможность осмысленного разговора с академической средой, наиболее

ассоциированы именно с этим кругом чиновников. Однако закрытость для чужаков, отсутствие практик демократического управления, кастовость и самоизоляция по большей части блокируют возможность такой коммуникации. Чиновник высшего уровня образован и обладает большим потенциалом, однако его возможности скованы чрезмерной нагрузкой, в том числе мотивированной личными интересами. Напротив, рядовые сотрудники, составляющие большинство государственной службы, характеризуются формальной обезличенностью, загруженностью канцелярской работой и документооборотом как основной производственной практикой. Исполнение поручений – пожалуй, основная черта государственной службы, определяющая лицо исполнителя.

В базовых дискурсивных конструктах чиновников мы не увидели либеральных ценностей и норм. Их наличие у высшего руководстваскорее характеризует некоторую чуждость и непрочность управленческих позиций в государственных структурах, невписанность в текущие регламенты и реализацию своего функционала в обход существующих бюрократических традиций, «поверх закона», как пишет об этом Л.Е. Бляхер [Бляхер, 2013, с. 66], основываясь на результатах социального исследования в дальневосточном регионе. Более того, наиболее эффективные управленцы высшего звена рекрутируются из бизнеса, демонстрируют весьма динамичную карьерную мобильность, развернутую систему отношений с различными представителями корпораций, государственных служб и влиятельных политических объединений. Тем самым они подвергают риску существующий традиционный уклад в бюрократическом и функционально определенном ведении дел, вносят сумятицу своими решениями и действиями. Однако именно этот осмысленный хаос в высших эшелонах власти позволяет ей поддерживать политическую

легитимность своих представителей, воспроизводить властный порядок в достаточно агрессивной (пусть и латентно) социальной среде.

Заключение

Либерализация власти вызвана не внутренними убеждениями её носителей. Она диктуется внешними обстоятельствами: изменением институциональной среды, трансформацией гражданского сознания, проблематизацией идеи современного государства. Государственная и муниципальная служба, обладая общими ценностями и нормами, реализуя совместные практики, характеризуется весьма инертной средой для либеральных преобразований. И это связано не столько с отсутствием мотивации к изменениям или внешних условий, сколько с конфликтом базовых ценностей либерального и консервативного мировоззрений. Чиновник остаётся заложником бюрократических процедур, которые воспроизводятся в огромном количестве его же коллегами. Поражительным образом реформы захлебываются от активности их исполнителей, видящих свою основную деятельность в создании новых регламентов, форм отчетности, документарного оформления поступающих распоряжений и указаний. Высший менеджмент государственной службы, обладая весьма близкими к европейским и североамериканским представлениями и взглядами, на деле поддерживает бюрократическую игру за счет своего выхода за пределы юрисдикции общих правил. Иными словами, эффективность государственной власти сейчас определяется способностью преодолеть, игнорировать, подстраивать, переключать и делегировать следование нормативным правилам, не нарушая текущих законодательных установлений. Искусство решения проблем, граничащее с коррупционными практиками, отражает основные тенденции либерализации, одновременно

блокируя ее дальнейшее развитие.

Итак, либерализация власти в аутопойетической среде невозможна. Слишком чужды традиционной власти общепринятые уже почти столетие либеральные ценности. Инкорпорировав в свой лексикон основные семантические конструкторы либеральной риторики, власть как целостный институт не приняла их в качестве базовых ценностей. Возможно, сама природа власти блокирует её либерализацию, и принятие демократических ценностей может актуализироваться лишь в утопическом мышлении. Однако при всей пробуксовке текущих административных реформ видна перспектива воспроизводства либеральных представлений. И она заключается в установлении диалога между властью и различными социальными группами, одну из которых представляем мы, научные сотрудники, не чуждые либерализма своей повседневной деятельности.

Литература

1. Бляхер, Л.Е. Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? Государство vs локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России // Полития. 2013. № 2. С. 50–73.
2. Бойн, Дж. Источники совершенствования государственной службы: Критический обзор научной литературы и программа исследований / Пер. с англ. Э.Г. Зверевой // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 94–134.
3. Бусыгина, И.М., Филиппов, М.Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? // Политические исследования. 2013. № 1. С. 50–71.
4. Ефремов, С.В. Оценка готовности региональных органов власти привлекать независимых поставщиков социальных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 1. С. 91–109.

5. Калгин, А.С. Управление по результатам на региональном уровне: контроль или результативность? // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 3. С. 35–60.
6. Клямкин, И.М., Капустин, Б.Г. Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования. 1994. № 1. С. 2–26.
7. Мерсиянова, И.В., Якимец, В.Н., Пахомова, Е.И. Доверие граждан к деятельности государственных служащих // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98–119.
8. Рац, М.В. Политика, управление, власть: Концептуальный проект системы (государственной) организационно-управленческой деятельности // Политические исследования. 2013. № 3. С. 51–65.
9. Рогозин, Д. Образовательные услуги и индикаторы их качества // Отечественные записки. 2012b. Т. 49 № 4. С. 154–164.
10. Рогозин, Д. Оценка качества социальных услуг людьми старшего возраста // Менеджмент качества. 2012a. № 4.
11. Рогозин, Д.М., Шмерлина, И.А. Оценка эффективности государственных и муниципальных услуг: Социальная критика и профессиональная экспертиза. М.: Издательский дом «Дело», 2014.
12. Симагина, О.В. Подходы к формированию показателей качества публичных услуг // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 194–201.
13. Шадрина, Е.В., Виноградов, Д.В. Государственно-частное партнерство как форма организации бизнеса // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 5–19.
14. Южаков, В.Н. Эволюция смыслов и правового регулирования государственных услуг в России в 2004–2012 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 2. С. 5–22.
15. Alves, E. Co-creation and innovation in public services // Service Industries Journal. 2013. Vol. 33. No. 7–8. P. 671–682.

16. Behn, R.D. Government performance and the conundrum of public trust // *Market-based governance* / Ed. by J.D. Donahue, J.S. Nyer Jr. Washington, DC: Brookings Institution, 2002. P. 323–348.
17. Behn, R.D. The big questions of public management // *Public Administration Review*. 1995. Vol. 55. P. 313–324.
18. Behn, R.D. The New public management paradigm and the search for democratic accountability // *International Public Management Journal*. 1998. Vol. 1. P. 131–164.
19. Bentham, J. *Chrestomathia: Collected works of Jeremy Bentham* / Ed. by M.J. Smith, W.H. Burston. Oxford: OxfordUniversity Press, 1984. [First publication 1817].
20. Deleon, L. Public management democracy, and politics // *The Oxford handbook of public management* / Ed. by E. Ferlie, L.E. Lynn Jr., Ch. Pollitt. Oxford: OxfordUniversityPress, 2007. P. 103–130.
21. Desrieux, C., Chong, E., Saussier, S. Putting all one's eggs in one basket: Relational contracts and the management of local public services // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2013. Vol. 89. P. 167–186.
22. Dobel, P. Public management as ethics // *The Oxford handbook of public management* / Ed. by E. Ferlie, L.E. Lynn Jr., Ch. Pollitt. Oxford: OxfordUniversityPress, 2007. P. 156–181.
23. Hood, C. Public management: The word, the movement, the science // *The Oxford handbook of public management* / Ed. by E. Ferlie, L.E. Lynn Jr., Ch. Pollitt. Oxford: OxfordUniversityPress, 2007. P. 7–26.
24. Moses, J. Liberal internationalist discourse and the use of force: Blair, Bush and beyond // *International Politics*. 2010. Vol. 47. No. 1. P. 26–51.
25. Peters, B.G. *The politics of bureaucracy*. 4th ed. New York: Longman, 1995.
26. Pollitt, C., Bouckaert, G. *Public management reform: A comparative analysis – new public management, governance, and the Neo-Weberian state*. 3rd. ed. Oxford: OxfordUniversityPress, 2011. [First publication 2000].

27. Ruscio, K.P. Trust, democracy, and public management: The theoretical argument // Journal of Public Administration Research and Theory. 1996. Vol. 6. P. 461–478.
28. Sullivan, H. Rethinking public service delivery: Managing with external providers // Australian Journal of Public Administration. 2013. Vol. 72. No. 2. P. 77–81.
29. Vigoda, E. Performance and democracy in public sector: Exploring some missing links in the study of administration and society // International Journal of Public Administration. 2003. Vol. 26. P. 883–890.

Приложение 1:

Гайд развернутого биографического интервью

БЛОК 1. Карьера и образование.

- Кем Вы сейчас работаете (какую должность Вы сейчас занимаете)? Как давно Вы на государственной службе? (если менее 5 лет: где работали до этого?)
- Какое Вы получили образование? Когда и кем впервые устроились на работу? Как и почему Вы выбрали этот ВУЗ и это место работы? Видели ли Вы себя в то время на этом месте?
- **Назовите наиболее значимые события в Вашей карьере.**
- Если бы Вы сейчас были в самом начале жизненного пути, избрали бы Вы для себя Вашу нынешнюю карьеру? (если нет, то какую тогда и почему)
- Что самое трудное в Вашей работе? А самое лёгкое, приятное, привлекательное?
- Испытываете ли Вы необходимость в получении каких-либо дополнительных навыков? (повышение квалификации)
- Как Вы отдыхаете в свободное от работы время? Где проводите отпуск?
- Расскажите о своих достижениях в работе. Какие были трудности в работе (что хотели бы изменить, если была бы возможность)? Есть ли у Вас какие-либо награды, ордена?

- Кем Вы видите себя через три года? Кем бы хотели видеть?
- Если представить, что завтра Вы уйдете с этой должности, чем бы Вы стали заниматься?

БЛОК 2. События в жизни России.

- **Назовите наиболее значимые события в жизни страны или региона за последние 30 лет (с 1980 г.). Почему эти события значимы, с Вашей точки зрения?**
- Как Вы к ним относитесь? Как повлияли описываемые события на Вас лично?
- Что, на Ваш взгляд, может произойти со страной в ближайшее время (в течение 3–5 лет)? А в среднесрочной (5–10 лет) и долгосрочной (от 10 лет) перспективе?

БЛОК 3. Госаппарат и народ

- **Каким должен быть чиновник?** Какими качествами должен он обладать прежде всего? (что самое главное в работе чиновника)
- Госслужащий вообще – это обычный человек? Или у него есть какие-то отличительные особенности, связанные с профессией? (например, у врача – изучающий взгляд, журналисты всегда задают много вопросов, преподаватели любят читать лекции по поводу и без)
- Насколько открытой должна быть работа госслужащего?
- Как Вы думаете, люди в целом позитивно или негативно относятся к чиновникам? Справедливо или несправедливо? Почему?
- **Как Вы считаете, есть ли смысл бороться с коррупцией в нашей стране?** (если да – то как это сделать?) Как Вы относитесь к тем мерам, которые принимает наше правительство? А с алкоголизмом?
- Как Вы можете в целом охарактеризовать наш народ? Русские – они какие?

БЛОК 4. Семья.

- **Большая ли у Вас семья?** Чем занимается супруга? Дети?
- Какую роль в Вашей жизни сыграли родители?

- Существуют ли в Вашей семье семейные традиции? Какие?
- **Вы в семье и Вы на работе – это один человек или разные люди? Какой Вы дома?**
- Как Вы относитесь к тому, что сейчас мужчины могут уходить в декретный отпуск по уходу за ребёнком? Сами бы ушли?
- Какие места Вы бы хотели показать своим детям / внукам?

БЛОК 5. Мировоззрение.

- Как Вы относитесь к всеобщей воинской обязанности? Вы сами служили в армии? Хотели бы, чтобы Ваш сын служил в армии?
- Считаете ли Вы себя верующим человеком и почему?
- Какие у Вас политические взгляды? Как Вы относитесь к протестным движениям?
- Как Вы относитесь к курению? Вы сами курите?
- Что для Вас важно в жизни? Какая у Вас мечта?

БЛОК 6. Другое и контакты.

- Какой вопрос Вы ждали от меня, а я не задал? Какой вопрос понравился больше всего?
- Могли бы мы поговорить с Вашими подчиненными? Кого можете порекомендовать из Ваших коллег? Как с ним(и) связаться?

Приложение 2: Примеры карт профессиональных биографий

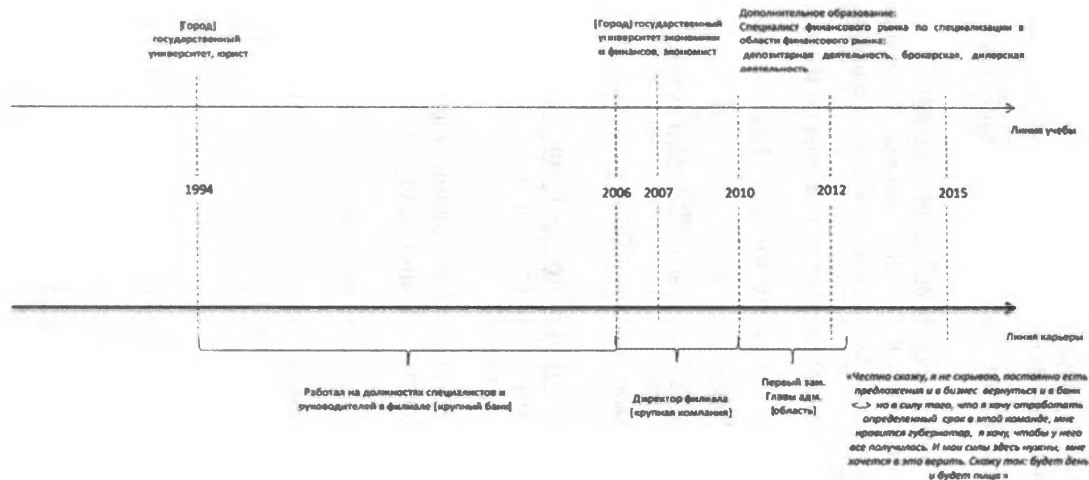

Рис. 1. Карта профессиональной биографии, первый заместитель главы администрации области, жен., 43 года, стаж на государственной службе 2 года

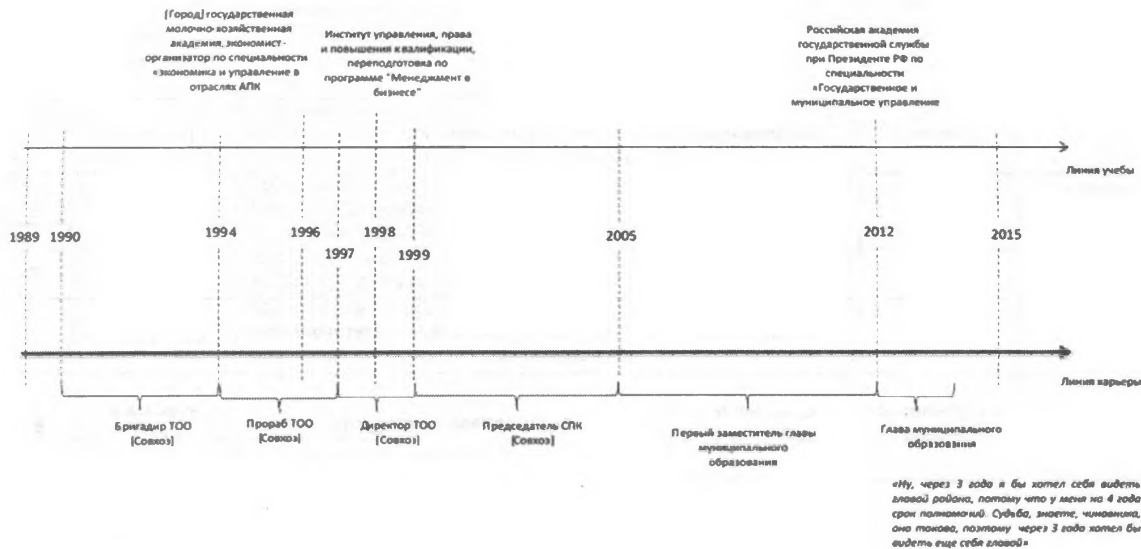

Рис. 2. Карта профессиональной биографии, глава муниципального образования, муж., 44 года, стаж на муниципальной службе 6 лет

Приложение 3:

Список анализируемых интервью с государственными и муниципальными служащими

№	Дата интервью	Должность респондента	Категория должности	Возраст респондента	Интервьюер
1	24.05.2012	начальник управления по вопросам государственной службы и кадров департамента социальной защиты населения	руководитель	55 лет	Галиева
2	29.06.2012	ведущий специалист департамента жилищной политики	специалист	22 года	Низгорасв
3	13.07.2012	начальник отдела автоматизации и технологического обеспечения в правовом управлении	руководитель	61 год	Ипатова
4	18.07.2012	первый заместитель председателя комитета государственной гражданской службы области	руководитель	36 лет	Ипатова
5	18.07.2012	главный специалист отдела по работе с кадрами и наградной деятельности комитета гражданской службы	специалист	45 лет	Ипатова
6	18.07.2012	главный специалист-эксперт отдела пресс-службы Губернатора области комитета	специалист	25 лет	Ипатова

№	Дата интервью	Должность респондента	Категория должности	Возраст респондента	Интервьюер
		Администрации области по взаимодействию со СМИ			
7	18.07.2012	главный специалист-эксперт, юрисконсульт комитета государственной гражданской службы области	специалист	25 лет	Галиева
8	18.07.2012	главный консультант – юрисконсульт экономического комитета области	специалист	25 лет	Галиева
9	18.07.2012	заместитель главы администрации области	руководитель	45 лет	Галиева
10	19.07.2012	начальник управления правового, организационного и информационного обеспечения комитета культуры области	руководитель	29 лет	Ипатова
11	19.07.2012	председатель информационно-аналитического комитета области	руководитель	45 лет	Ипатова
12	19.07.2012	государственный жилищный инспектор управления государственной жилищной инспекции	руководитель	37 лет	Ипатова
13	19.07.2012	ведущий специалист-эксперт отдела государственного надзора комитета охотничьего и рыбного хозяйства области	специалист	23 года	Ипатова
14	19.07.2012	начальник управления по организации размещения заказов комитета по управлению государственным имуществом области	руководитель	37 лет	Галиева

№	Дата интервью	Должность респондента	Категория должности	Возраст респондента	Интервьюер
15	19.07.2012	первый заместитель главы администрации области	руководитель	43 года	Галиева
16	19.07.2012	главный специалист-эксперт отдела нормативно-материального обеспечения комитета образования, науки и молодежной политики области	специалист	24 года	Галиева
17	20.07.2012	ведущий специалист второго разряда управления делопроизводства и архива комитета контроля и делопроизводства администрации области	специалист	47 лет	Ипатова
18	20.07.2012	начальник отдела экономического планирования и финансирования системы здравоохранения области	руководитель	37 лет	Ипатова
19	20.07.2012	главный специалист-эксперт отдела защиты семьи и материнства комитета социальной защиты населения области	специалист	52 года	Галиева
20	20.07.2012	главный специалист-эксперт управления делопроизводства и архива администрации комитета контроля и делопроизводства области	специалист	40-50 лет	Галиева
21	03.08.2012	референт отдела организации государственной гражданской службы управления кадровой политики и государственной	специалист	нет данных	Никулин

№	Дата интервью	Должность респондента	Категория должности	Возраст респондента	Интервьюер
		службы правительства области			
22	07.08.2012	советник начальника отдела по противодействию коррупции при правительстве области	помощник (советник)	нет данных	Виноградская
23	07.08.2012	заместитель начальника отдела организации государственной гражданской службы управления кадровой политики государственной службы правительства области	руководитель	нет данных	Виноградская
24	07.08.2012	референт отдела наград	специалист	нет данных	Виноградская
25	07.08.2012	первый заместитель начальника управления делопроизводства и контроля при правительстве области	руководитель	63 года	Виноградская
26	08.08.2012	референт отдела контроля и делопроизводства управления по работе с обращениями граждан правительства области	специалист	нет данных	Виноградский
27	10.08.2012	заместитель начальника управления по работе с обращениями граждан	руководитель	47 лет	Виноградская
28	10.08.2012	начальник отдела по работе с государственными органами и органами местного самоуправления управления по работе с обращениями граждан	руководитель	нет данных	Виноградский
29	13.08.2012	консультант отдела государственного жилищ-	специалист	46 лет	Виноградская

№	Дата интервью	Должность респондента	Категория должности	Возраст респондента	Интервьюер
		ного фонда управления жилищной политики			
30	13.08.2012	начальник отдела инновационных программ управления науки и инновационного развития Министерства промышленности и энергетики области	руководитель	нет данных	Виноградская
31	13.08.2012	начальник отдела лицензирования Министерства промышленности и энергетики области	руководитель	45 лет	Виноградская
32	13.08.2012	начальник отдела химической промышленности и коммуникационных обязательств Министерства промышленности и энергетики области	руководитель	нет данных	Виноградская
33	14.08.2012	начальник отдела планирования и исполнения бюджета министерства образования области	руководитель	45 лет	Виноградский
34	17.08.2012	начальник организационного отдела Министерства культуры области	руководитель	47 лет	Виноградская
35	17.08.2012	начальник отдела правовой и кадровой работы Министерства культуры области	руководитель	35 лет	Виноградская
36	17.08.2012	референт по взаимодействию с высшими учебными заведениями управления учреждений профессионального образования Министерства образования области	специалист	58 лет	Виноградский

№	Дата интервью	Должность респондента	Категория должности	Возраст респондента	Интервьюер
37	22.08.2012	помощник руководителя, советник Министра по организационным вопросам	помощник (советник)	26 лет	Никулин
38	22.08.2012	директор департамента международных связей и государственного протокола администрации губернатора области и правительства области	руководитель	53 года	Никулин
39	23.08.2012	заместитель руководителя администрации, директор департамента контроля и совершенствования государственного управления	руководитель	49 лет	Никулин
40	27.08.2012	ведущий консультант департамента международных связей и государственного протокола администрации губернатора области и правительства области	специалист	нет данных	Никулин
41	28.08.2012	начальник управления по работе с обращениями граждан администрации губернатора области и правительства области	помощник (советник)	50 лет	Никулин
42	30.08.2012	советник заместителя губернатора области	руководитель	39 лет	Никулин
43	30.08.2012	главный бухгалтер департамента образования области	руководитель	30 лет	Никулин
44	31.08.2012	начальник отдела развития общего и дошкольного образования управления общего образования Министерства образования области	руководитель	нет данных	Виноградский

И.А. Шмерлина

Аутопойезис государственности: к теоретическому анализу феномена чиновничества

Из предположения о том, что индивиды в своем поведении материализуют общество, в качестве следствия вытекает гипотеза, будто структурные проблемы общества... предстают в виде неадекватного индивидуального поведения и могут становиться здесь предметом эмпирического описания. ...Но даже если подобные связи можно показать статистически, остается вопрос о том, как индивид приходит к тому, чтобы на себе самом выказывать – или не выказывать – симптомы общественных патологий. Но, прежде всего, следовало бы поразмышлять над тем, какие структурные проблемы общества вообще могут превращаться в неадекватное индивидуальное поведение [Луман, 2004, с. 24].

Отношение критики и недовольства, постоянно сопровождающее российского чиновника на страницах исторических и литературных текстов, сложилось задолго до современного социально-политического дискурса. Известный историк социологии и знаток нравов дореволюционной России И. Голосенко отмечал: «В умной докладной записке “О прошлом и настоящем русской администрации”, написанной Э. Берендсом в 1904 г. министру внутренних дел В.К. Плеве указывалось, что отечественную историю сопровождает одно огорчительное обстоятельство: какое-то незатухающее недовольство государственной властью, постоянные нарекания в адрес чиновничества ввиду отсутствия честности и должной

законности в ее деятельности... Даже в самом слове “чиновник”, признавался в 1911 г. один наблюдатель общественных нравов той поры, есть что-то специфическое и произносится оно “с едва уловимым оттенком в голосе – не то ироничным, не то пренебрежительным”» [Голосенко, 1999, с. 107]. В те времена в русской речи бытовало множество негативных и даже бранных обозначений в адрес чиновников, которые отмечает И. Голосенко: «канцелярская крыса», «чинодрал», «приказная строка», «крапивное семя», «окурки», люди типа «что изволите» или «нос по ветру», «чернильные души».

Лингвисты фиксируют своеобразные перемены, происходящие с концептом «чиновник», – всё более отчётливое замещение его ядерного элемента («государственный служащий») периферийным («человек, служащий без интереса, бюрократически»). Самые сильные оценочные синонимы прошлого в русском языке заменяются более социально-насыщенными, отсылающими к таким свойствам чиновников, как «социальный паразитизм», коррупционность и т. п. [Сурикова].

Сегодняшний социальный имидж российского чиновничества более или менее исчерпывающе представлен следующими характеристиками: включенность в «аппарат» как некую тесно связанную официальными и неофициальными связями и закрытую от внешнего мира структуру управления; интеллектуальная ограниченность; отсутствие специфических профессиональных знаний и умений, некомпетентность в своей зоне ответственности; доступ к общественным благам как функция места, а не собственных профессиональных и личностных качеств; дефицит моральных ограничений, демагогичность, лицемерие, бездушие, формализм, низкий официальный заработок, коррумпированность, амбициозность, чинопочитание.

Выбор исследовательской оптики

С чем может быть связан такой социальный имидж чиновничества, насколько он соответствует жизненному миру и институциональной роли этой группы служащих? Отвечая на данные вопросы, мы переходим в область теоретического анализа. Существуют три (и вряд ли более) принципиальных подхода к исследованию феномена чиновничества: психологический (в широком диапазоне от диагностики социально-психологического типа личности до психоаналитических погружений); исторический; институциональный. Согласно первому подходу, проблема эффективного функционирования государственной машины упирается в людскую психологию – личностный тип, мировоззрение и социальные установки людей, которые нами руководят.

Вряд ли стоит оспаривать предположение, что к государственной службе тяготеют люди определенного психологического типа (что бы ни лежало в истоках этого типа – специфика социализации или врожденный психический профиль), точно так же, как специфическим психологическим обликом обладают те, кто идут в космонавты, музыканты, математики, вагоноводы, учителя и т.д. Однако у каждого психологического типа есть альтернативные варианты реализации, которые задаются некими внешними обстоятельствами, поэтому данный подход к объяснению феномена чиновничества представляется малопродуктивным.

Культурно-исторический подход, связанный с реконструкцией исторической биографии российского чиновничества, дает больше в понимании анализируемого феномена. Однако при всей богатой фактичности он содержит методологический изъян, в значительной степени обесценивающий его эвристические возможности. Дело в том, что многие характеристики чиновничества как профессиональной группы имеют статус универсалий и обнаруживаются в самых разных социокультурных средах. Это обстоятельство позволяет

задуматься о возможности иных методологических подходов к анализу чиновничества – антропологического и даже этологического. В частности, признанную черту этой социальной группы — «коррупциогенность» можно весьма убедительно объяснить «человеческой природой» либо базовой предрасположенностью живых существ максимизировать использование наличных ресурсов путем стихийного выстраивания определенных структур доступа [Рогозин, Шмерлина, 2012]. Последнее предположение сопряжено с погружением в проблематику инвариантных параметров взаимодействия живых систем с внешней средой, первое же лежит на поверхности и часто звучит в нарративах, выполненных в жанре здравого смысла: «...коррупцию искоренить невозможно. Это связано с сущностью человека. Я думаю, что коррупция связана во всех странах мира»; «Там, где можно заработать деньги, люди их зарабатывают. Когда это незаконный способ – то это незаконный способ» (из интервью с государственными служащими).

В подобных объяснениях есть «момент истины». Однако ни антропологический, ни этологический подходы не выводят на комплексное понимание феномена чиновничества – в частности, не объясняют такой важнейшей его черты, как формализм. Поэтому эти подходы можно иметь в виду как некий вспомогательный объяснительный ресурс, но не как ту платформу, на которой можно выстроить убедительное объяснение. Подобную платформу можно скорее найти в третьем из обозначенных подходов – институциональном. Он, в свою очередь, допускает дальнейшую дифференциацию и может быть реализован в институционально-историческом виде, организационно-структурном и так называемом «культурологическом», связанном с извлечением смыслов. Первый из названных выше вариантов (институционально-исторический) сливается с историческим подходом, специфицируя последний. Анализ организационной структуры и

формальных принципов государственного менеджмента мало что даст без подключения смысловой перспективы деятельности. Именно на последней, причем рассмотренной в довольно радикальном варианте абстрактного теоретического дискурса, сфокусировано дальнейшее изложение.

Для подобного захода на проблему имеются мощные теоретические ресурсы – концепция социального аутопойезиса Н. Лумана [Луман, 2004] и теория бюрократии М. Вебера [Вебер, 2006], а также концептуальный аппарат семиотики. Методология последующего анализа базируется на теории бюрократии, прочитанной через концепцию аутопойезиса. В фокусе анализа при этом оказываются не функциональные элементы государственной машины и не психология людей, обслуживающих последнюю, но смыслы, управляющие движением государственно-бюрократического аутопойезиса. Подобная переориентация внимания позволяет увидеть социально-психологический профиль чиновника – его ценностные, мировоззренческие и поведенческие установки – в принципиально непсихологическом, надличностном плане. В этом плане чиновник – его человеческое естество – оказывается внешней средой института государства.

Социальный аутопойезис

Концептуальная сетка последующего изложения выстроена на следующих тезисах:

(1) Государство представляет собой отдифференцированную (по Луману) социальную систему, которая функционирует и развивается автономно, на основе собственных институциональных смыслов и организационных принципов.

(2) Эти смыслы и принципы следует понимать в очень формальном, бессодержательном плане. Иначе говоря, речь идет не об общественных идеалах и ценностях, а о механизмах, обеспечивающих функционирование государственной

машины. Эти механизмы описаны М. Вебером в модели рациональной бюрократии. Привнесение в нее ценностей типа «общественное благо» дает ненужный шум, сбивая логику анализа и выводя из фокуса механизм государственного аутопойезиса.

(3) Чиновники как профессиональная группа, с которой связаны многообразные проявления общественного негодования и, реже, общественных ожиданий [Молодцов] могут быть рассмотрены в двух принципиальных планах: (а) как люди, индивиды со своей специфической социальной психологией, мотивацией, профессиональным этосом и т. п.; (б) как функциональные элементы политической системы общества, обеспечивающие ход государственного аутопойезиса.

(4) Различение этих двух аспектов позволяет выстроить модель «система – внешняя среда». Что является системой, а что средой в данном случае непринципально. Важно лишь не смешивать эти два аспекта. В дальнейшем будем понимать под системой бюрократическую машину государства, а под средой (наряду со всеми прочими ее элементами) – людей, вовлеченных в зону ее действия. Строго говоря, здесь следует вести речь не только о чиновничестве, но и о населении, которым оно «обслуживается». Если вспомнить тот некий, слабо артикулированный, но различимый, тем не менее, фон оправдания и легитимации, которую получает в российском общественном сознании коррупция (см.: [Рогозин, Шмерлина, 2012]), этот тезис не потребует дальнейших обоснований.

(5) Различение «система – внешняя среда» неявно предполагает, что между этими двумя элементами существуют определенные отношения. Было бы большим упрощением понимать «внешнюю среду» всего лишь как «не-систему», т. е. как то, что не является системой. «Внешняя среда» – это всё то, что не является системой, но по отношению к чему

система небезразлична, что важно с точки зрения ее функционирования, с чем она вынуждена считаться, что составляет её «жизненный мир». Подобная постановка проблемы задает тематику структурного сопряжения как важнейшего аспекта анализа комплекса «система – внешняя среда»¹.

«Функциональная дифференциация зиждется на оперативной замкнутости функциональных систем под влиянием самореференции». [Луман, 2006, с. 172]. «...Понятие “государство” служит внутреннему самоописанию (рефлексии) политической системы... и его не следует смешивать с общественной функцией этой системы: принимать коллективно обязывающие решения...» [Луман, 2006, с. 183]. «...Политическая система должна отказаться от представления о том, что этическая добродетель ...может найти выражение непосредственно в политической деятельности... В результате политика впоследствии соглашается на собственный государственный интерес, создавая анклавы для аморальных действий (в экстренных случаях), тогда как мораль... может подвергаться приватизации» [Луман, 2006, с. 140]. О чем, собственно, речь? Переводя герметичный язык лумановской теории на язык более понятных и, что неизбежно, более плоских суждений, государство следует понимать как отдифференцированную (критерием, или смыслом диф-

¹Структурное сопряжение (*structural coupling*) – термин принадлежит концепции У. Матураны и Ф. Варелы и описывает принцип взаимодействия аутопойетической системы с окружающей средой (в качестве которой может выступать другая подобная система), подчеркивая взаимную координированность их действий при сохранении аутопойетического модуса существования [Матурана, Варела, 2001]. Согласно данному принципу, система изначально «настроена» на параметры внешней среды, что позволяет ей учитывать возмущения последней и реагировать на них исходя из своей собственной организации (включая возможность отбора возмущений, требующих реагирования).

ференциации при этом выступает власть) социальную систему, функциональное предназначение которой – «принимать коллективно обязывающие решения». Иначе говоря, – управлять. Государство как отдифференцированная общественная сфера – просто система управления. «Просто» системой управления оно становится, видимо, только на определенном историческом этапе – возникновения современной западной политической системы. Существует ли государственный аутопойезис в обществах патриархального и авторитарного типа – вопрос, не допускающий лёгкого ответа. Скорее всего, там имеет место иной тип общественной дифференциации (в лумановском смысле), но это не более чем «нулевая гипотеза», которую мы оставляем без дальнейшего рассмотрения.

Как бы то ни было, современное западное государство достаточно аутентично может быть описано моделью аутопойезиса. Это система управления, имеющая своей целью координацию общественной жизни и, в конечном счете, улучшение последней. Однако о целях следует до поры до времени забыть, сосредоточившись на функциональном предназначении государства. Созданное для того, чтобы управлять, оно воспроизводит себя как система управления, и основной «заботой» государства является именно это – бесконечное, рекурсивное воссоздание себя как системы управления, а отнюдь не «общественное благо».

Иначе говоря, государственная машина существует не для того, чтобы обеспечивать благоденствие подданных государства и даже не для того, чтобы обеспечивать эффективное функционирование областей, лежащих за пределами государственной сферы (хотя и создана для этого). Она существует и не для того, чтобы обогащать чиновника (и создана не для этого). Государственная машина существует для соз-

дания правил и отправления процедур управления. Правила и процедуры управления – вот сфера аутопойезиса государства и его наиболее аутентичного идеального типа – веберовского рационально-бюрократического государства, построенного на примате формального правила и процедуры: «...Высокий рационализм сильной власти заключается не в преследовании форсируемых и тем не менее всегда остающихся проблематичными хороших целей, но в том, что все большее число возможностей подвергается все большему числу ограничений. Рациональность как раз и состоит в этой связи возможностей и ограничений, а отнюдь не в степени эффективности властных действий. Рост рациональности требует все более абстрактных критериев принятия решений» [Луман, 2001, с. 125].

Именно аутопойезис государственной машины описывает Вебер, когда вменяет чиновнику служить букве закона. Это – абсолютно нежизнеспособное требование, если понимать его буквально, как тип человеческого поведения. Но это предельно точная характеристика бюрократической системы, если рассматривать её с точки зрения характера её аутопойезиса. Понимая это, нетрудно увидеть, что Вебер описывает не социальную группу (не людей с определенным социально-психологическим профилем), а функциональные элементы бюрократической организации, «отличающейся особым способом функционирования: она порождает решения посредством решений» [Луман, 2006, с. 267].

Важно помнить, что Вебер выделяет не историческую, а метафизическую реальность – идеальный тип. В этой аналитической конструкции, с одной стороны, эксплицированы важнейшие черты фактически существовавших государственных устройств, но, с другой – она отражает представления ее автора о должном – как должна была бы функционировать идеальная государственная машина во имя общест-

венного блага и процветания. О том, что подобной идеальной машины не существует, догадывался и сам Вебер, много внимания уделивший проблеме экспансии власти бюрократии, ее стремлению к неограниченному господству (этот и другие аспекты веберовской теории бюрократии хорошо изложены в: [Масловский, 1997]).

Однако дело не только в разрастании бюрократии. Уже сам идеальный тип, предполагающий холодный и ответственный формализм (нетрудно увидеть здесь «избирательное сродство» [Гете, 1978] с кантовским нравственным идеалом), неизбежно «исправляется» реальностью. Иначе говоря, заложенные в нём смыслы (воплощённые в соответствующих концептах и постигаемые акторами через последние) развивают свою собственную логику, давая в результате нечто совершенно иное, чем было «придумано» в очищенной от реальности модели. В том, что это действительно так, легко убедиться на примере одного из конституционных признаков рациональной бюрократии: «...управление основывается на письменных документах, что делает канцелярию центром современной организации» [Weber; цит. по: Масловский, 1997]. В реальной жизни принцип строго документированного, «бумажного» ведения дел получает гротескное выражение и превращается в один из самых иррациональных атрибутов рациональной бюрократии². В этом самодостаточ-

² «Бумаготворчество было отличительной чертой деятельности учреждений. По каждому делу, из которых многие тянулись годами и даже десятилетиями, накапливались горы бумаг, что создавало порой непреодолимые сложности в понимании сути дела. Так, дело о злоупотреблениях коллежского советника Марцинкевича – комиссионера по винным откупам в Пензенской губернии решалось в течение 10 лет и около 20000 листов. Когда сенатор Горголи во время ревизии губернии пожелал ознакомиться с ним, "...ему привезли две телеги бумаг и книг, которые заняли целую комнату. Через две недели возвратили, как будто была возможность в этот, столь короткий срок составить себе из такой массы бумаг

ном, доходящем до сюрреализма, бумаготворчестве отчетливо проступают черты бюрократического аутопойезиса. Нет никаких сомнений, что это – не национальная и институциональная характеристика.

Анализ российской государственной бюрократии

Как любая система, бюрократическая государственная машина испытывает толчки со стороны внешней среды, будь то люди или иные общественные сферы. Но, как любая аутопойетическая система, она способна воспринять лишь те толчки, в отношении которых она «настроена» (то есть в тех зонах, где имеет место структурное сопряжение между системой и внешней средой) и только теми способами, которыми она располагает и которые позволяют ей сохранить самое себя. Уместно вспомнить отчаянные жалобы представителей

какое-нибудь понятие о сущности дела и правильности или неправильности решения» [Писарькова, 1995].

«Вдруг из зала <суда> стали выносить громадные кипы бумаг – кипы в мешках и кипы такой величины, что в мешки они не влезали, словом – неохватные груды бумаг в связках всевозможных форматов и совершенно бесформенных, под тяжестью которых тащившие их клерки шатались и, швырнув их до поры до времени на каменный пол зала, бежали за другими бумагами. Хохотали даже эти клерки. Заглянув в бумаги, мы увидели на каждой заголовки “Джарндисы против Джарндисов” и спросили какого-то человека (по-видимому, судейского), стоявшего среди этих бумажных гор, кончилась ли тяжба. – Да, – сказал он, – наконец-то кончилась! – и тоже расхохотался» [Диккенс, 2010, с. 961–962]. «Благоговейное отношение к канцелярской работе, воспитанное многолетней службой, сохранялось у чиновников и после выхода в отставку, проявляясь порой самым анекдотичным образом. Так, дед Веселовского, дослужившийся до советника Нижегородской казенной палаты, в старости заставлял такого же старика-писца переписывать старые бумаги; по словам внука, “это бесцельное переписывание бесполезных бумаг представляло наглядное применение в канцелярской сфере теории ‘искусства для искусства’”» [Писарькова, 1995].

«бюджетных профессий», подконтрольных государственным органам, например, учителей, задавленных бюрократическим бумажным управлением: «Мы устали от бюрократической бумажной волокиты. Мне бы вот лично уже некогда работать. Бесконечные отчеты, планы, то есть мы чем дальше, тем больше выстраиваемся в струнку перед управлением образования. Чиновники начинают нам диктовать. Ни о каком творчестве и речи быть не может. Нам говорят: создайте программу. Мы целый год работали над программой развития, она получилась у нас хорошая, интересная, наша, индивидуальная. 1 сентября наступило – вот такое количество телефонограмм. Вот это проведите, а как же наша программа, как же наши планы? Зачем мы их составляли? Зачем мы цели и задачи себе ставили? Мы настроились на то, чтобы выполнять свою собственную программу развития. А нам говорят, проведите это. Почему мы должны проводить? У нас этого нет в программе, нет в плане. То есть чиновники уже настолько сели нам на шею, на голову. Вот это моя мысль – мне некогда работать. Я только бумажки пишу» [Материалы Фонда «Общественное мнение», 2007].

При всём сочувствии к бедным педагогам, следует понимать, что бюрократическая машина не может работать иначе. Для того чтобы воссоздавать себя как систему управления, на любые «требования жизни» она должна отвечать так, как «умеет», – теми или иными управленческими решениями. Отсюда неизбежно присущее ей разбухание всевозможных распоряжений и циркуляров, неумеренное бумаготворчество и разрастание бюрократического аппарата. Заметим, что последнее – одна из тех имманентно присущих государственно-бюрократической машине черт, которые никак не объяснишь «психологией чиновника». Зачем последнему стремиться к умножению себе подобных? Всё, что способна породить государственная машина, опирающаяся на формально-

бюрократические методы управления, всегда и неизбежно лежит в пределах изначально очерченных смыслов. Это семиотический аспект проблемы, и он здесь важен. Любое бюрократическое «творчество» связано с экспликацией и развитием смысловых комплексов, на которые она изначально настроена.

Вопрос о возможности порождения новых смыслов в пределах существующего аутопойезиса мы решаем более жестко, нежели Луман, который оставил его открытым: «Если предположить, что может быть осуществлена дифференциация медийного кода и коммуникационных тематик... то возникает вопрос, а может ли код, и если да, то как, управлять сменой тематик? Разделение этих двух смысловых уровней оправдано лишь в том случае, если код не предписывает конкретно, какие именно следует отдавать распоряжения. Код, как и язык, остается абстрактным лишь до тех пор, покуда он не устанавливает никакой последовательности тематических коммуникаций. Однако он не может оставаться полностью индифферентным по отношению к границам тематических возможностей. Регулируя тематики, код определяет условия их возможности. Вопрос здесь состоит в том, в какой степени подобные “условия возможности” одновременно выполняют регулятивную функцию общего управления коммуникативным процессом?» [Луман, 2001, с. 62].

Чиновник не может и не должен вводить новые смысловые комплексы, он создан не для этого, а с прямо противоположной целью. Он должен их поддерживать, постоянно воспроизводя в конкретных решениях в связи с конкретными управленческими задачами. Внедрение в эту систему новых смыслов должно происходить извне – эти смыслы суть сырье, которые перерабатываются аутопойетической системой³.

³Это полностью отвечает логике функционирования живых и жизнеподобных систем (к классу которых относятся аутопойетические системы).

Откуда поступают смыслы – вопрос с точки зрения функционирования системы вторичный (хотя с точки зрения благоденствия общественного целого – важнейший). Это могут быть иные общественные системы (прежде всего, видимо, политическая – здесь важно разграничить политический и государственный аутопойезис) или личность, индивид, причем вовсе не обязательно харизматический лидер.

Парадоксальную роль в этом плане приобретает взятка. Некоторые исследователи и эксперты, близко знакомые с феноменом российской взятки, придают ей значение проводника новых смыслов, размыкающего «плохой аутопойезис» государственной машины: «На помощь сторонникам нового приходит, как ни парадоксально, взятка, с помощью которой удастся чуть-чуть расширить свободу действий прежде всего в экономической области. Через корыстную поддержку открывались новые фабрики и рудники, строились железные дороги, модернизировался флот (военный и гражданский)... Любой русский промышленник и общественный деятель мог привести сотни примеров, показывающих, как взятка выступала толкачом экономического, научно-технического и даже шире – общественного прогресса в обход устаревшим законам. “В стране с отсталым политическим строем, с отсталым законодательством взятка... сплошь и рядом выступала в ‘конституционной’ роли”» [Голосенко, 1999, с. 113]. Конечно, это не оправдывает взятку, но разговор идёт в плоскости, исключающей моральные оценки. Взятка выступает в роли корректирующего механизма, открывающего возможности развития для иных систем, но загоняющего «плохой аутопойезис» государственной машины в состояние стагнации.

Вернёмся к главному объекту исследования – россий-

«нарушающих» второй закон термодинамики. Это системы открытого типа, обменивающиеся с внешней средой ресурсами и энергией, но закрытые в операциональном отношении.

скому чиновнику. Взятый в ракурсе российского бюрократического аутопойезиса, он может быть только таким, каков есть. Разгадка его профессионального этоса лежит, по видимому, в этих двух спецификациях – «российский» и «бюрократический». Хорошо известна трактовка российского чиновничества как исторической разновидности патримониальной бюрократии. Симптоматично, однако, что сам Вебер относил царскую государственную машину к разряду рационально-бюрократических систем [Масловский, 1997]. Тот беглый теоретический анализ, что предпринят нами выше, заставляет склоняться скорее к последней трактовке. В то же время богатая фактура российской политической действительности оставляет место и для второго предположения. Предварительное решение этой дилеммы могло бы выглядеть следующим образом: рациональная бюрократия, отягощенная патримониальными структурами, действующими как неформальные механизмы власти⁴.

Подобной контаминацией можно объяснить еще один специфический момент институциональной включенности взятки в российскую политическую систему, связанный уже не с «исправлением» официального – бессмысленного и неэффективного – рационально-бюрократического аутопойезиса, а с ритуальным поддержанием неформальных структур патримониального уклада: «Подлинное объяснение nepотопляемости российского взяточничества, считал П. Берлин, надо искать в том, что оно у нас “неразрывно слилось и сплослось со всем строем и укладом политической жизни”<...> Привлекая современный научный язык, скажем, взяточничество – латентная функция политической власти, ее устройст-

⁴Различению формальной и неформальной власти Луман придавал большое значение и видел в нем разновидность смежного кода, возникающего в любой сложной отдифференцированной общественной системе [Луман, 2001, с. 66–67].

ва и функционирования. Оно существует как способность своеобразной дани административным лицам, имеющим общественную и особенно политическую власть, за предоставляемые ими льготы, “послабления”, уступки, казенные подряды и заказы, субсидии и гарантии тем, кто их за это “отблагодарит”, причем дело не в конкретных лицах (хотя и это важно), а в структурной взаимосвязи властеотношений в целом. <...> Неразрывная сплетенность показной политической благонадежности с лубочным патриотизмом составляла любопытную национальную черту процесса самовоспроизводства взяточничества. “Стремясь привязать к себе чиновничество крепкими узами... правительство сквозь пальцы смотрело на обогащение с помощью взяток и обмана казны. Оно знало, что если чиновники-взяточники и обманывают и разоряют казну, то, с другой стороны, в политическом отношении они всегда являются наиболее угодливым элементом”... Хотя взяточник в моральном отношении и гнилая, но все-таки какая ни есть подпорка режиму. Это пронизательно почувствовал уже Салтыков-Щедрин, писавший в “Помпадурах и помпадуршах”: “...что ...может быть покладистее, уживчивее ... хорошего, доброго взяточника... он готов ужиться с какою угодно внутренней политикой, уверовать в какого угодно бога”» [Голосенко, 1999, с. 110, 112].

Самореференция государственного аутопойезиса реализуется в конкретных решениях конкретных людей, что неизбежно ведет к психологизации и антропологизации власти в обыденном сознании. Концепт «чиновник» – отражение такого рода смещения. В аналитическом плане это ход тупиковый. Как подчеркивает Луман, «решающее для кода власти значение имела дифференциация должности и лица, формирование связи между властью и должностью, а не между властью и личностью» [Луман, 2001, с. 61].

Что в таком случае должна отразить аналитическая категория «мировоззрение чиновника»? Ближайшим ответом будет – структурное сопряжение системы власти и личности. Этот формальный ответ довольно сложно реализовать содержательно, хотя иногда он почти проступает на поверхности – в случае «клинических проявлений» бумаготворчества или, например, ситуациях, когда непосредственный контакт с чиновником позволяет четко различить стили его поведения в неформальной обстановке и в официальном кабинете.

Чёткая дифференциация личностной и служебной сфер жизни – одна из характерных особенностей профессионального этоса чиновничества и одно из базовых, «экзистенциальных» противоречий его социального существования. В своем мироощущении и поведении чиновник воспроизводит логику аутопойетической системы государственной власти и, делая это, оказывается формалистом, носителем двойных смыслов и т. д. и т. п. Это не его экзистенциальные черты, но отраженная логика системы, построенной на двойных смыслах. За патриотическим фасадом любой государственной системы стоит машина производства управленческим схем, и странно было бы обличать бездушие этой машины, поскольку именно схемы, правила и процедуры составляют ее «кровь и плоть», а излишняя «душевность» грозит рассыпанием ее аутопойезиса. Именно этот двойной смысл воспроизводит «лицемерный» чиновник, когда, прикрываясь радением о государственном и общественном благе, на деле всего лишь «занимается формализмом». С государственным аутопойезисом связан и апломб, органически присущий любому чиновнику и отличающийся лишь по форме проявления, зависящей от интеллекта, воспитания и темперамента носителя «государственной воли». Основной ресурс и «медиа» государственной машины – власть, что, несомненно, преломляется в

мировоззрении чиновника, поскольку именно в его деятельности она реализуется.

Является ли казнокрадство и взяточничество такой же «системной необходимостью»? Мы уже говорили о культурно-исторических и институциональных истоках этого явления, о причудливом сочетании в российской государственной системе логики рациональной и патримониальной бюрократии. Можно предложить и более радикальную версию, согласно которой взяточничество выступает как своего рода «экологическая проблема» аутопойетической системы рациональной бюрократии. Любая открытая система поддерживает свою организацию, «сопротивляясь» второму закону термодинамики, за счет повышения уровня энтропии в окружающей среде (достаточно вспомнить многочисленные примеры разрушения среды обитания представителями разных видов – отнюдь не только человеком). Возможно, «коррозия» «человеческого материала» и есть некая «экологическая плата» за бюрократический порядок?

В этом отношении показательны свидетельства исследователей, фиксирующие тенденцию к переоценке веберовского идеала рациональной бюрократии: «В последние десятилетия в мире постепенно набирает силу комплекс идей, противоположный веберовским представлениям об идеальной бюрократии. Речь идёт об уменьшении роли традиционной “лестницы чинов”, о том, что работу чиновников следует оценивать по чётко измеряемым результатам, что государственные органы обязаны служить прежде всего интересам и потребностям граждан, а не абстрактным интересам государства и так далее. Но реформы подобного типа не везде идут успешно, и веберовские представления о бюрократии пока рано списывать со счёта» [Магун, Гимпельсон]. Возможно, тема «эффективности, качества и доступности госуслуг», стоящая в сегодняшней официальной повестке дня, как раз

отражает попытку такого рода реформирования, причем попытку, предпринятую в рамках существующего государственного аутопойезиса, исход которой очевиден.

Вернемся в заключение к вопросу о природе и источниках идейного содержания государственного аутопойезиса. Важно не смешивать две вещи – культурно-нравственную легитимацию государства и внутренние смыслы, или коды функционирования государственной машины. Это принципиально разные вещи. При всей своей процессуальной «бездущности», любая бюрократическая система нуждается в некоем нравственно-ценностном оправдании – «звёздном небе над головой». Без определенных культурно-нравственных максим не может обходиться ни одна социальная система, а конкретное наполнение этих максим зависит от идейных ресурсов, которыми располагает «обслуживающий» данное общество культурный универсум. Патримониальная бюрократия находит легитимацию в рыцарском этическом комплексе личной преданности, рациональная бюрократия – в «кодексе чести», формирующем своеобразный «этос гражданской службы» (выражение Д. Битэма: Beetham D. Bureaucrasy. Milton Keynes, 1987. P. 42, 43; цит. по: [Масловский, 1997]). «Кодекс чести» – понятие, введённое М. Вебером, – несёт ярко выраженную позитивную оценку социальных взглядов и паттернов поведения «настоящего» (идеально-типического) бюрократа. «Как указывает Д. Битэм, помимо чувства служебного долга такой кодекс подразумевал веру чиновников в свою высшую компетентность. Кроме того, для них была характерна гордость своей беспристрастностью, внепартийностью, истинным пониманием национальных интересов» [Масловский, 1997].

При некоем аналитическом усилии нетрудно разглядеть «черты» подобного комплекса в том типаже, который ассоциируется в общественном сознании с понятием российского

чиновника. Житейские наблюдения дают замечательные свидетельства того, что даже самые прожженные взяточники не чужды представлений о должном и справедливом. В сложных ситуациях, когда ломается привычный «институциональный порядок», они порой прибегают к высокой риторике, с трогательной убежденностью выстраивая систему внешней легитимации своей незаконной деятельности. Так, сотрудник патрульно-постовой службы, столкнувшись с сопротивлением нарушителя, отказывающегося играть «по правилам» и ломающего некие извращенные представления о социальной справедливости, восклицает: «Вот из-за таких, как ты, гибнет Россия! Наши ребята стоят здесь в мороз, в холод, а ты... нарушаешь! врешь!..» (этнографические наблюдения Д. Рогозина, из частной беседы).

Однако ни комплекс личной преданности, ни «кодекс чести» не имеют никакого смысла для аутопойезиса государственной машины. Они относятся к ее внешней среде и, если и учитываются, то лишь как импульсы, которые должны быть переведены во внутренние коды восприятия и функционирования. Как подчеркивает Луман, эти культурно-нравственные максимы ни в коей мере не следует воспринимать как «методологическое руководство» для анализа государственного аутопойезиса: «...ни идеалы, ни нормы не могут служить основанием для методологического руководства... Ведь это только свело бы проблему к вопросу о том, почему общество само себя обременяет идеалами, которые оно не в состоянии полностью воплотить, и о том, как оно отбирает подобные идеи» [Луман, 2004, с. 42].

Как же тогда вообще можно привнести содержательно новые смыслы в аутопойезис государственности, и можно ли это сделать вообще? Иначе говоря, возможен ли государственный аутопойезис на иных, нежели рационально-бюрократические, началах? Было бы слишком самонадеянно

пытаться ответить на этот вопрос в рамках настоящего текста. Однако стоит обратить внимание на то, что все случаи достаточно радикального отхода от формально-бюрократических начал в управлении, будь то демократические или тоталитарные системы, размыкают бюрократический аутопойезис, порождая, каждая по-своему, иные аутопойетические системы, со своими специфическими ресурсами, смыслами и «медиа». Одновременно они порождают иные социальные типы, обслуживающие власть, как в плане мировоззренческих, так и поведенческих черт.

Использованная нами система теоретических координат позволяет отвлечься от живых, «в плоти и крови» людей, от их детских и взрослых комплексов, жизненных установок и житейских принципов, биографических траекторий и статусных притязаний. Всё это, безусловно, важно в ином, человеко-ориентированном ракурсе анализа, но находится вне аутопойезиса государственной машины, представляя собой ее внешнюю среду. Подобный подход позволяет выстраивать институционально-культурологический дискурс о чиновнике, рассматривая мировоззренческие и психологические черты последнего как производные, вторичные сущности – то, посредством чего система эксплицирует свои смыслы, воспроизводится и развивается. В заданной плоскости оказывается нерелевантным вопрос о личной ответственности, что вовсе не означает неуместности его постановки в границах иного дискурса.

Литература

1. Гете, И.В. Избирательное родство // И.В. Гете. Собр. соч. в 10-ти тт. Т.6. Романы и повести. М.: Изд-во «Художественная литература», 1978.
2. Голосенко, И.А. Феномен «русской взятки»: очерк истории отечественной социологии чиновничества // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 3.

3. Диккенс, Ч. Холодный дом / Пер. с англ. М. Клягиной-Кондратьевой. М.: ЭКСМО, 2010.
4. Луман, Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001.
5. Луман, Н. Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова. М.: Логос, 2006.
6. Луман, Н. Общество как социальная система / Пер. с нем., послесловие и примечания А. Антоновского. М.: Логос, 2004.
7. Магун, В., Гимпельсон В. Российский чиновник: вход и выход [электронный ресурс]. Дата обращения 15.07.2013. URL: <http://wsyachina.narod.ru/social_sciences/russian_clerk.html>.
8. Масловский, М.В. Теория бюрократии Макса Вебера и современная политическая социология. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 1997.
9. Материалы исследования Фонда «Общественное мнение» «Национальный проект “Образование”» (2007 г.).
10. Матурана, У., Варела, Ф. Дерево познания / Перевод с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
11. Молодцов, О.В. Российский чиновник – двигатель отечественной инновационной экономики [электронный ресурс]. Дата обращения 15.07.2013. URL:<http://www.ngpc.ru/file_db/Article_Path_54.doc>.
12. Писарькова, Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII – первой половине XIX века // Человек. 1995. № 3.
13. Рогозин, Д.М., Шмерлина, И.А. «Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция общественного феномена // Социология власти. 2012. № 4–5.
14. Сурикова, Т.И. Каков современный чиновник в русской языковой картине мира и за что? Лингвоститические аспекты формирования концепта [электронный ресурс]. Дата обращения 15.07.2013. URL: <http://russkii-yazik.ucoz.ru/blog/kakov_sovremen_nyj_chinovnik_v_russkoj_jazykovo_j_kartine_mira_i_za_cho_to_lingvoehticheskie_aspekty_formirovanija_koncepta/2010-12-24-2>.
15. Weber, M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen, 1976

Глава 2. Жизненные миры гражданского служащего

А.А. Ипатова

«Они – не мы», или оправдание власти
в языке и речи

Со второй половины XX века количество работ, посвященных государственно-политической истории разных уровней российского чиновничества, неизменно растёт. Конечно, исследованием государственного аппарата традиционно занимаются юристы, историки. Но тут есть место и для социологов. Стоит отметить, что сам термин «чиновник» вышел из официального оборота после революции, но в речи и печати он активно используется до сих пор. Кого же называют чиновником сегодня, если в официальной терминологии это слово отсутствует?

Слово «чиновник» берет своё начало от устаревшего прилагательного «чиновный», которое, в свою очередь, произошло от слова «чин». Этимологический словарь русского языка датирует употребление в древнерусском и старославянском слова «чинь» в качестве «должности», «сана» с XI века [Черных, 1994, с. 390]. В этимологическом отношении слово чин связано с общеславянским «čínъ», означающим порядок. Важно отметить, что «чиновником» называли и богослужебную книгу, в которой были перечислены «чины» различных служб по византийскому образцу для архиерейского богослужения (полное название «Чиновник архиерейского богослужения»). В этом значении, омонимичном чиновнику как государственному служащему, это слово употребляется и сегодня, но, очевидно, что сфера его употребления

довольно узка. В царской России чиновниками именовались государственные служащие, имеющие чин. Это «сословие» выделилось после принятия Петром I «Табели о рангах» в 1722 году. «Табель о рангах» – это «расположенный в строгой иерархии список чинов военного, гражданского, придворного, горного ведомств, а также ученых степеней» [Степанов, 2004, с. 762]. Согласно Табели все чины государственных служащих делились на 14 классов. Табель о рангах – концепт русской культуры, «своеобразная форма государственной регистрации личного социального достоинства человека», регламентации, по мнению Ю.С. Степанова, «полностью утраченной в современной российской действительности» [Степанов, 2004]. До Петра I главным критерием при выборе человека на службу было его происхождение: «...потомкам высшей аристократии дорога к высшим чинам открывалась независимо от их деловых качеств, поскольку чин практически передавался по наследству... Петровская Табель отменила устаревший порядок прохождения государственной службы... Новый порядок обеспечивал представителям неродового дворянства получение высоких чинов» [Заичкин, Почкаев, 2004, с. 764].

В том или ином виде Табель просуществовала вплоть до 1917 года. На протяжении этих двух веков в самодержавной России складывался и разрастался государственный аппарат: «Важнейшей функцией самодержавия была функция упорядочения общественной жизни, поддержания общественного порядка и законности. Для её реализации сложился соответствующий бюрократический аппарат, состоящий из государственных чиновников. Громоздкость и неэффективность государственно-бюрократического аппарата царизма, продажность чиновников и другие недостатки сделали его излюбленной мишенью для критики со стороны интеллигенции. Особенно интенсивно эта критика развивалась в XIX – начале XX века» [Шаповалов, 2003, с. 142].

Ю.С. Степанов отмечает, что в быту выражение «Табель о рангах» приобрело «отрицательное значение, как стремление делить людей по чинам вопреки их личностным достоинствам». После Октябрьской революции Табель была упразднена, а тех, кого до этого два века называли чиновниками, стали именоваться «номенклатурными работниками». Мы понимаем, что изменилась историческая действительность, потому вчерашний чиновник не есть сегодняшний номенклатурный работник, но это детали. Нас интересует другое, а именно: почему же почти век спустя после того, как слово «чиновник» перестало быть исторической реальностью, оно не уходит из языка, более того, употребляется довольно часто? Что в нем такого, чего нет в словосочетаниях «государственный служащий», «должностное лицо»?

Языковая норма

Анализ толковых словарей современного русского языка показывает, что основное значение этого слова деактуализировалось, а вместо него появилось новое значение. Итак, какие значения можно найти у слова «чиновник» в словарях?

Вот, что мы находим в «Большом энциклопедическом словаре»:

«В России государственный служащий, имевший определенный классный чин по Табели о рангах. Высшие чиновники (обычно 4–1 классов) неофициально назывались сановниками. В широком смысле – название и низших государственных служащих, не имевших чинов (канцеляристы, копиисты)»
[Большой энциклопедический словарь, 1998, с. 1353].

В словаре Ожегова:

1) *В буржуазных странах и России до революции: государственный служащий, имеющий чин, служебное звание.*

2) *перен. Тот, кто ведет свою работу с холодным равнодушием, без интереса, бюрократически* [Ожегов, 1984, с. 768].

В словаре Ушакова:

- 1) *Государственный служащий* (дореволюционное, заграничное).
- 2) *перен.* Человек, относящийся к своей работе с казенным равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (укор).
- 3) *Архиерейский служебник*, книга, по которой служит архиерей (церк.) [Толковый словарь Ушакова].

Словарь русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой даёт следующие определения этому слову:

- 1) *Государственный служащий в дореволюционной России и в буржуазных странах.* 2) *перен.* Должностное лицо, выполняющее свою работу формально, следуя предписаниям, без живого участия в деле [Словарь русского языка, 1999, с. 678].

Мы видим, что три последних словаря отмечают переносное значение этого слова, однако только в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой указано, что это «должностное лицо». Переносное значение этого слова появилось уже после того, как прямое значение утратило свою актуальность. Как нам представляется, современное значение слова «чиновник» в словарях Ушакова и Ожегова отображено не до конца точно: все же, не любой человек, равнодушно относящийся к своей работе, будет назван «чиновником». Конечно, ещё Н.В. Гоголь, М.Е. Салтыков-Щедрин, И.А. Гончаров и многие другие классики русской литературы высмеивали такие качества, присущие чиновникам, как лень, невежество⁵. В.Ф. Шаповалов пишет: «Недостатки административно-бюрократического аппарата царской России подверглись критике и осмеянию в русской классической литературе, прежде всего в творчестве Н.В. Гоголя и М.Е. Салтыкова-

⁵См., например, «Ревизора», «Женитьбу», «Шинель» Н.В. Гоголя; «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина; «Обыкновенную историю» И.А. Гончарова.

Щедрина. Однако совершенно неверно трактовать сатирическое изображение царских чиновников в произведениях этих писателей как призыв к свержению самодержавия. Сатира классиков была направлена на нравственные пороки лиц, находившихся на различных ступенях государственного управления» [Шаповалов, 2003, с. 143].

Оценка российской бюрократии дореволюционного периода, впрочем, как и любого другого, довольно противоречива. Т.И. Любина объясняет это не только подчиненностью идеологическим и политическим целям, но и «отсутствием достоверных конкретно-исторических, статистических, социологических сведений о чиновничестве» [Любина, 1997, с. 4]. После образования Советского государства бюрократизм, который, как оказалось, был присущ не только царской России, выдвинул на первый план проблему определения классовой природы бюрократии: «В 1920-е годы остроту этой проблеме придавала безуспешность попыток борьбы с проявлениями бюрократизма в советском государственном аппарате. Его причины виделись в приходе на службу в советские учреждения чиновников старого аппарата и в отсутствии “опыта государственной деятельности у передовых рабочих и революционеров-профессионалов”» [Любина, 1997, с. 4]. Появилось понятие «номенклатура», которая, по мнению ряда исследователей советского тоталитаризма, стала «господствующим классом тоталитарного общества». Вот что об этом пишет В.Ф. Шаповалов: «В самом первом приближении это те самые “распорядители рабочих”, о которых пророчески писал Л. Толстой. Происхождение термина “номенклатура” связано с тем, что кандидаты на все руководящие посты предварительно “расписывались” партийными органами... Номенклатура представляла собой группы людей, повязанных между собой круговой порукой, подобно тому, как это бывает в преступной среде... Соблюдающий...

правила мог рассчитывать на свою долю в разделе государственного «пирога» – на особые квартиры, дачи, привилегии, в том числе пользоваться закрытыми распределителями, спецбольницами, спецсанаториями и т. п. <...> Возможность корпоративно распоряжаться и не владеть – уникальная ситуация для общественного слоя. Она означала полную безответственность за провалы в экономике, за государственные злоупотребления» [Шаповалов, 2003, с. 164–165].

В новом государстве, противопоставляющем себя государству предыдущему, тем не менее, обнаружились многие недостатки, свойственные царской России, те недостатки, против которых так ожесточенно выступали противники самодержавия: разрыв между властью и народом, неравенство в распределении ресурсов, приоритет высших сословий и др.: «Люди легко убеждались в необязательности многих решений государства и партии для самой власти... Недоверие также основывалось на злоупотреблениях высокопоставленных партийных чиновников... Людей возмущали факты наличия партийных привилегий... Теперь под “они” понималась допущенная к государственной кормушке партийная номенклатура, под “мы” – весь остальной народ, не вошедший в число номенклатурных счастливых» [Шаповалов, 2003, с. 200–201].

Какая же роль отводилось в этом процессе чиновничеству? Для ответа на этот вопрос необходимо отметить ещё одну тенденцию, свойственную российской действительности, согласно которой государю, правителю отводится особенное место: «Речь идёт о правителях вообще, а не только о монахах и самодержцах, вне зависимости от того, как они назывались – великий князь, царь, император и даже генеральный секретарь или президент» [Павловская, 2009, с. 11]. Это – вера в справедливого, доброго «батюшку-царя», который был помазанником Божьим, который служил российскому госу-

дарству и российскому народу. Вероятно, такое отношение к правителю сформировалось после принятия при Иване III обряда миропомазания российских государей по византийскому образцу. Эту мысль чётко сформулировала А.В. Павловская: «Освящение государственной власти в церкви не только укрепляло власть в глазах народа, оно возлагало особую ответственность на российского царя. Оно определяло и особое положение правителя России. Для Востока свойственно обожествление государя, он – бог, который может все. На Западе король прежде всего человек, политик, государственный деятель. В России же он – человек, но чья власть освящалась свыше, что возлагало на него особые требования и ответственность. Власть его как бы изначально ограничивалась более могущественной силой. Но это и ставило его в особое положение: бунт против царя становился бунтом против Бога» [Павловская, 2009, с. 110]. Эта взаимозависимость религии и власти на протяжении многих лет формировала в России особое народное самосознание, основами которого были вера и патриотизм. Само слово «государь» является древнерусским вариантом общеславянского слова «господарь», которое, в свою очередь, имеет ту же производную основу, что и слово «Господь».

Такое отношение к правителю, государю неизменно приводило к мысли о том, что правитель всегда прав, что он действует в интересах российского народа, ведь служение ему приравнивалось чуть ли не к «церковному подвигу послушания». Потому, если что-то шло не так, «значит виновато окружение правителя, мешающее ему, скрывающее от него правду, вредящее народу. Это окружение было разным в разные времена (бояре, помещики, чиновники), но именно оно являлось виновником, с народной точки зрения, всех бед в государстве. Отсюда и стремление дойти до самого верха,

достучаться до правителя в поисках правды, открыть ему глаза, чтобы он покарал виновных» [Павловская, 2009, с. 111]. Примеров тому в российской истории множество: одним из самых ярких, пожалуй, является «Кровавое воскресенье» 1905 года, которое, по мнению некоторых исследователей, дало толчок Первой русской революции. Эта тенденция оставалась и в советское время, когда на имя Сталина приходили письма, сообщающие о репрессиях. Видимо, сохраняется эта тенденция и сегодня.

В 1991 году после распада Советского Союза «чиновники» получили новое название «государственные служащие». Почему мы сегодня продолжаем употреблять именно слово «чиновник», и что оно означает в современном русском языке?

Вероятный ответ на этот вопрос мы можем найти на «Луркоморье» – сайте неформальной юмористической Интернет-энциклопедии (<<http://lurkmore.to/>>): «Обычно под чиновником подразумевается государственный аналог офисного планктона: сотрудник учреждения, занимающийся делопроизводством или управлением. Отличительная черта чиновника — крайне низкое качество работы в обеих этих областях даже по сравнению с типичной планктониной». Статья про чиновников на другом юмористическом сайте просто изобилует всеми возможными стереотипами: «чиновник не думает, он определяется», «чтобы чиновник что-то сделал – он ждет предложений», «круговорот бумаг у чиновника», «чтобы чиновник понял, что ему нужно делать – ему надо дать поручение», «быть ответственным исполнителем для чиновника – это самая тяжкая работа», «если ответственный исполнитель не справился с поставленной задачей в срок, он оправдывается или отписывается и получает новый срок», «ответственных исполнителей всегда не хватает, поэтому армия чиновников постоянно растет, ведь на каждую бумажку нужна резолюция, решение, определение, ответственный

исполнитель и куратор», «чиновники используют дежурные фразы», от использования которых «мозг теряет извилины и возможность придумать что-то оригинальное – это против системы» и так далее (<<http://medvedkino.ru/blog/chinovniki>>). Мы видим, что появляется новое значение, пока ещё не зафиксированное в словарях: должностное лицо, находящееся на государственной службе, выполняющее свою работу ненадлежащим образом, считающее себя представителем привилегированной части общества.

Ещё один интернет-сайт (<<http://absurdopedia.net/>>) даёт более конкретное описание феномена современного чиновника: «Чиновник (лат. *Corrupcius tarakanus*) – появившийся на Земле в меловую эпоху особый вид саранчи, отличающийся гиперадаптацией, гипермутацией, гиперпрожорливостью, гиперленью, гипержадностью, гиперциничностью и гиперживучестью».

На уже упомянутом нами сайте «Луркоморье» предложено сравнение между чиновником и раковой клеткой:

«Чиновник: Потребляет ресурсы государства, не производя полезной работы, а тратя их исключительно на собственное жизнеобеспечение и размножение.

Раковая клетка: Потребляет ресурсы организма, не производя полезной работы, а тратя их исключительно на собственное жизнеобеспечение и размножение».

Стоит отметить, что некоторые цитаты с данного сайта не могут быть приведены по этическим причинам (например сравнение чиновничества и проституции), тем не менее даже на приведенных примерах становится очевидной общая тождественность употребления слова «чиновник»: по мнению граждан, его «не интересует качество делаемой им работы, равно как и долговременные перспективы вверенного ему под управление объекта. Ведь в случае чего он всегда может пе-

ревестись в другое место, а украсть с объекта можно прямо сейчас. И, разумеется, он совершенно не интересуется тем, что будет со страной, за счет которой он живет».

Из приведенных выше отрывков мы можем вычленить следующие компоненты смысла, который в русском языке, во всяком случае неформальном и юмористическом, вкладывается в слово «чиновники»:

- безынициативны и неизобретательны;
- имеют крайне низкое качество работы, кроме того, не справляются с ней в срок;
- их слишком много, и их «армия» постоянно растет;
- (как тараканы) живучи, легко адаптируются к новым условиям, быстро «множатся»;
- вредят народу, именно они – корень всех бед;
- обворовывают страну, не ощущая своей ответственности за это;
- основная работа чиновников – перекладывание бумаг, создание их круговорота.

Стоит отметить, что такой образ чиновника можно обнаружить и в более серьёзных аналитических изданиях, газетах, в заголовках статей и на страницах книг, где слово «чиновник» приобретает ещё одно значение, а именно описывает «качества худшей части чиновничества, обнаруживаемые у должностных лиц нового времени» [Хан-Пира, 2003]. Получается, что слово «чиновник», несущее в себе отрицательные коннотации, чуть ли не ругательное, необходимо в современном языке для воспроизводства традиции обличения недостатков административно-бюрократического аппарата, высмеивания чиновников, то есть для продолжения той традиции, начало которой можно увидеть в произведениях Гоголя и Салтыкова-Щедрина.

Ответ чиновника

Для более четкого понимания заявленной проблематики невозможно не обращаться к живым людям, к «чиновникам», а точнее к государственным и муниципальным служащим. Что же говорит нам другая сторона, которую мы пытаемся определить в языке и речи?

В проведенных интервью с государственными и муниципальными служащими тема негативного отношения людей всплывала неоднократно. Чаще всего респонденты сами говорили об этом при разговоре на другие темы. Интервьюеры старались задавать этот вопрос в каждом интервью. Интересно отметить, что государственные служащие чаще говорят о негативном отношении к чиновникам, чем муниципальные служащие. Приведем фрагмент интервью с муниципальным служащим (здесь и далее сохраняются особенности речи собеседников):

И: Вы муниципальный служащий. А отношение, в целом, людей, например населения по всему району, к государственным и муниципальным служащим, оно скорее отрицательное или положительное, на Ваш взгляд?

Р: Я не знаю. Я считаю, что у нас на селе как такого чиновники, не чиновники, это больше по телевизору идет. Потому что люди прежде всего, когда приезжаешь на село, они видят в тебе человека, руководителя. А какой ты там служащий – государственный, муниципальный служащий. Они видят тебя прежде всего, если ты помог им решить вопрос, значит, ты настоящий руководитель, ты можешь чем-то помочь, ты не остался безразличным к вопросу какому-то, просьбе, жалобе.

И: Вообще Вы не встречали к себе негативного отношения, что чиновник, руководитель какой-то?

Р: Нет. Такого нет, особенно на селе такого не ощущаешь, негатива большого.

И: Почему так?

Р: Я считаю, что более доброжелательные люди на селе. И более относятся, если еще объяснишь им, более просто по-человечески поговоришь, то люди все понимают и более доброжелательно, добродушно настроены, чем в городе. В городе тоже приходится общаться с людьми. Люди более, как бы, добры, отзывчивы на чужое горе на селе (жен., 40–50 лет, начальник управления, муниципальная служащая).

Из приведенного отрывка видно, что респондент сама перевела вопрос в более понятное русло: нейтральный вопрос об отношении к государственным и муниципальным служащим она трансформировала в форму, основанную на стереотипе «плохой чиновник». Далее она уже отвечала не на вопрос, который задал интервьюер, а на то, как она сама его поняла. Респондент также выделила ту роль, которые имеют СМИ в формировании данного образа. Важным для данного респондента, занимающего относительно высокую руководящую должность, является не то, какой ты служащий (имеется в виду название), а то, какой ты человек, какой ты руководитель. Именно на этом и строится, по её мнению, взаимоотношения между представителем муниципалитета и людьми. Объяснение тому факту, что на селе меньше негативного отношения к «чиновникам», чем в городе, респондент объяснила большей доброжелательностью людей, возможностью поговорить по-человечески, более добродушным настроем.

Тем не менее чаще приходилось сталкиваться с тем, что государственные и муниципальные служащие ощущают на себе негативное отношение, им не нравится даже само слово «чиновник»:

И: ... Ну, Вас часто же, наверное, называют чиновником.

Р: Не совсем хорошее это название.

И: Не нравится?

Р: Не нравится, по правде сказать – да, это да.

И: Оно какое-то негативное немножко?

Р: Негативное, да. И Вы знаете, еще хочу сказать, что отношение людей сейчас очень негативное к чиновнику.

И: Да. А это справедливо, как Вы думаете?

Р: Несправедливо.

И: А из-за чего так происходит?

Р: Несправедливо. Вот у меня такое желание есть, и я иногда некоторым людям предлагаю, когда начинают: вы такие, сякие. Я говорю: «Знаете, я вот всех, все работающее население прогнал бы через администрацию. Через одну администрацию и через вторую администрацию, чтобы поняли вообще, как, что значит – работать здесь, в администрации». Потому что у нас маленькая заработная плата, маленький, у нас, именно в городской администрации. У нас низкая заработная плата. Когда приходят ко мне и говорят. Я говорю: «Вы с какой?» – «Да вот, у меня там 25 тысяч было», допустим. Я говорю: «Вы знаете, у нас будете 15 получать». – «Ой, не-не». Я говорю...

(муж., 50–60 лет, глава администрации).

Основной причиной негативного отношения людей к чиновникам данный респондент считает низкую осведомлённость об условиях труда и уровне зарплаты в администрации. По его мнению, такое отношение несправедливо, и когда люди узнают о низкой заработной плате в городской администрации, тогда они высказывают своё нежелание идти на такую работу. Получается, что личный опыт может сразу развенчать те стереотипы, которые сложились у людей.

Это произошло в семье у другого респондента:

«Вот мой муж ... правильный до мозга костей. Чиновники все воры. У него было такое убеждение. Видя, как я работаю, когда прихожу домой, непонятно в каком часу, с чело-

даном почты, и не лягу, пока все не растишу. У меня такой принцип, что все сегодняшние документы должны быть подписаны. Потому что очень много документов, иначе зашьешься. Он это видя, резко изменил мнение... Но и кричать, что мы все хорошие, тоже ни к чему. Ну, мы сами виноваты, что так сложилось. В среде чиновников очень много непорядочных людей, как и в любой среде. Как и в среде учителей, медиков и т. д. Говорить об этом бесполезно, нужно только дело»

(жен., 40–45 лет, первый заместитель главы администрации, государственная служащая).

Этот респондент пришел на государственную службу из бизнеса. Она же отмечает, что не ожидала, что будет столько негатива:

«Когда я сюда пришла – настолько негативное отношение к чиновникам, не поверите – я на себя будто ушат чего-то вылила – это эмоциональное такое ощущение. Зашла в это здание – ты в каком-то негативе борешься: а) чиновники – все воры; б) чиновники – все непорядочные. Я на себя этот мундир просто нацепила. Я даже не оправдываюсь, я просто говорю: друзья, у меня есть работа, я ее делаю. И вот уже по работе пусть судят»

(жен., 40–45 лет, первый заместитель главы администрации, государственная служащая).

Роль СМИ в формировании негативного, стереотипизированного образа чиновника, якобы имеющего высокую зарплату, мы видим в высказывании другого респондента:

«У нас достаточно такое прочное отношение к чиновникам, ко всем, что они богатые, только для себя живут, что они ничего для людей так, по большому счету, ничего не хотят сделать, ленивые. Мне кажется, очень этот образ, и СМИ очень часто формирует его, – негативный. А ведь

есть масса людей, которые действительно работают и помогают очень многим людям, помогают»

(жен., 50–60 лет, главный специалист, государственная служащая).

Этот же респондент отмечает, что не любит говорить о том, где она работает:

«Если честно, я стараюсь не говорить, где я работаю... Потому что если ты скажешь, где ты работаешь, скажешь, что ты чиновник, что ты работаешь в областной структуре, ну не всегда видишь в свой адрес, чувствуешь какой-то позитив»

(жен., 50–60 лет, главный специалист, государственная служащая).

Развенчивает миф о большом количестве льгот для государственных и муниципальных служащих следующий респондент. Он опять же указывает на ту роль, которую СМИ играют в формировании негативного образа чиновника:

И: А социальный пакет, какое-то медицинское обслуживание? Все так же, как и у всех простых людей? Или своя клиника есть ведомственная, именно для госслужащих?

Р: Возможно, что где-то и есть, но мы никогда в этой клинике не были, ничего такого я сейчас не могу сказать.

И: То есть, это действительно получается миф?

Р: Да, я бы еще дополнил, конечно, у нас сейчас к чиновникам немножко негативное отношение. Получается, что...

И: У людей?

Р: У людей, да. Ну, это связано прежде всего со средствами массовой информации, которые нагнетают обстановку, так как у нас чиновник считается прежде всего коррупционером, взяточником. А на самом деле это достаточно большой ежедневный труд. У меня есть знакомые, которые работают в банковской системе, есть которые работают

на предприятиях, на хороших предприятиях, которые отрабатывали до шести часов и пошли домой. Мы же здесь работаем и за пределами рабочего времени, и на выходные берем, и очень заняты
(муж., 35–40 лет, государственный жилищный инспектор).

Мы столкнулись с ещё одной интересной вещью: некоторые государственные и муниципальные служащие не пытаются бороться с этим стереотипом, во всяком случае, на словах. Другой респондент отмечает, что видит необходимость доказывать что-то только тем людям, которые готовы его услышать:

И: А когда в повседневной жизни вы сталкиваетесь с негативным отношением – бюрократами называют, взяточниками – вы пытаетесь как-то доказать, что это неправда?

Р: Если это мой близкий круг общения, то я, может, попытаюсь заступиться. А если это на улице обсуждают бабушки – пусть обсуждают, я не полезу, потому что я в этом смысла не вижу, мне их не переубедить, они меня не знают и я их не знаю. Это бессмысленно. Я не люблю заниматься ерундой. А если люди, с которыми я общаюсь, я могу объяснить, почему и как, могу объяснить, почему я так голосую. У нас была встреча выпускников, я общался со своими сверстниками, это как раз было после выборов. И мы как раз затронули эту тему. Разные там были мнения, в том числе и на чиновников. Вот с ними я готов обсудить, высказать свою позицию, почему. Они со мной соглашаются или не соглашаются, но я хотя бы знаю, что они к сведению принимают мое мнение

(муж., 25–30 лет, начальник управления, государственный служащий).

В качестве одной из причин для появления данного негативного образа чиновника некоторые респонденты называют и неграмотность населения, неадекватные запросы послед-

них к власти. Многие государственные и муниципальные служащие и рады бы помочь, но это не в их компетенции, и в итоге человек уходит расстроенный и обиженный на конкретного чиновника, который не может ему помочь не из-за своей лени или бездействия, а в силу обстоятельств, которые от него не зависят:

И: Я поняла. А в целом отношение людей к чиновникам, на Ваш взгляд, положительное скорее или скорее отрицательное?

Р: В целом, я считаю, что в настоящий момент отрицательное.

И: А это с чем связано? И справедливо это или несправедливо?

Р: Я считаю, что несправедливо, потому что большинство чиновников добросовестно выполняют свою работу, а в меру каких-то законов, действующих в настоящий момент, определенные полномочия не могут выполнить. Как у нас в этом году сложилась сложная ситуация с ремонтом дорог, а людям же это объясняй – не объяснишь. Они хотят видеть готовые дороги. Какая разница, что дорожно-транспортное предприятие развалилось как раз в канун сезона ремонтов, что там неопределенная ситуация. Другие подрядчики к нам не идут просто-напросто. Какая им разница, что они приводят, допустим, детей в школу, а там не сделан, может быть, ремонт в том виде, в котором бы им хотелось. А средств в бюджете нет, просто-напросто нет на этот ремонт. Им-то в принципе не объяснить, что их нет.

И: Я понимаю. То есть это в том числе и от юридической неграмотности, может быть, да? Или вообще от неграмотности, неосведомленности.

Р: Неграмотности... От того, что люди, сейчас уже психология другая. Они считают, что власть обязана, должна. А у власти есть определенные трудности, которые, в принципе, решить бывает очень сложно. Из-за этого возникает такая ситуация»

(жен., 40–45 лет, председатель комитета, муниципальная служащая).

Многие чиновники ссылались на то, что граждане оценивают их работу, не представляя себе структуру государственной и муниципальной службы и распределение полномочий между ее элементами, оценивают «в общем». И это формирует их необоснованные претензии к конкретным звеньям аппарата управления. Один из респондентов указал такое отношение людей к власти, чиновникам в качестве одной из трудностей, с которыми приходится сталкиваться в работе:

И: Назовите, что самое сложное, трудное, может быть, не очень приятное в Вашей работе?

Р: То, что запросы людей к власти, к сожалению, не соответствуют возможностям власти по их реализации. Сейчас, все это отмечают, объем, количество обращений к власти по различным проблемам (политическим, социальным, экономическим) очень возрос. То есть с развитием рыночных отношений, с усилением социальной дифференциации в обществе количество жалобщиков очень увеличивается. Это чисто просто отношения с людьми. И, к сожалению, многие вопросы связаны с тем, что многие люди мыслят старыми стереотипами. Они обращаются к власти, как будто власть может решить. Например, мы средства областного бюджета можем тратить только на те полномочия, которые закреплены за администрацией. Поэтому когда обращаются «помочь муниципальному учреждению», просто администрация области не может, поэтому мы отправляем в администрацию муниципалитета, а люди потом кричат, что мы бюрократы, не можем помочь. Вот эта тема. Во-первых, непонимание, то есть старые стандарты мышления основной части населения, они считают, что по любому вопросу можно обратиться к губернатору, и он должен и обязан его решить. И как только ты не решишь – ты сразу плохой

(мужчина, 40–45 лет, заместитель главы администрации).

Схожая мысль была высказана другим респондентом:

«К сожалению, люди не видят нашу работу, например. То есть советников каких-то там, каких-то стратегов, каких-то политологов, кого-то еще. Те, которые делают большую политику, делают что-то еще, вот, например, обрушилась какая-то тема на область – системно! И сделали какие-то люди, которых не видно. А люди, которые принимают людей, например в Собесе, они тоже чиновники. И для народа же чиновники все, начиная ...начиная с МФЦ, которые принимают, это Многофункциональные центры, Одно окно, и заканчивая губернатором! И это все – чиновники! И вот они говорят, что нас там чиновники приняли плохо и отправили куда-то, еще и не ту справку дали, и всё! И я даже больше скажу, это даже и не то, что чиновники в МФЦ, а даже, наверное, прием врача, это государственники. Прием учителя, это государственники. И Пенсионные фонды, это до сих пор – государственники! То есть во всем виноват губернатор! А в целом – чиновники! Вот они – гады, сволочи, эта власть!»

(муж., 40–50 лет, председатель комитета, государственный служащий).

Все же, многие согласны с тем, что прецедент для формирования такого негативного образа есть, что, действительно, есть недобросовестные государственные и муниципальные служащие, иначе этот образ не сформировался бы и не был бы так устойчив:

«Да, я знаю, что негативное отношение. Но я и говорю, просто люди вот, но это стереотипы. Вот просто есть такой стереотип, что чиновник, вот он там ничего не делает, берёт взятки и хорошо живёт. На самом деле, конечно, наверное, есть такие люди. Иначе бы, наверное, этот стереотип не возник, да?»

(жен., 35–40 лет, заместитель председателя комитета, государственная служащая).

Тем не менее наличие недобросовестных людей, которые есть в любой профессии, не должно распространяться на всех государственных и муниципальных служащих. Многие респонденты отмечали, что им обидно за то, что многие люди, которые честно трудятся, имеют ненормированный график, страдают от необоснованных мнений граждан. Происходит это потому, что народ обращает внимание только на негативные случаи, упуская из виду тех чиновников, которые помогают людям. Получается, что «паршивая овца все стадо портит»:

«Видят-то только одного плохого, а 99 людей, которые действительно честно трудятся, честно, и которые получают не такое большое вознаграждение за свой труд. Нет, и я не думаю, что эти негативные явления так характерны для всех чиновников, нет. У нас вообще слово “чиновник” стало ругательством, а не должно быть. Чиновник – это человек, который должен помогать, и помогает людям»
(жен., 50–60 лет, главный специалист, государственная служащая).

Заключение

Проанализировав ряд интервью, мы можем прийти к выводу, что в современной культуре слово «чиновник» имеет определенные негативные коннотации. Государственные и муниципальные служащие, те, кого сегодня называют «чиновнической средой», выступают как промежуточная инстанция между населением и властью. Именно с ними обычные люди сталкиваются в повседневности более всего. По мнению В.Ф. Шаповалова, «одной из устойчивых черт российского менталитета следует признать ту, согласно которой власть в России воспринимается как нечто отчужденное от основной массы народа. Государственная власть – это всегда “они”, а не “мы”. Такое отношение к власти, характерное для

дореволюционного периода, сохранилось и в советское время. Остается оно в целом таким же и в современной, постсоветской России. Конечно, для каждого из исторических периодов существовали свои причины отчуждения власти от общества. Однако привлекает внимание и сам факт устойчивости данного отношения к власти со стороны общества» [Шаповалов, 2003, с. 197].

В связи с этим представляется логичным появление переносного значения слова «чиновник», связанного именно с пороками чиновничьей среды. Именно потому остается актуальным, как в речи, так и в сознании, образ чиновников как людей недалеких, невежественных, ленивых. Ведь если слово в языке живет, значит, есть для этого причины. Это как у В. Маяковского: «Послушайте! / Ведь, если звезды зажигают – / значит – это кому-нибудь нужно?

Литература

1. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая российская энциклопедия, 1998.
2. Любина, Т.И. Уездное чиновничество Тверской губернии в конце XIX – начале XX века: автореф. дисс. канд. ист. наук. Тверь, 1997.
3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / Под ред. д. филол. н., проф. Н.Ю. Шведовой. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984.
4. Павловская, А.В. Русский мир: характер, быт и нравы. В 2-х т. М.: СЛОВО, 2009.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. Т. 4. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереот. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
6. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.
7. Толковый словарь Ушакова [электронный ресурс]. Дата обращения 23.07.2013. URL: <http://mirslovarei.com/content_ushakov/chinovnik-135058.html>.

8. Хан-Пира, Эр.И. Плеоназм и тавтология. Разные судьбы плеоназмов [электронный ресурс]. Дата обращения 23.10.12. URL: <<http://rus.1september.ru/article.php?ID=200301409>>.
9. Шаповалов, В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003.
10. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13560 слов. В 2-х т. Т. 2. 2-е изд. стереот. М.: Рус. яз., 1994.

К.Е. Новиков

Менталитет российского чиновничества

Вероятно, не будет преувеличением сказать, что задача описания менталитета отечественного чиновничества стоит перед российским обществом со времен гоголевской «Шинели». Первые попытки проникнуть в душу чиновника делались, главным образом, литераторами, далекими от государственной службы, хотя были и «инсайдеры», такие как Салтыков-Щедрин. Однако в дальнейшем столь актуальной для России проблемой заинтересовались и российские ученые. Как указывает И. Голосенко, социология чиновничества прошла в дореволюционной России два этапа [Голосенко, 1999, с. 101–116]. Первый этап пришелся на 1880–1890-е гг. Такие исследователи, как В. Евреинов, Н. Коркунов, В. Ключевский, А. Градовский, К. Кавелин, Е. Карнович, Б. Чичерин и другие применяли исторический и генетический подход, стараясь описать историческую динамику становления российского чиновничества. Второй этап, с точки зрения И. Голосенко, начался на рубеже веков и продолжался примерно до 1917 года. М. Ольшевский, Б. Бразоленко, М. Александров, В. Ивановский, В. Мачинский, Н. Рубакин, М. Батыров, П. Берлин пытались изучить этот пласт российского общества методами анкетирования и анализа статистической информации. Исследователи этой волны рассматривали вопросы сословно-классовой стратификации чиновничества, связи его с различными группами российского общества, а также особенности социальной психологии государственных служащих.

В мировой социологии задача научного описания феномена бюрократии стояла уже со времен Макса Вебера, одна-

ко в Советском Союзе на изучение этой проблемы был наложен неофициальный запрет. До перестройки советские служащие публично не назывались чиновниками, и говорить о том, что их мировоззрение может серьезно отличаться от мировоззрения представителей других социальных групп, было неприято. Более того, за все годы существования СССР в стране не было единого систематизированного законодательства о госслужбе [Архипова, 2003, с. 195]. Наконец, функции советских госслужащих тесно переплетались с функциями партийной бюрократии, что окончательно запутывало дело.

В то же время обсуждение специфики государственной службы в СССР и соответствующего ей мировоззрения стало важной частью диссидентского дискурса. Советский ученый-невозвращенец М. Восленский не только ввел в научный оборот термин «номенклатура», но и сделал ряд зарисовок по поводу номенклатурного менталитета. М. Восленский писал: «Заведующий сектором ЦК спокойно относится к тому, что академик или видный писатель имеет больше денег и имущества, чем он сам, но никогда не позволит, чтобы тот ослушался его приказа... И вот этим он упивается. Он отдает приказы – и все должны их выполнять... Это наслаждение, сладостное для номенклатуры в масштабе городка, района, области, огромно в масштабе страны, раскинувшейся от Швеции до Японии» [Восленский, 1991, с. 116]. При этом М. Восленский находил сходства номенклатурного строя с феодальным.

В постсоветскую эпоху социальная группа госслужащих стала предметом систематического изучения, причем было доказано, что мировоззрение ее представителей заметно отличается от мировоззрения основной массы населения. В 2005 году Институт социологии РАН совместно с российским представительством Фонда имени Фридриха Эберта представил доклад под названием «Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов». Ис-

следование строилось на базе двух опросов: в ходе первого были опрошены представители 11 социальных групп во всех регионах страны, во втором опросе в роли респондентов выступали госслужащие нижнего и среднего звена. Как выяснилось, чиновники и простые граждане по-разному оценивают многие российские реалии. В частности, оказалось, что среди госслужащих, доля людей, удовлетворенных тем, как в стране работает демократия, почти в два раза больше, чем среди лиц, не состоящих на госслужбе. По итогам опросов был сделан вывод: «Чиновники в сегодняшней России являются особой социальной группой, их обособление от остального населения очевидно не только для простых россиян, но и для них самих. При этом они ощущают себя не в структуре общества, а над обществом» [Бюрократия и власть...].

Научно обоснованные данные об обособлении чиновничества в отдельную социальную группу нередко дополняются рассуждениями об особом менталитете российской власти, унаследованном чуть ли не с XVII века [Межуев, 2000.; Фисун, 2007]. Между тем, как представляется, мировоззрение отечественных госслужащих не так уж архаично.

Задача настоящей работы – выявление основ мировоззрения разных групп отечественных управленцев: от руководителей различных уровней, включая заместителей губернатора, до специалистов (непосредственные руководители)). Поскольку формат интервью не подразумевал однозначных ответов на четко поставленные вопросы, материал обрабатывался методом текстуального анализа, целью которого было выявление неявных мировоззренческих установок респондентов. При этом особое внимание уделялось не тому, что респонденты хотели сказать, а тому, о чем они «проговорились», возможно, стремясь показать себя в несколько ином свете.

Госслужба как островок стабильности vs площадка для карьерного роста

Беседы с чиновниками показали, что бюрократическое «сословие» России не по всем вопросам является единым монолитом, каким оно, возможно, видится некоторым гражданам. В мировоззрении госслужащих, стоящих на разных ступенях властной пирамиды, наблюдаются существенные отличия. Различия во взглядах коррелируют с различиями в карьерных траекториях чиновников разных уровней. Если исполнители и руководители среднего звена обычно всю свою трудовую жизнь проводят в государственном аппарате, задерживаясь в каждой должности по нескольку лет, то представители высшей бюрократии нередко имеют опыт работы в крупных компаниях или в высших учебных заведениях.

Образовательный уровень высших руководителей также обычно выше, хотя среди исполнителей встречаются люди, работающие над кандидатскими диссертациями или когда-то пытавшиеся работать над ними, но отказавшиеся от защиты. Даже в тех случаях, когда в биографии специалиста находится место обучению в аспирантуре, общий строй речи и отдельные высказывания позволяют делать вывод о несколько поверхностном характере полученного образования. Так специалист Б., в свое время работавший над диссертацией по истории и считающий себя человеком, серьезно увлеченным исторической наукой, не мог вспомнить ни одного важного события государственного масштаба за последние 20 лет, поскольку у него «в памяти ничего особо не осталось».

В пользу того, что между высшим эшелонem бюрократии и ее более низкими этажами существует заметный мировоззренческий разрыв свидетельствует также то, что оценки руководителей массы своих подчиненных по ряду пунктов совпадают со стереотипами в отношении чиновников, имеющими хождение в обществе. В упомянутом исследовании Ин-

ститута социологии РАН отмечено, что, по мнению многих россиян, для чиновников характерны такие качества как равнодушие к людям, продажность, безразличие к интересам страны, косность, некомпетентность и т. п. Руководители категорически не согласны с мнением о продажности их подчиненных, но с остальным как будто готовы согласиться с народом. Зам губернатора К., например, утверждает:

«Я могу констатировать, что кругозор очень узкий у многих наших чиновников. Многие о многих вещах, даже не задумываются, они в другой системе координат существуют. Есть же люди, принимающие решения, есть готовящие решения, есть исполняющие решения. Что касается специалистов-исполнителей, у них более узкий кругозор. Есть определенная зашоренность».

Некоторые руководители среднего звена согласны с тем, что их подчиненные бывают грубыми и неотзывчивыми, хотя и объясняют это тяжелыми условиями работы рядовых сотрудников. Также звучали слова о косноязычии многих чиновников. С тем, что на нижних этажах иерархии господствует косность, согласны и некоторые специалисты-исполнители. Так, молодой чиновник Б. говорит, что госслужба, какой он ее знает, убивает творчество. В пользу версии об ограниченном кругозоре многих чиновников на нижнем и среднем уровнях свидетельствует не только то, что говорят чиновники, но и то, как они говорят. В частности, руководитель среднего звена П. за 46 минут интервью 21 раз повторила «не знаю».

Мотивация высших управленцев также существенно отличается от мотивации их подчиненных. Крупные руководители говорят о стремлении к самореализации. Все они говорят о руководящей работе и о стратегическом планировании как о своем призвании, причем некоторые говорят, что ради

работы в администрации оставили ответственные посты в коммерческих структурах, которые приносили более высокий доход при меньшей загруженности.

На более низких этажах карьерной лестницы работа по призванию также имеет высокий приоритет, однако в качестве призвания обычно называется не руководство как таковое, а та или иная область деятельности или отрасль знания. Речь может идти о работе с людьми, об экономике, о юриспруденции и т. п. И все же доминируют мотивы, не связанные с самим рабочим процессом. Средние руководители и исполнители отмечают такие положительные качества госслужбы, как стабильность и престижность. Под стабильностью обычно понимается устойчивый доход и наличие некоторых социальных гарантий, причем респонденты часто указывают на шаткость материального положения людей, находящихся вне государственной службы. Если высшие руководители с легкостью говорят о своей возможной отставке и не сомневаются в том, что легко найдут себя в жизни вне государственных структур, то их подчиненным мир за пределами госучреждений представляется чем-то вроде бурного и опасного моря. Молодой специалист Б., которому нет и двадцати пяти, говорит:

«Желания уйти с госслужбы не возникает. Ну, а куда уйти – на улицу? А чем семью кормить? И дальше что?»

Опытный руководитель управления предпенсионного возраста говорит почти то же самое, используя те же риторические приемы:

«Можно уйти, но вопрос – куда? Где нужны специалисты по организации государственной службы, кроме государственной службы? Куда уйти?»

Есть и такие, кто считает, что мир бизнеса не для них. Женщина-руководитель среднего звена отмечает:

«Я, наверное, не отношусь к категории тех людей, которые готовы работать на себя, готовы рисковать».

Таким образом, можно сделать вывод о существовании двух групп российского чиновничества. К первой относятся высшие руководители, для которых характерно то, что их предыдущая карьера далеко не всегда была связана с госслужбой, а после отставки перед ними раскрываются блестящие перспективы в бизнесе, науке, политике и т. п. Этих людей характеризует активность, уверенность в собственных силах и ориентация на реализацию собственного потенциала. Кроме того, они зачастую обладают профессиональными знаниями, востребованными за пределами госслужбы. Ко второй группе относятся руководители среднего звена и исполнители, которые с трудом представляют себе жизнь вне госслужбы. Для них госслужба не ступень в карьере, а сама карьера и даже образ жизни, отказ от которого чреват большими жизненными потрясениями. При таком взгляде госслужба предстает как островок стабильности и безопасности, противостоящий житейскому потоку. Именно на этих людей, выбирающих стабильность любой ценой, сверху и снизу сыплются обвинения в косности и ограниченности, что только способствует их групповой консолидации.

Усталые и отвергнутые

Чиновники делятся не только на руководителей и подчиненных. Можно, например, выделить группы госслужащих, преимущественно работающих с людьми и преимущественно работающих с документами, столичных чиновников и провинциальных и т. п. Однако здесь сходства в их мировоззрении больше, чем различий, что говорит о том, что российское чиновничество в чём-то представляет собой единую корпорацию.

Практически все респонденты, начиная от рядовых ис-

полнителей и заканчивая замами губернаторов, отметили, что государственная служба подразумевает дисциплину особого рода, причем многие уподобили эту дисциплину армейской. Зам. губернатора М. говорит:

«Ты надеваешь мундир. Как в армии. Это аналогично. Это ничем не отличается от армейской, в МВД службы. Это погоны».

Другой зам. губернатора предлагает ввести присягу для чиновников по армейскому образцу. Начальник управления Е. называет дисциплину госслужбы армейской, а специалист Б. отмечает, что госслужба «дисциплинирует», хотя и отказывается сравнивать госслужбу с армией, поскольку в армии не служил.

Представление о служебной дисциплине увязывается с идеями субординации и самоограничения. Многие респонденты говорили о вертикальных взаимоотношениях по схеме начальник-подчиненный, в то время как тема горизонтальных отношений с сослуживцами того же статуса всплывала довольно редко. Начальник управления Е. отмечает:

«Уважение к должности зачастую выше уважения к личности. То есть человека могут в аппарате не уважать, но с пиететом относиться к его должности – к полномочиям, к функциям, выполняемым по этой должности».

Субординация выражается также в подчинении правилам дресс-кода и соблюдении неписанных ритуалов общения (не входить без стука и т. п.). Вхождение в кабинет без стука можно принять за обычное нарушение ритуала вежливости. Но сами респонденты считают это важным элементом своей корпоративной культуры и отличительной чертой этикета государственной службы.

Самоограничение понимается как добровольный отказ от части своей личной свободы ради достижения некоего корпоративного консенсуса. Наибольшее число жалоб чиновников всех уровней связано с ненормированным рабочим днем, который часто затягивается до ночи, и с необходимостью работать по выходным. И все же госслужащие не без гордости говорят о том, как жертвуют своим личным временем ради общего дела. Руководитель среднего звена П. говорит:

«Отсутствие как бы вот этой личной свободы, оно порой несколько давит. И это даже не потому, что меня не отпустит руководитель. У меня, конечно, с пониманием относятся, но просто я сама, планируя свой рабочий день, понимаю, что, как правило, это просто нереально».

Можно с большой уверенностью говорить, что самоотречение является одной из главных ценностей в глазах чиновников. Способность к самоотречению играет важную роль в групповой самоидентификации госслужащих. Несколько респондентов отметили, что в бизнесе больше личной свободы, и далеко не каждый готов от нее отказаться. Мысль об избранности касты чиновников как людей, способных принести большие жертвы ради общего блага, не всплывала ни в одном интервью, но общий ход рассуждений, кажется, направлен именно в это русло.

Наряду с самоотречением большую роль играет идея ответственности. Речь идет прежде всего о страхе совершить ошибку, которая сможет негативно повлиять на работу других чиновников, находящихся выше или ниже по служебной лестнице. Молодой специалист Б. говорит о том, как сильно переживал бы, если бы неправильно оформил служебное письмо, а опытный аппаратчик Е. говорит, с каким страхом берет на себя ответственность:

«Мне не страшно отвечать, мне страшно людей обидеть... Мне будет стыдно перед теми чиновниками, для которых я принимаю решения, которые меня знают».

Таким образом, речь идет об ответственности перед членами своего закрытого профессионального сообщества, чье одобрение или порицание переживается весьма остро.

Важным моментом в самоидентификации чиновничества является чувство обособленности от остального населения, перерастающее в ощущение отверженности. Из интервью в интервью звучат слова о том, что простые граждане не понимают чиновников, считая их поголовно коррупционерами. Одни стараются скрывать свою принадлежность к управленческому аппарату, дабы избежать косых взглядов окружающих, другие вырабатывают различные методы психологической защиты. В целом же почти каждый чиновник высказывал чувство обиды на окружающих:

«Когда я сюда пришла, я на себя будто ушат чего-то вылила, настолько негативное отношение к чиновникам».

«Есть такой стереотип, что чиновник, вот он там ничего не делает, берёт взятки и хорошо живёт».

«Когда я говорил, что работаю в аппарате, следом я должен был, глядя на людей, оправдываться».

Стена непонимания, возникающая между населением и чиновниками, описывается на нескольких уровнях. На самом поверхностном уровне это отчуждение объясняется очернительством со стороны СМИ. Сторонники этого взгляда не отрицают, что кое-где кое-кто из чиновников нарушает закон, но в целом считают госслужащих жертвой коррупционного навета. Более всего чиновников задевает то, что из-за обвинений в коррупции с них постоянно требуют все новые отчеты по антикоррупционной борьбе, что еще больше уве-

личивает их нагрузку, сокращая время на отдых и общение с семьей.

Другие описывают проблему возникшего непонимания как языковую проблему. Речь идет о том, что официальные документы составлены на казенном языке, овладеть которым невозможно без особой подготовки. Использование канцеляризов в устной речи чиновников также ведет к тому, что в народе считают госслужащих черствыми и равнодушными, а пресса начинает высмеивать их косноязычие.

Наконец, наиболее проницательные управленцы говорят о завышенных ожиданиях населения, которые просто не могут быть реализованы госслужбой, чья власть в современных условиях сильно ограничена. Население же настолько привыкло к всемогуществу чиновников, что всякий отказ с их стороны воспринимает как злостный произвол и очередное доказательство мифа о продажности, равнодушии и некомпетентности чиновничества.

Так или иначе, чиновники ощущают себя коллективной жертвой несправедливости. Иногда госслужбу очерняют в глазах народа какие-то злопыхатели, иногда народ сам не способен оценить чиновников по достоинству, но сам аппарат почти никогда не называется виновником собственных бед.

Патернализм и рационализм

Общая картина взаимоотношений чиновников и народа, представленная в интервью, вполне соответствует духу патернализма. С одной стороны, имеется чиновничество, которое самоотверженно трудится на благо общества, а с другой стороны – народ, который не ценит тех жертв, которые приносят чиновники, и даже не вполне понимает сути их деятельности. Имеющийся конфликт, таким образом, воспринимается в духе конфликта отцов и детей, причем «отцы», безусловно, добродетельны и благонамеренны, в то время как

дети неразумны и неблагодарны. Несмотря на это, большинство чиновников не признают себя носителями какой-либо идеологии и заявляют о своей принципиальной аполитичности. Многие говорят о том, что чиновник не должен иметь собственных политических взглядов, а кое-кто призывает сурово наказывать госслужащих, делающих политические заявления.

Патерналистский дискурс присутствует во многих высказываниях респондентов. Представление о народе как о большом ребенке проявляется в суждениях о национальных особенностях русских. Большинство респондентов бывали за рубежом, включая страны Западной Европы, и имеют неплохое представление о том, как живут европейцы. Увиденное на Западе им в целом нравится, а негативные отзывы о зарубежной жизни и вовсе отсутствуют. Вместе с тем существует устойчивое представление о том, что наши люди пока не могут жить так же, как европейцы. Высказывалось мнение о, что россиянам предстоит еще научиться жить так, чтобы города оставались чистыми. Некоторые указывали на особенности национального характера русских и то, что эти особенности оставляют их на положении вечных детей. Прозвучал даже настоящий манифест российского патернализма:

«Русские привыкли, чтобы был какой-то у них сверху сильный папа, который говорил бы, что делать. Кто-то, может, в этом и недостатки видит. Но я думаю, что русских, наверное, надо просто вот строить строим и вести за собой. Потому что, если не смотреть за нами, кто-то там отобьётся, лениться начнёт».

Однако было бы неправильно описывать отношения чиновников и народа как чисто дуалистические, в которых нет места иным персонажам, помимо коллективного родителя и коллективного дитя. Между народом и чиновничеством су-

существует слой людей, которые, с одной стороны, хорошо образованы, как и сами чиновники, а с другой стороны, не состоят в чиновной корпорации и не служат общему делу. Этих людей можно называть интеллигенцией, хотя почти все респонденты избегают этого слова. Исключением является зам. губернатора К., имеющий опыт научной работы. К. называет «гнилой» ту интеллигенцию, которая «не понимает сакральных тем русского народа, сакральных тем развития государственности». В отличие от всех остальных респондентов, К. не стесняется назвать свое политическое кредо, поскольку себя ощущает не столько чиновником, сколько политиком. Это кредо – консерватизм, то есть политическая доктрина, наиболее четко постулирующая принципы патернализма.

О ненародной прослойке в народе говорит и опытный аппаратчик советской закалки Е. Говоря о протестах на Болотной площади, Е. восклицает:

«Ребята, вы всплыли только благодаря тому, с чем вы боретесь. Не будь того, с чем вы сейчас боретесь, вас бы не было в таком состоянии. Они кусают руку, которая их взрастила, а это, по крайней мере, не то что глупо, а это... неблагодарно».

Таким образом, рядом с властью и народом возникает группа «неблагодарных», которые находятся в состоянии некоего помрачения ума. Их благосостояние зависит от власти, но они действуют наперекор собственным материальным интересам, не понимая «сакральных тем». Здесь перед нами, в сущности, тот же патернализм, просто рядом с глупым но неплохим дитятей появляется еще один отпрыск – непослушный и неблагодарный.

И все же, как представляется, патернализм российской бюрократии имеет свои достаточно четко обозначенные границы. Отношения родитель – дитя не воспринимаются как

единственно возможные отношения внутри государства, скорее эта метафора описывает взаимоотношения власти и населения и этим ограничивается. Анализ имеющихся интервью не выявил наличия отношений внутри чиновничьей корпорации, которые могли бы быть интерпретированы как семейные, или псевдосемейные. В отношениях начальник – подчиненный не прослеживается эмоциональной составляющей, основанной на благодарности, почтении, любви, или взаимной заботе. Лишь один из опрошенных губернаторских замов позволяет себе восторженные высказывания в адрес своего непосредственного начальника, но это явное исключение. Более того, губернатор, по сути, не чиновник, а политик, недавно выигравший выборы, а значит, стоит над бюрократической иерархией. Большинство опрошенных умалчивают о своих отношениях с руководством, а свои отношения с подчиненными описывают как чисто деловые. Руководители готовы тратить время на общение с подчиненными лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы те поняли, что от них требуется. Лишнее общение ведет к затягиванию дел и к увеличению продолжительности рабочего дня, чего никто не хочет. Трудно сказать, как обстоят дела на самом деле, однако идеология отношений, которую чиновники, работающие в разных регионах, готовы продемонстрировать аутсайдерам, именно такова.

Как можно заметить, идеология патернализма не работает даже там, где она должна была бы работать и где, вероятно, когда-то работала. Если с точки зрения чиновников, отношения между властью и народом должны строиться как внутрисемейные, то в этой семье давно произошел разлад, ведь не зря чиновники все время жалуются на непонимание окружающих и травлю в СМИ. Из этого следует, что идеология, ищущая общественную гармонию в сфере полумистических уз, с трудом поддающихся рационализации, таких как

«духовные скрепы» или «сакральные темы», вряд ли может считаться основной идеологией российского чиновничества. Скорее патернализм и консерватизм представляют собой глубоко усвоенную систему взглядов, которая скрывает за собой совершенно иную систему отношений. Речь идет о классическом бюрократическом рационализме в духе Макса Вебера [Вебер, 1990].

Во многих интервью легко прочитываются веберовские мотивы. Чиновники нередко говорят о четком разделении функций различных структурных подразделений аппарата и отдельных служащих, часто вспоминают о дисциплине и иерархии. Дух формальной обезличенности также многократно дает о себе знать: чиновники нередко указывают, что административный конформизм заставляет их сдерживать свою индивидуальность, говорят о том, что служебная переписка ведется по строго формализованным правилам и т. п. Когда речь заходит о решении серьезных проблем госслужбы, таких как коррупция, высказываются мнения о том, что системе отношений между чиновниками и населением нужно еще более формализовать, дабы исключить межличностные контакты, которые и ведут к коррупции. Путем к формализации оказывается внедрение электронной формы предоставления услуг. Некоторые руководители мечтают о создании таких условий службы, при которых брать взятки и воровать было бы экономически невыгодно. То есть речь снова заходит о технологиях, только не об электронных, а о социальных.

Все это дает основания предположить, что мировоззрение российских чиновников может быть описано как мировоззрение технократов. Знания, опыт и личные способности каждого чиновника прилагаются к тому, чтобы «решать вопросы», и успешное их решение оценивается как высшее личное достижение. Если для дореволюционных чиновников важнейшим показателем успеха было присвоение очередного

чина из «Табели о рангах», то сегодняшние чиновники, как видно из интервью, не слишком хорошо разбираются в современной системе классных чинов. Зато они с гордостью рассказывают о решенных проблемах, о безукоризненно проведенных мероприятиях и т. п., что явно противоречит популярному представлению о российских чиновниках как о носителях феодального менталитета.

Высказывания отдельных чиновников, не соответствующие идеалам демократии, судя по всему, также объясняются не столько консервативными убеждениями, сколько технократическим стремлением «решать вопросы» наиболее простым и эффективным способом:

«В какой степени демократия влияет на толщину масла на Вашем бутерброде?... Мне не нужна демократия, потому что мне нечего и некому сказать. Я не хочу выходить за рамки, в которых я компетентен».

За этим высказыванием стоит целая философия бюрократической жизни. Во-первых, цель административной деятельности – это решение насущных проблем, прежде всего экономических, таких как обеспечение бутербродов маслом. Во-вторых, решение проблем должно осуществляться в сфере компетенции конкретного работника. В-третьих, демократия – это лишняя болтовня, отвлекающая от дела и мешающая принимать оптимальные решения. Вероятно, можно сделать вывод о том, что патернализм российского чиновничества основан не столько на идеологии консерватизма, сколько на технократическом отношении к поставленным задачам. Некомпетентные люди не должны вмешиваться в деятельность профессионалов, поэтому демократия излишня, а протестная активность только отвлекает от работы. Отсюда должен следовать вывод о том, что мировоззрению российской бюрократии недостает гуманитарного измерения. Ори-

ентируясь на техническое решение проблемы, аппарат склонен игнорировать чувства и мнения непрофессионалов, то есть обычных людей.

Язык чиновника

Граница между чиновниками и лицами, не принадлежащими к их корпорации, зафиксирована в языке. Канцелярский язык служит надежным заслоном от вмешательства «непосвященных». Молодой чиновник Б. гордится тем, что теперь понимает документы, которые еще недавно не понимал:

«Сейчас я могу взять любой нормативный документ, прочитать его, и я его пойму. Потому что законы у нас – их тоже, действительно, надо уметь читать. Потому что, просто если дать кому-то прочитать... Это как я первое время, абзац прочитал – я ничего не понимал. Какие-то слова написаны и все, хотя я неглупый сам по себе человек был, уже образование было».

К людям, которые все еще не овладели искусством чтения на канцелярите, Б. относится со смесью покровительственного участия и пренебрежительной иронии. По его словам, многие посетители не понимают, чего хотят, не умеют сформулировать проблему, не воспринимают аргументированных ответов и т. п.

Документы, составленные на этом искусственном языке, не просто являются продуктом бюрократического творчества, они регулируют весь внутренний распорядок аппаратной жизни, в них зафиксированы основные понятия и, в конечном итоге, ценности бюрократической корпорации. Чиновники в своей массе не склонны к философии, но один из респондентов оказался мастером точных метафор и крупных обобщений. Начальник управления Е., чье интервью многократно цитировалось в этой статье, прошел большую аппаратную школу, успев в советское время поработать на союз-

ном уровне, а в постсоветское – на федеральном уровне и в правительстве Москвы. Его опыт трансформировался в любопытную жизненную философию, в которой нашлось место осмыслению основ государственной службы и размышлениям о роли документа в чиновной практике.

Е. полагает, что основа государства – не армия и не силовые структуры, а именно чиновники, которые служат надежными проводниками государственной воли. Чиновники не служат населению, поскольку удовлетворить запросы всех и каждого просто невозможно. Для чиновников неважно, несут ли решения политического руководства благо или вред, поскольку оценить результаты той или иной политики можно лишь с исторической дистанции. Рассуждать о целесообразности тех или иных решений чиновник не может и не должен – это дело потомков, а его дело – «служить тому руководству, которое избрано».

Вся коллективная мудрость многих поколений чиновников, с точки зрения Е., заключена в документах. Чиновники с большим тщанием разрабатывают документы, вдумчиво совершенствуя каждую формулировку, и сам Е. очень гордится, когда подготовленные им тексты одобряются наверху и в конце концов становятся законами. При этом подход к документам оказывается глубоко эссенциалистским – документ воспринимается как объективная реальность, спорить с которой бесполезно. Письменная или устная речь чиновника приобретает аргументированность лишь тогда, когда она переполнена ссылками на различные документы. Вчитываясь в формулировки, можно постичь истину, запечатленную в законах и инструкциях. Более того, чтобы правильно понимать значение каждого документа, нужно понимать иерархию самих документов, поскольку один закон вытекает из другого, а каждая формулировка логически восходит к какой-то другой, более важной. Можно сказать, что иерархия законов,

указов, постановлений и инструкций чем-то напоминает платоновскую иерархию идей, ведь всякое действие чиновника в конце концов оказывается отражением того или иного положения, зафиксированного в документе. Можно найти и другие параллели между философией, стихийно зародившейся в недрах аппарата, и философией Платона. В делении населения государства на чиновников, которым ведома истина, явленная в документах, силовиков, обеспечивающих безопасность, и всех остальных, чьи интересы вторичны, по сравнению с интересами страны, угадывается кастовая система платоновского идеального государства.

Заговорив о платоновской утопии, мы обречены столкнуться с классической проблематикой Джеймса Скотта, описавшего столкновение утопического по своей сути «возвышенного модернизма» с изменчивой и вечно ускользающей реальностью, не поддающейся рационалистическому упрощению [Скотт, 2005]. В рамках скоттовской парадигмы отечественные чиновники предстают как «возвышенные модернисты», которые тщетно пытаются распространить упорядоченность отношений, свойственных их социальной группе, на все общество. Однако общество не поддается упорядочиванию уже потому, что не понимает языка, которым закодирована бюрократическая истина и которым с ним пытаются общаться сами чиновники. Отказаться же от этого языка чиновники не могут, поскольку он обеспечивает единство их корпорации и преемственность поколений внутри государственной службы.

В целом можно сказать, что представления о российском чиновничестве как о носителе архаичного мировоззрения не соответствует действительности. Российская бюрократия – это именно бюрократия, а не феодалы, надевшие галстук. Их мировоззрение соответствует классическим образам бюрократического видения мира, описанным Максом Вебером и

Джеймсом Скоттом, а патриархальные суждения в духе уваровской троицы, являются скорее данью нынешней идеологической моде, идущей с самого верха. Вместе с тем мировоззрению российских чиновников недостает гуманитарной составляющей. Требования свободы, самостоятельности и т. п. зачастую рассматриваются как баловство, которое только мешает делать дело и «решать вопросы». В то же время многие чиновники находятся в состоянии психологического дискомфорта, связанного негативным отношением к людям их профессии со стороны других социальных групп. Такое отношение воспринимается как чистая несправедливость. Вместе с тем налаживанию диалога с обществом мешает сам язык, на котором говорят чиновники и который непрозрачен для значительной части населения страны.

Литература

1. Архипова, Т. Государственность современной России. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2003.
2. Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов. Аналитический доклад ИС РАН, 2005 [электронный ресурс]. Дата обращения 22.01.2014. URL: <http://www.isras.ru/analytical_report_bureaucracy_11.html?&printmode>.
3. Восленский, М. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Изд-во «Советская Россия», 1991.
4. Жарков, В., Рогозин, Д. «Он не берет»: личная честность как форма гражданского протеста // Новая газета. 2012. 19 марта. № 30.
5. Жарков, В., Рогозин, Д. Российская коррупция в рассказах участников // Отечественные записки. 2012. Т. 47. № 2. С. 103–138.
6. Межуев В. Традиция самовластия в современной России // Свободная мысль. 2000. № 4. С. 94–102.
7. Новиков, К. Бюрократический централизм // Коммерсантъ-Деньги. 2008. 3 марта. № 8.

8. Рогозин, Д., Шмерлина, И. «Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция общественного феномена // Социология власти. 2012. № 4–5.
9. Скотт, Дж. Благими намерениями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.
10. Rowney, D., Huskey, E. Russian bureaucracy and the state: Officialdom from Alexander III to Vladimir Putin. New York: Palgrave Macmillan, 2009.
11. Ryavec, K. Russian bureaucracy: Power and pathology. Lanham.: Rowman & Littlefield, 2003.

К.Е. Новиков

Архетипы российского служащего: шесть стилизованных интервью

В ходе исследования было подготовлено более 150 биографических нарративных интервью с представителями государственной и муниципальной власти. Из полученных материалов отобраны 44 интервью – как наиболее информативные и адекватные исследовательским задачам – и проанализированы в различных главах настоящего сборника.

В этом разделе мы публикуем полные тексты шести интервью с сотрудниками муниципальной и государственной службы.

Для удобства чтения тексты интервью прошли редакционную правку. Из них были изъяты вопросы и реплики интервьюеров. Стиль речи респондентов по возможности сохранен, хотя отдельные элементы, характерные для разговорной речи и не имеющие особой смысловой нагрузки, подверглись сокращению.

Текст каждого интервью структурирован следующим образом. Отдельные его фрагменты сгруппированы по тематическому принципу в блоки (что, однако, не повлияло на общий смысл высказываний респондентов). Тематические блоки снабжены названиями. Внутри каждого блока жирным шрифтом выделены фразы, смысл которых, по мнению публикатора, является важными (или даже ключевыми) для блока в целом.

Такое двойное структурирование устных нарративов, на наш взгляд, упрощает их восприятие и способствует адекватному пониманию заложенных в них смыслов.

«РУССКИХ НАДО СТРОИТЬ СТРОЕМ И ВЕСТИ ЗА СОБОЙ»

Заместитель председателя комитета области, начальник управления. Женщина, за 35 лет

Пережить сокращения

Я действительный государственный советник третьего класса. Для большинства, наверное, классный чин не очень важен, потому что в первую очередь материальный фактор имеет главенствующую роль, поскольку в составе заработной платы доплата за классный чин это совершенно незначительная сумма. Чтобы гордиться чином, – такого нету. Вот в органах прокуратуры, у них это принято. Допустим, они пишут «заместитель прокурора области, советник юстиции ...». Какие там у них чины, не знаю. То есть у них это принято, у нас – нет.

Я после института пришла в муниципальную службу. Я больше десяти лет отработала в администрации города в разных структурах на разных должностях. А в государственной службе я около года, с августа прошлого года.

Закончила юридический факультет. Так сложились обстоятельства, что пришла сюда. Поиск работы – достаточно сложный процесс. Особых таких объективных причин не было, на самом деле. Потому что, правда, сложности на рынке труда, и вчерашнему студенту особо-то выбирать не приходится. То есть, как правило, любая возможность постоянной работы, она используется, чтоб с перспективой, может, получить там какой-то опыт и дальше делать карьеру, развиваться там каким-то образом. Ну, вот так получилось, что карьера пошла по пути. Я прошла конкурс на замещение вакантной должности в Правовом управлении городской администрации. Там ведущий специалист была должность. И начала свою трудовую деятельность таким образом. Это не высокая должность.

Я четыре года отработала в Правовом управлении, вначале ведущим специалистом, потом главным специалистом. Один из курируемых мною комитетов был городской комитет по имуществу. Потом меня председатель комитета пригласила на должность начальника отдела в комитете. Потом перешла на повышение сюда, в область. Ну, как бы вот так вот сложилось.

Сейчас вот с карьерным ростом достаточно сложно, потому что есть политика по сокращению государственных служащих и по уменьшению финансирования на содержание аппарата госслужащих. Раньше, насколько я знаю, если человек был достоин, ему могли просто вот эту должность поменять. Внести изменение в штатное расписание, к примеру, там из главного специалиста сделать его консультантом, повысить. На сегодня такое практически маловероятно, потому что везде эти сокращения, и фонд оплаты труда уменьшается. То есть это понятно, что если человеку повысить должность, то остальные в этом очень сильно потеряют. Потому что фонд оплаты сократится. И если так есть возможность рассчитывать на какой-то фонд экономии, там, если кто-то болен, кто-то чего-то. То так это человек будет просто съедать эти деньги. Поэтому, конечно, нет. То есть, как правило, повышение происходит, если освобождается какая-то должность, объявляется конкурс на её замещение или на кадровый резерв. То есть любое лицо, в том числе и действующий госслужащий, вправе поучаствовать в этом конкурсе и тем самым вырасти.

Стабильность и престиж

Нравится – не нравится, здесь так сложно говорить. Ну, как я говорю, наша мечта – это нормированный рабочий день. Потому что, конечно, хотелось бы как-то больше времени уделять своей личной жизни, близким. Потому что ре-

жим работы такой, что приходится на мужа часть работы перекладывать. Потому что вечером, как правило, это уже ближе к восьми часам, а периодами бывает это и уже ближе к ночи. Всякое бывает. Но к этому привыкаешь, наверное.

Из позитивного, я считаю, что это достаточно престижно. В моём понимании. Я считаю, что, в принципе, для своего возраста я, наверное, неплохую карьеру сделала. Моя должность, она относится уже, наверное, даже к высшей категории должностей, то есть она стоит в одной группе с председателями комитетов. Ну, всё-таки стабильность, престиж, наверное.

Мне кажется, пока человек сам не стал чиновником, у него совершенно другое мнение о нём. Потому что на самом деле чиновники, мне кажется, – рабочие лошади. Особенно на нашем уровне, включая руководителей среднего звена. Потому что вот эта госслужба, она почему-то поглощает нашу личную жизнь очень сильно. Практически не остаётся время на себя, и вот даже банальные походы к врачу надо как-то планировать. Это всё очень сложно, это стараешься как-то переложить на выходной, на отпуск. Вот есть такие моменты. То есть отсутствие как бы вот этой личной свободы, оно порой несколько давит. И это даже не потому, что меня не отпустит руководитель. У меня, конечно, с пониманием относятся, но просто я сама, планируя свой рабочий день, понимаю, что, как правило, это просто нереально.

Кадровая лотерея

Я считаю, чиновник в первую очередь должен быть порядочным человеком. Я думаю, ему нужны ответственность, профессионализм. То есть вот такие качества. Желание работать – безусловно, потому что, да, тут лениться некогда. Ответственность, она, наверное, должна быть на любом месте.

Да, в любом виде деятельности, независимо от того – на себя работаешь, или в частной фирме, или в госслужбе – человек должен нести ответственность за своё решение, это понятно. Я как-то не могу таких вот качеств, свойственных именно чиновнику, назвать.

Чиновники, они же тоже разные. **В каждой сфере госслужбы есть своя особенность, и например чиновники в сфере архитектуры, они совершенно другие, нежели чиновники в сфере имущества.** То есть, есть специфика деятельности. У кого-то больше это работа всё-таки с людьми, какие-то организаторские, там, мероприятия. У нас, как правило, это, конечно, больше работа с документами. Ну, наша вот специфика. Мы больше работаем с документами. То есть в каждой сфере должны быть какие-то свои определённые склонности, наверное.

Нужны ли тесты при приеме на работу? Я не знаю, насколько это всё можно в порядке тестирования выявить. Я думаю, что здесь определённая лотерея. И когда проходят конкурсы на замещение вакантных должностей или в кадровый резерв, конечно, всегда надеешься, что первое впечатление о человеке тебя не обмануло. Потому что прежде всего смотришь, насколько тебе человек понравился, не понравился, потому что тебе каждый день с ним работать, каждый день его видеть и общаться. То есть это помимо его профессиональных качеств, это тоже очень важно на самом деле, насколько он тебе приятен, насколько, там, ты ему доверяешь. Конечно, на конкурсе это всё тяжело очень на первый взгляд определить. Тем более, если человек совершенно незнаком, то это определённая лотерея. Определённые стороны характера человека, конечно, ты по тестам определишь. Потому что за 15 минут общения в конкурсе, естественно, очень много вопросов задать не успеешь. Наверное, это было бы неплохо.

Спокойное место

Не думаю, что в частном секторе больше зарабатывают. Есть разные коммерческие структуры, разные организации. У меня, например, мама – пенсионерка, но она работает в не-большой частной компании, там всем подряд занимается: и менеджер, и бухгалтер, и снабженец, – в общем, специалист широкого профиля. В принципе, у неё зарплата средняя, как у меня. Конечно, есть в каких-то крупных компаниях специалисты – у них больше зарплата. Есть и такое. Но у нас, конечно, есть какая-то стабильность. Вот мы знаем, что у нас есть право на отпуск. Мы его реализуем. Может быть, не в полном объёме и не сразу. Но, тем не менее, мы пойдём в отпуск, нам оплатят этот отпуск. Нам предоставят денежные средства на лечение какое-то, то есть мы сможем спланировать поездку куда-то там, на курорт или в санаторий, или просто там зубы кому-то вылечить нужно. Людей, наверное, привлекает вот эта вот определённая стабильность.

Как правило, очень мало таких людей, которые готовы скакать, прыгать, там, в поисках чего-то лучшего, потому что это всё равно сопровождается определёнными стрессами. Все это понимают прекрасно, и они готовы работать здесь, в коллективе, в котором они привыкли, где всё уже, в принципе, понятно и ты – специалист, нежели снова и снова переживать все адаптационные периоды из-за того, чтоб зарплата с каждым разом на три, на пять тысяч повышалась. Потому что очень редко бывает, когда это происходит в разы, увеличение.

Я не думала уйти, потому что с моим образованием я максимум, наверное, на что могла рассчитывать, это начальником юридического отдела в какой-то фирме. **Я не считаю, что у меня здесь очень большая зарплата, учитывая все нюансы нашей деятельности, но вот среди моих знакомых, работающих женщин, считается, что зарплата вполне приличная для женщины. Конечно, есть много**

женщин, которые гораздо больше зарабатывают, но это больше, скажем так, исключение из правила. Но если бы решила уйти, наверное, я бы искала работу в какой-то достаточно крупной компании, тоже руководителем какого-то среднего звена: начальником отдела или заместителем директора – что-нибудь такое. Потому что, конечно, вот эти управленческие навыки, их как-то хотелось бы реализовать, потому что сложно, побыв столько лет руководителем, оказаться просто в разряде обычного специалиста, даже если будет в материальном, допустим, плане то же самое. Я, наверное, не отношусь к категории тех людей, которые готовы работать на себя, готовы рисковать.

Лишняя работа

Я знаю, что есть негативное отношение к чиновникам. Это стереотипы. Вот просто есть такой стереотип, что чиновник, вот он, там, ничего не делает, берёт взятки и хорошо живёт. На самом деле, конечно, наверное, есть такие люди. Иначе бы, наверное, этот стереотип не возник.

Бороться с коррупцией, наверное, нужно. Просто в моём понимании коррупция, она всё-таки где-то там. Не знаю. Мне кажется, надо бороться. Вот в Китае, там же борются с воровством, да? Руку отрубили и всё, человек не ворует больше. Или расстреляли. У них там так всё.

Наверное, можно бороться и достичь даже, преуспеть. Но надо ещё, как-то причину устранять. **Просто люди, наверное, дают, а кто-то это берёт. Вот и всё. Если б не давали, наверное бы, и не брали.** Еще у нас как-то система судов не очень развита. То есть люди же идут за решением вопроса, да? Они прекрасно понимают, что можно решить, допустим, цивилизованным способом – через суд, а можно простым. И понимая, что через суд решить гораздо сложнее, выбирают

более простой путь решения. То есть люди сами выбирают это. По моему мнению, можно не давать.

Эффективность принимаемых мер по борьбе с коррупцией мне сложно оценить, потому что, слава богу, я себя не отношу в разряд коррупционеров. Я не знаю, я просто уверена, что в нашей структуре нет таких людей. Поэтому мне сложно оценить, потому что я незнаю, как это делается.

Мы принимаем меры. Это больше, скажем так, формальные методы. Да, конечно, мы сейчас уделяем пристальное внимание. Но это больше юридические аспекты, то есть везде, где допускается расширительное толкование какой-то правоприменительной нормы, оно позволяет якобы, ну, или является коррупциогенным фактором. Мы обращаем на это внимание, убираем такие формулировки в нормативных актах и прочее. Я просто не знаю, насколько это эффективно, потому что как-то мне это сложно оценить, как было вот, допустим, с прошлой формулировкой, как стало с нынешней формулировкой.

Конечно, надо что-то делать. И, наверное, это правильно, что сейчас хоть какая-то работа стала проводиться. **На самом деле мы очень много отчётов пишем по антикоррупционной работе. Нам это, конечно, лишняя работа, потому что как можно оценить, приносят ли вот эти вот меры плоды или не приносят, когда не с чем сравнивать?** Если б у нас, допустим, за год было рассмотрено, там, или привлечено к ответственности три чиновника за какие-то коррупционные действия, а в это году ни одного, то можно было бы сказать, что данная работа поимела свой результат. У нас такой статистики, естественно, нету. Поэтому вот применительно к нашей структуре, я могу сказать, что для нас это дополнительная нагрузка.

Что касается раскрытия доходов чиновников, я не считаю, что это прям такая действенная мера на самом деле, по-

тому что если человек захочет скрыть свои доходы, он найдёт, наверное, массу вариантов, как это сделать. Меня, например, это не сильно напрягает. То есть мои доходы и доходы моего мужа я тоже декларирую.

В открытости я плохого ничего не вижу. Другое дело, что граждане не всегда адекватно могут оценить эти факты. И используя своё право на обсуждение всего, чего они там увидели или узнали, конечно, это могут какие-то быть негативные проявления. Я не считаю, что это прям так критично и мешает работать. За весь период моей работы таких вот, как бы выпадок со стороны граждан, по крайней мере, скажем так, адекватных, не было. Ну, бывало, там, какие-то немножко нездоровые на голову, у них, там, весеннее обострение, они начинают, возобновляют переписку многолетнюю и, там, что-то пишут. Но я на это не обращаю внимания. Сейчас вообще политика государства изменилась в этом направлении. То есть органы госвласти, они теперь больше даже, скажем, не управленческие органы, а органы предоставления определённых услуг для граждан. Поэтому, безусловно, это всё стало гораздо открытее. И электронная форма появляется предоставления госуслуг. Наверное, это нормально.

Нерабочее время

Управленческая деятельность всё-таки определённый отпечаток накладывает. И учитывая, что у меня муж уже тоже руководитель со стажем, у нас вот на этой почве... Иногда мы забываемся, да... Конечно, я дома несколько мягче. Ну, и вообще жена, она другая, чем женщина-начальница, безусловно. Но, в принципе, и в семье, и в быту я привыкла тоже принимать решения, но как бы это всё вот немножко по-другому делается.

По выходным отдохнуть особенно не успеваем. На выходной, во-первых, один всегда уходит на домашние дела,

безусловно. Во второй день по-разному. То есть мы стараемся как-то вот встретиться с родителями, провести вместе время или вот с братом, там, с его семьёй и как-то вот. Бывает, с друзьями. Ну, по-разному. Редко бывает, когда мы выходной вот отсидели дома и никуда не пошли или ничего не делали.

В отпуске я предпочитаю пляжный отдых, спокойный, чтоб меня никто не трогал, и я полежала, отоспалась, накупалась, наелась. То есть вот такой вот более пассивный отдых. Есть, конечно, уже как бы потребность более такого познавательного, но, говорю, так я устаю, что... И этих двух недель хватает только, чтоб как бы встряхнуться, прийти в себя и снова выйти на работу. Конечно, если бы отпуск был нормальный, 30 дней, как вот у нас, там, 35 у меня основной отпуск, уже не считая дополнительного, конечно, уже можно было какие-то запланировать, может быть, более интересное что-то там, на какие-то экскурсии, там, поездить, что-то посмотреть. Но вот пока больше вот такого плана, пляжного.

К курению отношусь отрицательно. Сама не курю. Мне не очень приятно. Например, когда на каких-то мероприятиях присутствуем или в каких-то заведениях, я стараюсь выбрать место, чтоб мне это не мешало. А так считаю, что, в принципе, личное дело каждого. Единственно, что оно не должно ущемлять интересы других людей. То есть, если я пришла в кафе, я никогда не сяду в зал для курящих, я пойду дальше, если все столики заняты.

Я не религиозный человек. Я как бы во что-то вот верю, но у меня нет практики ходить в церковь, молиться, ставить свечки. Я крещённая, то есть я как бы отношу себя к православным христианам, тем не менее, от вот этих вот культовых проявлений, я как-то далека от этого. Так сложилось. В принципе, никаких особых предпосылок не было, Но у меня

родители ходят в церковь. То есть у них не до фанатизма, но вот по определённым праздникам, там, или на какие-то годовщины смерти родственников. Там, они сходят, всё, как положено, там, свечи поставят.

Чтобы русские не ленились

К протестам в Москве отношусь спокойно. Ну, каждый имеет право, наверное, на свою точку зрения. Не знаю. Как-то вот я спокойно отношусь к этому, что люди своё право на свободу слова выразили.

Наверное, меня устраивает действующий политический режим, потому что госслужащие, в принципе, они не могут быть членами той или иной партии. Я, в принципе, считаю, что у нас нормальный, политическое устройство. И, в принципе, наверное, нормально то, что у нас сильный президент, у него очень много полномочий. Это в какой-то степени соответствует русской ментальности. **Потому что русские привыкли, чтобы был какой-то у них сверху сильный папа, который говорил бы, что делать. Кто-то, может, в этом и недостатки видит. Но я думаю, что русских, наверное, надо просто вот строить строим и вести за собой. Потому что, если не смотреть за нами, кто-то там отобьётся, лениться начнёт. Надо как-то, да, контролировать. Поэтому, в принципе, наверное, это нормально, просто это нужно всё как-то развивать, там, какие-то выявляющиеся недостатки как-то корректировать в управлении.**

Будущая мать

Мечта есть. Вот как-то так вот получилось, что у меня до сих пор нет детей. Поэтому хотелось бы вот всё-таки как женщине реализоваться в ближайшее время. Наверное, это можно, да, назвать мечтой, потому что пока вот у меня детей нет. Я тогда ушла бы с работы, временно конечно. Причём, я бы, наверное, ушла бы не на длительный период времени,

потому что я бы планировала привлечь к этому процессу маму свою. Вот.

Сейчас мужчина тоже может уходить в декретный отпуск, и если женщина – основной источник дохода, то я считаю, что такое возможно. Потому что семью нужно кормить, ребёнка – тоже. Если примерно доход одинаковый или в этом, как правило, мужчины зарабатывают больше, то, конечно, лучше, ну, априори ребёнку с матерью лучше, чем с кем-либо. Хотя отцы бывают очень любящие. Но я бы не доверила ребенка мужу. Просто это нецелесообразно. У меня муж зарабатывает больше, и поэтому так было бы лучше для семьи.

«РАБОТАЕМ НЕ ЗА НАГРАДЫ»

Референт по взаимодействию с высшими учебными заведениями областного министерства образования.

Мужчина, 58 лет

Быть как Зорин

Здесь работаю с 2005 года, на государственной службе. Но, наверное, все время работал, может быть, с перерывом где-то года два-три. Закончил исторический факультет, потом получил еще одно высшее образование. Областная высшая школа МВД Российской Федерации. По направлению «Правоведение».

Почему выбрал свой университет? Во-первых, на исторический факультет очень хотел поступить. Почему именно этот город? Потому что родители у меня – выходцы из этой области. Отец у меня – военнослужащий, и возвращаться собирался сюда.

Родители, я считаю, что у меня вообще бесподобные. Папа у меня – с Лысых гор, мама здесь жила. Папа закончил Пехотное училище. Они здесь поженились, распределили в Калининград, в Калининграде я родился, а потом всю часть

перебросили в Читинскую область. Там посередине между Улан-Удэи Читой – станция Бада, явно называется по-бурятски. И что-то папа так на двадцатом году службы сказал, что только сейчас понял, что такое «задвор» (Забайкальский военный округ), забайкальский – «забудь вернуться обратно». Зато покатались там по Читинской области, по Бурятской АССР. Поучился там в четырех школах. Интересно было. Посмотрели. На Байкал просто так ездили и летом, и зимой на рыбалку. Посмотрел там этот метровый лед, положили омуля на простой крючок, который делается из простой иголки. Потому что рыбу выловил на рывок, и чтобы она сразу же выплюнула этот крючок, потому что, там, руками ее вытаскивать невозможно. За все это я благодарен родителям.

Вы знаете, почему я пошел на истфак еще? Вы, наверное, знаете, был журналист Валентин Зорин. Когда шла «Международная панорама» и вот освещение всех событий... И вот как раз где-то как-то он меня не то что спровоцировал, но во всяком случае, сформировал именно такое желание быть как он, поэтому и старался везде, и языки тоже изучать по возможности. А что касается чиновника... Вы знаете, любое образование дается для того, чтобы человек, в конечном счете, занял должность руководителя, неважно в какой сфере.

Потом занимался еще в аспирантуре, но, к сожалению, бросил. Тема была интересная, но пришлось перераспределить, так сказать, жизненные силы в область жизненных каких-то интересов. Время было смутное – 1990-годы. Надо было делать квартиру, и все силы перераспределил в эту сторону.

Административное творчество

Что самое трудное в работе? Конечно, во-первых, это большой объем информации, и необходимо все срочно переработать и выдать те сведения, которые от меня требуются, – вот это главная трудность, поэтому здесь одному работать в этой должности, конечно, очень тяжело. Приходится напря-

гаться и одному за троих – это понятно, не очень комфортно себя чувствуешь.

Что привлекает в работе? Когда изучал курс психологии в университете, мне запомнилась одна фраза: «Личность реализуется в общении; чем шире круг общения, тем богаче личность». И вот в этой работе меня именно это привлекает – большой круг общения, причем очень интересный. С интересными людьми приходится встречаться не только в вузах наших, приходится и ездить.

Те навыки, которые у меня были, их постоянно развиваешь; если надо организовать какое-то мероприятие, обеспечить сбор информации, обработать ее и направить по месту требования, в общем-то, тут работаешь на компьютере, используешь все технологии, которые он дает для того, чтобы ускорить эти все процессы.

У меня очень интересная работа. Эта работа меня устраивает, я например, доволен. Даже эта должность дает самостоятельность в принятии решений. **Например, проводится какое-то мероприятие, там, я сам определяю порядок организации проведения этого мероприятия. Я присоединяю того, кто мне нужен. Включаю в состав участников этого мероприятия, то есть это самый яркий показатель. Это мое творчество.**

Примером может считаться проведение конференции во время Дельфийских игр. Тоже интересно было и хорошо. Мы проводили конференцию в 612 комнате правительства области, на шестом этаже в белом зале. Сделали площадочки для постановки флагов всех участников. Очень красиво все получилось, всем понравилось, все подходили, фотографировались, все представители этих стран около своего флага, и еще то, что в качестве руководителя, ведущего конференции на пленарном заседании был приглашен один крупный руководитель, он так проникновенно представлял выступление каждого участника, прямо слезы наворачивались. Особенно

запомнилось, как он девочку из Грузии представил, он вспомнил Серго Закариадзе, как он сыграл в этом фильме. «Отец солдата». Там даже, может быть, и те, кто не очень хорошо понимал русский язык, но по тому тону, каким это было все рассказано... Очень такое трогательное было мероприятие. И самое главное то, что выступили все и все подчеркнули, что вместе мы – сила. Конечно, все приехали туда одетые в национальные костюмы; очень яркое впечатление оставила эта конференция и, конечно, другие мероприятия в рамках игр.

Может быть, был бы другой на моем месте, он бы этого не чувствовал, а я как-то со всеми на равных, потому что со многими руководителями ВУЗов вместе учились, и у нас, помимо формальных таких отношений, складываются еще и неформальные связи, поэтому работать мне комфортно.

Тут знаете, работаем не за награды, есть грамоты губернатора, есть грамоты Министерства, других министерств, вузовские награды, тоже, там, благодарственные письма. Современная гуманитарная академия наградила даже орденом своим. В общем, вот так. Если уж придет срок и скажут, что нужно уступить место более молодым, – пожалуйста, тоже работать есть где. А через три года, там, может быть, уже и пенсия будет.

О чиновниках и воровстве

Я должен сразу отметить, что каждый чиновник должен чувствовать, что он является частью народа, и он является нервом государства. Он должен чувствовать, как живет народ, и поэтому вся его деятельность должна быть подчинена тому, чтобы жизнь людей была лучше. Это, помните, в свое время в каком-то третьем классе, когда изучали наставления Ленина... И там были такие слова: «Видишь, бумага...», а нет, это Крупская вроде бы говорила: «Видишь, бумага набросана, – надо подобрать». И вот здесь, надо делать все,

чтобы везде был порядок, чтобы везде было чисто. Это касается и работы, и мысли, и действий.

Чиновнику важен, во-первых, кругозор, во-вторых, постоянная подпитка информацией, постоянно должен быть в курсе всех дел. Тут у нас в Министерстве образования все равно ты выступаешь как учитель, а учитель, если он встречается с аудиторией, должен быть подготовленным. Поэтому стараюсь постоянно и книги читаю, и журналы просматриваю, и из интернета информацию черпаю, в общем, стараюсь быть в курсе всего и вся для того, чтобы знакомиться с новыми идеями, ну и самому претворять их в жизнь.

Я стараюсь со всеми держаться естественно, и я вообще стараюсь нигде не говорить о том, чиновник я или нет. **Каждый работает на своем месте, каждый зарабатывает деньги, как может. Один носит что-то, другой что-то пилит, но другой работает головой, языком.**

Коррупция – это что? Если вот этот нолик поставлю, ты мне должен вот этот нолик перевести вот на такой-то счет, а деньги-то ведь государственные. Вместо того, чтобы этот нолик еще пустить на какие-то программы. Коррупция – это, считай, воровство, это вымогательство. Конечно, за это надо наказывать. Поэтому и боролись еще со времен Петра (пример Меншикова), который вроде бы все, и земли у него было, и дворцы, мы сейчас ходим, смотрим сейчас на этот дворец Меншикова, как на произведение искусства. А ведь, видите как? В один какой-то момент – раз и все, и оказался в деревне у разбитого корыта. Известная картина.

Я считаю, когда это подмазывание, это опять воровство. И вот так встречаешься с ребятами своими, с друзьями друзей, тоже, когда начинают об этом говорить, прямо неприятно. За Россию обидно, а самое главное, что эти деньги можно было бы использовать на более важные нужды. Воровство, в какой бы форме оно ни было, оно остается воровством.

«Жизнь удалась»

Я сейчас один. Был женат дважды. От первого брака у меня дочь. Потом еще раз женился, но тоже у второй супруги здесь не сложились отношения на работе, вечно тосковала по родине, она сама с Красноярска. В общем-то, уехала. Дочь закончила аграрный университет, экономический факультет, сейчас работает в Москве, живет там. Тоже довольна жизнью, но тоже, когда начинаешь с ней разговаривать, — «Приедь ко мне, посмотреть на тебя», — говорит: «Папа, да ты что. Тут, во-первых, время — деньги, и ты понимаешь...» Она работает в какой-то иностранной фирме с иностранным участием, где пригодились и знания языка, и плюс знания по специальности. Но говорит: «Ты знаешь, тут лишь бы пару часов отоспаться». Поэтому приезжает сюда только на нехорошие, тяжелые случаи.

Я считаю, что жизнь удалась, мне она доставляет удовольствие, и как я уже говорил, что дает работа, что дает полученное образование, — это как раз то, что это общение с интересными людьми, занятие интересным делом, и дает возможность самореализации. В общем, меня все устраивает.

После работы я, как правило, дома. Хожу в кино, в театры, встречаюсь с друзьями, ну, и естественно в «Одноклассниках». Занимаюсь фотографией, поэтому сам снимаю, сам выставляю свои фотографии там, знакомлюсь.

В отпуске стараюсь по России ездить. Неделью назад вернулся из Петербурга на неделю ездил, смотрел там все экскурсии, какие можно было бы уместить в 24 часа. Но Петербург он так же неисчерпаем, как и атом, поэтому туда ездить и ездить. А у меня такое правило: где я один раз был, туда уже как-то не ездить, потому что мир настолько велик, что постараться надо охватить как можно больше.

Бывал и за рубежом. Где-то после четвертого курса мы съездили в стройотряд, это был наш последний стройотряд

после соглашения с Братиславским университетом, а потом ездил руководителем группы в Польшу, потом, уже здесь работая, летал в Таджикистан с нашей делегацией правительства области, тоже устанавливали связи. Потом в Турции тоже был, в Египте, Иордании, Израиле. Здесь по Европе – Италия, Швейцария, Лихтенштейн; и в прошлом году, когда я летал на Дальний Восток тоже. Полетел в Китай, в Пекин на 5 дней. **Китай – это такое богатство, это очень, очень впечатлило, особенно то, что они сделали: там у них есть мировой город – это уменьшенная копия всех памятников архитектуры в той или иной стране. Самый главный памятник – это Красная площадь. Как заходишь – Красная площадь, Кремль, ГУМ, очень интересно.** Ну, а туда дальше проходишь – полностью вашингтонское все. Капитолий, Арлингтонское кладбище, Белый дом... В общем, стараюсь отпуск дробить напополам с тем, чтобы съездить и куда-то далеко, и здесь по области тоже люблю на автобус брать билет. В какой-нибудь районный центр приезжаешь, походил, походил, чтобы последним автобусом вернуться домой. Тоже очень интересно, тоже езжу, везде все снимаю.

Внучку за границу взял бы только в Грецию. Я там объехал все Афины. Это нужно просто, когда будет изучать историю древнего мира, уже будет знать, что Парфенон – это вот это, Агора – это вот это. А Микены – это вот это, где погребальная маска Агамемнона. Там же поразительное явление, столкнулся, там есть, называется сокровищница Атрея, значит, там в замок сделана крыша такого сооружения, там стоишь... У нас это типа как идешь в «Победу», купол-то здесь, а там стоишь в центре купола, а тот, который стоит около стенки, он тебя не слышит. Поразительно. Такое явление, я первый раз с ним сталкиваюсь. Ну, и рекомендую и всем своим ребятам, у кого дети такого возраста, съездить в Фермопильский проход, где 300 спартанцев. Да, съездите, покажите, где дельфийские игры начинались, эти стадионы, эти

храмы. В общем, в Грецию.

А так на отдых, не знаю, куда. В Турцию? Пребывание в Турции – это праздник души. Не знаю, может, у меня такое. Поэтому, когда если приходится на танцах, на дискотеках, прошу поставить песню «Малинки». Фриске поет. «Малинки-малинки, такие вечеринки». Это как раз, я не знаю... Душа тает.

Мама у меня очень хорошо пела. Поэтому сейчас на даче собираемся у соседа одного, делаю распечатку песен и поем. К сожалению, нет инструмента. Нет инструмента, поэтому поем. И все окружающие, кто слушает – реакция интересная. Одно дело, когда приезжает компания и звучит дув-був-бу-бу-бу, вот это по приемнику, по радио. А другое дело, когда живое пение. **Все равно, все ждут 11 часов, когда мы споем Гимн. Гимн спели. Всем нравится особенно в припеве вторая строка, там выдаешь мелодию полной грудью. Я сейчас не помню эту строку, после отпуска как-то все... И вы знаете, что? У нас из-за того, что дача находится на склоне, а там внизу – лес, и это уходит туда в лес, и оно там с эхом раздается. Очень здорово. И самое главное то, что у нас вся малышня сидит рядом, и они все слушают и все то же самое подпевают. Пусть они в первый класс идут, но уже слова схватывают. Еще поем казачьих песни. «Выйду в поле ночью с конем» – в три голоса. «Нас извлекут из-под обломков» тоже на три голоса раскладываем. Это одна из традиций наших.**

Маятник Фуко

Политических предпочтений особых нет. В ходе протестных выступлений, в принципе, народ показал, что мнение народа надо учитывать, что нельзя просто, как с нулями обращаться. Но я думаю, что из этого сделали правильный вывод, потому что начнется. Сейчас читаю книжку по формированию, там про положение в Германии, двадцатые годы, и

как оно все пришло. Поэтому тут надо очень тонко учитывать все эти движения и подвижки в обществе, особенно в молодежной среде. И делать своевременно такие выводы и принимать действия. **Потому что, видите как, русский бунт – бессмысленный, беспощадный. Зачем это надо? Кому? Только страна начала жить. Нам не нужны никакие здесь перемены. Но это мое мнение.**

Верую ли я? Нет-нет, что там. Во что верить-то? Верить только в себя можно. А так, капиталовложение сделать? Ну, сделали мы, подняли эту каланчу у церкви на Горького, а там уже каждая организация должна делать бизнес по мере своей возможности и своих способностей. Во что тут верить-то? Меня знаете что поражает? Что, как это говорят, загоняются... В третьем корпусе университета у нас большая физическая аудитория. Там был маятник Фуко. Значит, в прошлом году (или в начале этого) у нас приехал председатель совета ректоров, президент Нижегородского университета, Стронгин. Повели его в университет показать, как и что, потому что его интересовал вклад университета как национального исследовательского вуза в экономику региона. Заходим в третий корпус, в аудиторию физическую, смотрим, там... я уж ожидал, думаю, Ломоносов будет там, наверху, над амфитеатром, а там икона... Думаю, ну, ребята, уж загонятся, но не до такой же степени. Это путь в никуда. Понятно, конечно, это как идеологический отдел, поэтому отношение такое.

Из важных событий... Запало – это, конечно, то выборы губернатора, вернее возвращение к выборам губернатора. Это яркое такое было событие в жизни, потому что сам принимал участие в этом процессе. А с 1980-х годов, я даже не знаю. Тогда была какая-то стройная система формирования органов государственной власти, она не располагала к участию больших масс народа, а здесь – вот на тебе, это все так в новинку, приезд Ельцина в нашу область, все послы крупнейших стран мира, все были у нас. Это как раз опять – 1995-й и

по 2003–2004 годы, потом уже опять какой-то такой период размеренной работы. Это что касается области. Что касается значимых событий государственного масштаба? Тоже, знаете, сейчас в памяти ничего особо не осталось.

Русский вопрос

Русские – это те, кто живут в России. Русские – это народ, которому все по плечу. Который все-таки живет в тяжелых условиях. Смотришь, у нас ведь для того, чтобы построить дорогу от Москвы до Владивостока, – это я не знаю, сколько нужно чего. И с другой стороны, если взять Вторую мировую войну, Великую Отечественную войну, и роль русских, – это такого народа нет нигде, который может сжаться, как пружина, и потомраз – и выдать энергии. Так читаешь книжки, во время войны на Гитлера работала вся Европа, весь контингент Вермахта состоял из немцев и прочих разных народов. Но всех переработали, всех перелопатили. Это русские.

Мы и теперь остаемся такими же. Это уже где-то на генетическом уровне, потому что мы сформировались в этой природной зоне. И отношение других народов к нам такое, какие мы сейчас есть. Но, конечно, тут что такое русский, можно смотреть, что это те, у которых только русые волосы, только их признавать русскими, но... Потому что я уж просто смотрю по своему садовому кооперативу. У нас там и азербайджанцы семьями, и армяне, и еще немцы. Русские – все, кто что-то делает для того, чтобы эта территория была лучше, комфортнее для проживания, богаче, все. И они это умеют делать. Вы посмотрите, переезжаешь путепровод через Алексеевский овраг, с правой стороны, смотрю, построили трехэтажный что ли особнячок уже, зеленым цветом покрасили. Красиво. Можем же что-то делать! Быстро, качественно. Причем, делают не только русские, там все делают, и все принимают участие в благоустройстве этой территории.

Надо учить людей жить на этой территории.

Возьмем Европу. Поднимешься на Сан-Марино, в замок Сан-Марино, и смотришь на Италию, он в центре «сапога», ты видишь и то побережье, и то. И то побережье, оно – все небольшие такие деревеньки, городки. Народ живет вот так. Если ты будешь делать так, то ты можешь помешать вот этому жителю. Поэтому давайте мы будем жить как-то так на этой территории, чтобы я не мешал тебе, и тебе было комфортно. Я понимаю, это, может, очень философское, глобальное осознание этой ситуации, но надо опыт такой житейский как-то передавать. То есть азам поведения, тому, как себя вести, с тем чтобы тебе было комфортно и окружающим тебя людям – с этого надо начинать. Я еще раз на Италию сошлюсь. Люди очень компактно живут, поэтому они следят и за чистотой, и за благоустройством, и за поведением. Пусть у них тоже, может, и уровень преступности, не без этого, но во всяком случае хотелось бы, чтобы мы этот житейский опыт как-то быстрее осваивали и внедряли в свою жизнь. Чтобы у нас города были чистые, опрятные.

Страна сейчас входит в непосредственные отношения со странами, входящими в ВТО. Здесь, конечно, у определенной части населения чувство неуверенности, чувство, может быть, даже страха какого-то, но это – у определенной части. Основная-то масса особо на это внимания не обращает. С другой стороны, будем жить так, как (во всяком случае, надемся) по правилам, которые существуют во всем мире, или хотя бы... поэтому будет интересно посмотреть, как мы со своей ментальностью будем сосуществовать на равных с остальным миром. А что касается политической стороны, будем надеяться, что будем идти и дальше по пути демократизации, опять же на основе общечеловеческих ценностей. Хотелось бы на это надеяться.

Цель в жизни

Мечта? Я даже не знаю, что это такое – мечта? Главная цель в жизни... Если сказать, что именно одним словом – это деятельность, потому что сегодня один задает вопрос: ты любишь играть в шашки? Я говорю, ты знаешь, у меня на это просто нет времени. И я просто это как вид деятельности воспринимаю как бессмысленное времяпровождение. Если на работе я делаю то, что я делаю – свою работу, то остальное время я посвящаю или чтению, или встрече с друзьями, посещению всех интересных мест, а также делаю на даче то, что я хочу делать. Это для меня главное. То есть движение – все, конечная цель – ничто.

Я куда захотел, я там и очутился. Куда захотел, что захотел сделать – то и сделал. Я сейчас приехал из Петербурга, посмотрел, мы живем на даче на скате, вот так вот смотрю – вот так можно этот скат срезать и взять из кирпича выложить арочки вот так, их как раз три влезет. И будет красиво. Причем, оставить кирпич старый красный, какой он есть. А это пусть плющом зарастет, и вообще будет бесподобно.

ТРЕХГОДИЧНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Ведущий специалист столичного департамента.

Мужчина, 22 года

Правительство дублеров

Родился в городе Киев. Затем, так как отец военный, переехали в город Камчатку. Там 6 лет сначала «на точке», потом «на стороже» отец служил, а потом сюда переехали жить. В 1997-м. Это я как раз сразу в 1-й класс и пошел. До 9-го класса учился в общеобразовательной школе, потом поступил в экономический профильный лицей при университете и закончил лицей с отличием. А так как лицей был профильный, экономический, у нас еще были занятия дополнительные. И фактически кто на все пятёрки заканчи-

вал, да, вот эти дополнительные занятия, те сразу на второй курс института шли. Вот у нас два таких человека были, я в это число попал. Далее закончил этот университет с отличием, с красным дипломом. Лицей тоже закончил с серебряной медалью, ну, тоже все пятерки, в принципе, остались. Я и художественную школу закончил, имузыкальную школу закончил – у меня флейта, гитара, фортепиано. **А на экономический пошел потому, что, в принципе, экономика – это жизнь. То есть все отношения людей – это, в принципе, можно расценивать как хозяйственную деятельность. Само по себе слово «экономика» интересное для меня было и вот как-то эти вопросы, это направление.**

Идея государственной службы передо мной тогда даже не маячила. Это получилось спонтанно. То есть я, когда я учился в институте, курсе на третьем, у меня была идея... Так как потом собирался идти в аспирантуру, нужно было заниматься социальной деятельностью какой-то и вообще жизнью вуза. Я и так там был председателем студенческого совета, нужно было там еще чего-нибудь организовывать. И был такой проект «Гражданская смена», молодежно-кадровый резерв. А у меня там знакомый один парень был. У меня идея была, чтобы под их финансирование сделать в своем институте газету студенческую. Ну, они сказали: «Давай, к нам тогда в проект заходи». Зашел у них в проект и стал куратором по своему институту, то есть мы ребят отправляли на обучение к ним, и газеты и различные другие социально направленные проекты они нам помогали реализовывать.

Это уже был 2009-й, вот все началось с 2009-го. Потом я закончил. В городе было СПД – студенческое правительство дублеров. Туда я вошел в конце 2009-го года, то есть уже в 2010-м, и являлся дублером руководителя одного из департаментов. Год прозанимался этой деятельностью. Мы соби-

рали молодежную экспертную группу и выносили на заседания коллегий и комиссий различные предложения. Нам ставили вопросы, какие будут на коллегии прорабатываться, скажем, застройка территориальных объектов. Мы по объектам смотрели, какие там можно молодежные социально-направленные проекты открывать, потому что как раз был 2009 год – Год молодежи.

Потом, когда я институт уже закончил, пригласили на собеседование в один из Департаментов правительства города, предложили работать. Я думал, как закончу, либо в своем вузе начать преподавателем работать, потому что там тоже предлагали преподавательскую деятельность, либо тут, но тут на испытательный срок. Получается, я месяц проработал только за то, чтобы взяли. Первый месяц просто мне сказали: «Давай, посидишь, поработаешь, поймешь – твое, не твое». Потом испытательный срок закончился, уже государственный классный чин присвоили. И фактически с сентября я официально уже работаю в Департаменте, то есть уже год скоро будет.

Главное – исполнительность

Государственная служба – она дисциплинирует, да, и все действия, которые ты делаешь, совершаешь, они все равно идут в рамках. Начнем даже с формы одежды. То есть ты на работу в шортах и в тапочках не придешь, не принято, да? Есть, в принципе, определенные рамки поведения себя на работе. То есть ты без стука к заместителю руководителя не зайдешь, не переговорив с секретарем, не сказав, вообще, по какому вопросу пришел. Я могу сказать то, что у ребят, которые мои знакомые, которые своим бизнесом занимаются, у них, там, захотел – сегодня до обеда поспал, зато буду потом следующие два дня работать, не останавливаясь. А здесь все-таки есть определенный график и режим, по которому работаешь. А мне по утрам никогда не нравилось вставать. Во-

обще люблю спать до обеда, и по утрам вставать всегда тяжело. Поэтому, когда домой приходишь, все равно какое-то время хочется просто ни с кем не разговаривать, посидеть, помолчать, не знаю, там, порисовать.

Для чиновника исполнительность – это главное. И в будущем, на мой взгляд, задаток хорошего руководителя – это именно его исполнительность. Потому что над любым руководителем, даже Департамента, стоят еще выше, и здесь уже идет как бы двойная связь. По отношению к одним ты являешься руководителем, по отношению к вышестоящим – ты все равно исполнитель. Первое время, ну, много бывает моментов, когда нужно просто себя сдерживать, просто промолчать. Ну, вот, например, тебе что-то говорят, а ты с этим в корне не согласен, да, но ты понимаешь то, что свое мнение можно сказать только тогда, когда его спросят. **Можно ли, нужно ли госслужащим иметь политические взгляды? Я считаю, что нет. Все политические события – они все равно происходят от людей. Здесь вопрос такой – то, что одни люди, различные группы людей лоббируют свои интересы, вот из этого все и вытекает. Я к политике не отношусь никак. Ну, и в семье у меня так принято – то, что мы дома работу не обсуждаем вообще. Ну, работу и политику. То есть, ну, зачем? Есть семья, есть, там, чувства какие-то. Лучше сходить погулять, не знаю, чем обо всем об этом.**

Особенность госслужбы в том, что есть распределение, делегирование, так скажем, функций и полномочий, да, и тебе дают поручение, и его нужно исполнить, а в бизнесе все-таки немножко по-другому. Хозяин говорит принести деньги, ты ему несешь деньги. То есть там уже зависит от того, сколько ты несешь, какое... такое к тебе отношение. Здесь отношение оттого, насколько качественно ты исполняешь свои обязанности и функции. Опять же, это мое видение.

Желания уйти с госслужбы не возникает. Ну, а куда уйти – на улицу? А чем семью кормить? И дальше что?

Здесь-то хоть какие-то социальные гарантии есть, то, что завтрашний день – он более, скажем так, очертаем, силуэты и контуры его более видны, чем существуя в какой-то неопределенности. Одно дело, когда одни – взял портфель и рюкзак, переехал в другое место, перешел и так далее, а другое дело – сейчас уже как бы семья, и, там, о детях задумываемся. Поэтому здесь в любом случае уже ищешь точки заземления, от которых уже создавать что-то более комфортное и уютное для своей семьи.

Из социальных гарантий для меня наиболее значимое то, что моя супруга сможет в любой момент обратиться в ведомственную поликлинику, да, и там не откажут ей, там не нахамят, ее там примут. Мне важно то, что, да, там, пусть и небольшая заработная плата, но она гарантирована и каждый месяц есть. В бизнесе сколько заработал, все твое, а здесь как бы немножко... совершенно по-другому, да? Здесь есть твоя должность, есть должностной оклад и, там, различные надбавки за особые условия госслужбы и так далее, и, там, пошло перечисление. И преподавать можно. Преподавательская, научная деятельность – она по закону о гражданской службе разрешена.

Хотим дать гарантию

Вот у нас сейчас, в моем ведении, находится такая программа. У нас есть в городе бездотационные дома, дома, которые, фактически для малоимущих. Они там живут и имеют право прописаться, ну, гарантированно там живут. И бездотационный он, потому что он к концу своего ввода обслуживания полностью отбивает все затраты, которые в него были вложены, обходится городу в ноль. А сейчас есть идея у предпринимательства, чтобы запустили доходные дома, которые будут именно приносить прибыль. Такие проекты есть, но они являются элитными. В Швейцарии и в Дании у них там же, в принципе, все государственное. У них 85% – это арендное жилье, а у нас пока идет акцент на элитное жи-

лье. А вот сейчас есть идея проработать программы, которые будут именно под средний класс ориентированы, то есть для людей со средним доходом.

Но есть большой подводный камень. Потому что куча ситуаций, когда людям даже «служебки» давали, они потом различными путями все равно через суды находили способы их приватизировать. Рынок аренды жилья сейчас довольно развит, но здесь весь вопрос, который заключается в следующем. Вот хорошо, мы сегодня с супругой хотим снять квартиру. Мы идем и ее снимаем. Средняя цена, будем говорить, ты... тысяч 25 в такой простенькой однокомнатной квартире, и не в центре, где-нибудь на окраине. Проходит год. С нами заключают договор ровно на год, при этом мы сразу вносим первый платеж как бы за первый месяц. Он является гарантом того, что мы там ничего не побьем, не повредим, а если это сделаем, то из этого фактически и заплатят. А через год нам скажут: «Ну, ребята, год прожили, очень хорошо, да? Если хотите здесь жить дальше, на 30% стоимость подымается. Мы в этой части рынок уже мо́ниторили, и такие ситуации довольно часто бывают. А мы хотим дать гарантию того, что тебе через год никто не скажет: «Вон двери, всего доброго», – да, хотя могут и так сказать, то что: «Ребята, ну, как бы год прожили, продлить с вами ничего не хотим. Сейчас, там, приезжает дочка из Германии, и ей нужно где-то жить». Мне кажется, очень важно, чтобы именно на психологическом уровне в голове было понятие того, что завтра не придется с вещами куда-то идти.

Приемные дни

Неудачи в работе были в самом начале, когда начинал работать. Когда не знаешь порядок, и ты понимаешь, что делаешь ошибку, да... Вот один момент, когда ты понимаешь, что ты делаешь ошибку, и тебя поправили, подсказали, да, другой момент, когда ты изначально не знаешь, что ты дела-

ешь ошибку, и вот потом, когда уже прошло время, ты понимаешь то, что где-то была ошибка, ну, скажем, не особо комфортно себя чувствуешь, неуютно. Ну, скажем, письмо какому-нибудь заявителю отправлял и шапку оформил, ну, вот адресата одним образом, да, а на самом деле там нужно было по-другому оформлять. И ничего, письмо ушло, его получили. Но человек-то не знает то, что там ошибка, правильно? А вот ты знаешь, и тебе как бы не особо уютно от этого.

В первое время всегда тяжело адаптироваться, понимать, чего как. Мне кажется, на любой работе первые месяцы – это именно такая стрессовая ситуация все равно для человека – новое место работы. Новые люди, не знаешь, ни к кому обратиться, ни у кого спросить. Все ведь с разным настроением: кто-то с утра не выспался, еще хочет поспать, кому... кто-то кофе хочет попить, а вот ты тут со своим...

Много работы с людьми. Периодически, у нас раз в неделю, дежури́м в приемной Департамента. **Граждане приходят с различными вопросами: кто-то с жилищным вопросом, кто-то просто себя показать, людей посмотреть, ну, и такое бывает.** Я могу поделить их на группы. Есть люди, которые приходят с четко сформулированной своей проблемой и хотят услышать пути решения, а есть люди, которые не совсем даже свою проблему понимают, но хотят решить. А вот на вопрос «что решить?» они сами не особо готовы ответить. То есть человек может сказать фразу: «Жилье, жилье, жилье», – а он сам не понимает, там, что и как, и вообще, в принципе, какие основания, чтобы был разговор.

Люди ведь закон начинают читать, да, и что-то... Ну, как к врачу приходят больные только тогда, когда что-то болит, так и здесь. То есть одно дело, человек просто приходит и задает вопрос: «Ребята, расскажите, как это происходит, да, как вступить в ту или иную программу, как поучаствовать?». Другое дело, человек приходит, и он начинает рассказывать, что на каких условиях, как он в эту программу должен войти

и почему он должен, грубо говоря, жилье получить первым. То есть здесь из разряда то, что к врачу приходят, спрашивают, говорят, что болит, и спрашивают, чем это лечить; и другой вариант, когда к врачу приходят и ему рассказывают, какие лекарства от чего он должен назначить. Но и здесь второй вариант не проходит, он тоже невозможен. Мы ведь ничего не можем придумать, да, мы работаем с законом. Вот у нас есть закон, отталкиваясь от него, мы работаем.

Больше скорее тех, что по второму варианту. Пенсионеры очень часто. Ну, скажем, да, возрастная группа после 50-ти лет, 50–60-ти. Потому что вот молодые, которые приходят, они приходят с вопросом, то есть: «Какие я должен предпринять действия, что мне сделать?», – а люди пожилого возраста – они не приходят и не спрашивают. Они просто приходят и рассказывают свою ситуацию и говорят то, что, ну, «давайте, давайте». **Ну, как-то пытаешься... Ну, сначала... любого человека сначала нужно выслушать, потому что многие люди приходят и не первый раз, и не десятый даже. И они приходят просто, чтобы им, наверное, какое-то внимание уделили.** Ну, мы стараемся как бы в любом случае разговор строить в том ключе, что «вы сюда пришли с определенной проблемой, да, как бы не надо рассказывать, какие у вас, там, личные жизненные проблемы есть. Давайте, вот ваша жилищная проблема – о ней поговорим, потому что, ну, в наших компетенциях вам что-то подсказать именно в этом ключе».

Считаю, такие консультации необходимы. Потому что, если человеку все-таки нужна коммуникация, ее ничем другим не заменишь. А листок бумажки – он безжизненный, просто форма, буквы. Их кто-то может не понять, кто-то их может понять двояко. Одно и то же слово можно сказать – «марс», кто-то представит шоколадку, а кто-то планету. Здесь все-таки, когда ты с человеком работаешь, да, когда ты ему объясняешь, подсказываешь, можно убедить и показать,

как разобраться, как чего... Чтобы было прежде всего ему понятно, чтобы он второй раз с этим вопросом уже не приходил, а просто понял. А письма – они строятся в основном на ссылках на законодательство и на каких-то выдержках из законодательства. Ну, простому человеку, который не умеет читать закон, это вообще ничего не даст. Если я прочитываю определенные статьи, то я для себя понимаю, что они означают, какую смысловую нагрузку они несут. Потому что есть статьи, которые между собой отличаются только перестановкой нескольких слов, но нагрузка совершенно разная. Ну, как запятая: «казнить, нельзя помиловать», «помиловать, нельзя казнить» – то же самое. Умение читать закон – это внимательность и понимание того, что написано. Многие, когда читают, читают то, что они хотят увидеть, скорее, чем то, что написано.

Планы на будущее

Я не вижу на сегодняшний день, что государственная служба – это мое и все, я на этом останавливаюсь. Я это вижу как своего рода начало. То есть первое – это трудовая книжка, да? Куда сейчас ни приди работать, три года на госслужбе – это о чем-то говорит. Это не три года, там, в какой-то организации проработать. Плюс, определенный понятийный аппарат того, как вообще функционирует государственный орган, да, то есть как с ними потом, в случае необходимости, строить обратную связь. Потому что сейчас, бывает, обращаются, да, и сразу понятно, человек обращается, зная, как обращаться, или вообще не знает, о чем говорит, и первый раз чего-то хочет. Для меня это еще очень много дает в плане общения с людьми. То есть ты понимаешь с кем, как и на каком уровне строить разговор. Скажем так, на каких ограненных камнях опираться в тех или иных ситуациях.

Что будет через пять, десять лет, я сказать не могу. Здесь двоякое видение. Я просто не могу на сегодняшний день предположить, пойдет или не пойдет карьерный рост. Либо

он идет, да, и ты понимаешь то, что, ну, здесь и дальше есть перспектива. Вот я, например, на сегодняшний день вижу трехгодовую перспективу. К концу третьего года я уже для себя решу, какие шаги предпринимать дальше.

Здесь дело не в поднятии моих позиций, здесь дело в обогащении меня определенными знаниями. То есть на сегодняшний день я как бы вижу то, что я расту. Расту именно в том плане, что когда я только приходил, я не понимал, что такое закон, как это вообще читается и что с этим делать. Сейчас я могу взять любой нормативный документ, прочитать его, и я его пойму. Потому что законы у нас – их тоже, действительно, надо уметь читать. Потому что, просто если дать кому-то прочитать... Это как я первое время, абзац прочитал – я ничего не понимал. Какие-то слова написаны и все, хотя я неглупый сам по себе человек был, уже образование было. И здесь же еще момент такой, да, мне на сегодняшний день очень интересно то, как органы исполнительной власти реализовывают различные программы.

Многое еще зависит от коллектива. Если человек не приживается на работе, то ему всегда можно создать условия, при которых он захочет покинуть ту или иную организацию. Здесь очень от многих факторов зависит. То есть на сегодняшний день я могу сказать то, что коллектив у нас благоприятный и все хорошо, да, но могут произойти реформы, будут совершенно другие люди работать, и какая тогда будет обстановка и среда, вот я не могу как бы это спрогнозировать и понять. Есть потому что факторы, которые от меня не зависят – такие как окружающая среда, скажем, да? То есть я могу что-то внутри себя поменять и под эту среду пристро... скажем так, сааптироваться, да, но это не значит то, что внутри меня все будет комфортно и я в таком режиме долго смогу проработать. У нас тут, например, реструктуризация была. Порядка 70% либо попереводили, либо сокращали. И сейчас сокращения идут.

Пока планирую аспирантуру закончить. Первый год закончил, еще два года осталось. Сейчас уже «кирпич» диссертации готов, поэтому, в принципе, не знаю, есть ли смысл вперед забегать – на следующем году защищаться – или нет. Но в этом году два кандидатских сдал – это философия и иностранный язык. То есть от этого уже можно уходить на защиту. Просто там очень много моментов по утверждению авторефератов и так далее, по ВАКовским публикациям.

Хотел бы я, чтобы мои будущие дети тоже работали в госслужбе? Нет. Творчество убивает.

РЕШАЯ ВОПРОСЫ

Начальник управления одного из столичных департаментов.

Мужчина, старше 50 лет

Вульгарный материалист

У меня отец чиновник был. Он приходил и в семь, и в восемь, и в девять, и в десять. Иногда в субботу работал. И так работать за такие деньги я совершенно не хотел. А сосед у меня работал на заводе. Он уходил в восемь, и в пять он уже был дома. Они отдыхали на юге, а я нет. Они себе могли позволить уехать всей семьей, а я нет. Меня в пионерский лагерь посылали. Родители не могли выехать. Я к бабушке ездил. Но я, в принципе, очень хотел заниматься планированием народного хозяйства, вообще экономикой. Именно экономикой с детства было очень интересно. Но, к сожалению, «пролетел» на дневное обучение из-за лени. Сдал бы документы на один день раньше, был бы на дневном обучении, а поскольку не сдал, попал на вечернее. А когда сдавал экзамены, мне было предложено г... «Слушай, – говорят, – ну, не лезь ты на это планирование народного хозяйства. Иди на экономику труда, тоже экономика». Поскольку я не очень понимал, что это такое, а факультет общеэкономический, думаю, ну, какая разница – планирование народного хозяй-

ства или экономика труда? Ну, там экономика, и здесь экономика. Согласился. А как начал работать, мне очень интересно стало.

Когда перешел с третьего курса на специальность, я понял, что все, чему меня учили, в жизни великолепно работает. Но, кстати, вот это вот детское, скажем так, убеждение – оно осталось и сейчас. **В институте меня называли «псевдонаучно-вульгарным материалистом», в смысле вульгарный – «простой». Не ругательство, а «простейший». То есть я всегда ставил и сейчас ставлю экономику во главу всего.** Экономику не с точки зрения производства, а с точки зрения экономических отношений. Я, честно говоря, даже не хотел на госслужбу, но просто ткнувшись в несколько «почтовых ящиков», на крупные предприятия, мне сказали: «Нет, молодой человек, у нас вон желающих с высшим образованием – выбор есть. Куда уже... зачем же вы нам нужны?» А здесь желающих не было, здесь молодежь набирали.

Если бы знал к чему мы придем после 1991 года, конечно не пошел бы на госслужбу. А зачем? Ради чего? Цель? Я бы пошел в банковскую систему, я бы работал бы, допустим, в Госбанке, в Сбербанке. Я, может быть, пошел бы на работу в любую государственную внешнеэкономическую контору. Я, может быть, пошел бы, если б знал о развитии событий, я пошел бы, может быть, в банковский сектор, может быть, остался бы в торговле, именно в торговле, в магазине, к товару.

«Лебединое озеро»

Первое значимое событие для меня – это когда я пришел в Госкомтруд СССР. Пока это еще была мощнейшая организация, обладающая колоссальным влиянием и значением в СССР. Второе – 1991 год. Я был на даче, в отпуске. «Лебединое озеро» смотрел там по телевизору. Отец работал, поэтому сказал: «В город, – говорит, – не выезжай, не высовы-

вайся». Ну, я уже был не союзный чиновник, а республиканский. Но развитие событий, в силу своего вульгарного материализма, я просчитал и очень до сих пор расстроен, что не ошибся. Это как раз тот случай, когда ошибка была бы мне приятней, чем моя правда.

Дальше – период работы, мой первый период работы в «Белом доме», но из событий на уровне страны больше всего повлиял путч. Только путч. Потому что изменился принципиально образ жизни у людей, а у меня – нет. **Я так и не смог перестроиться. Я не могу обманывать, я не могу ходить по трупам и не пойду по ним никогда. Я никогда не сделаю подлости ни за какие деньги.** Если я о человеке думаю хорошо, я ему об этом скажу в глаза, если плохо, я просто промолчу и не буду с ним общаться. В СССР такое тоже было, но мне повезло. Молодой, оптимист ине сталкивался с этим ни с чем. А потом стал систематически сталкиваться, даже, я сказал бы, что регулярно. Насколько честь, совесть и порядочность влияют на карьеру непосредственно? Чем их меньше, тем быстрее профессиональный рост. Современный анекдот. Что-то мне не смешно, знаете.

Школа жизни

В «Белом доме» – это школа аппаратная. Там собрались великолепные специалисты. Туда подобрали специалистов и с Совмина Союза, были специалисты из аппарата ЦК. Тогда отбирали лучших из лучших, вот я с ними и познакомился. Традиции, культура, основные принципы отношения к людям, что ни в коем случае нельзя, решая вопрос, думать об отчете. Другими словами, нельзя решать вопрос ради того, чтоб отчитаться о его решении. А решая вопрос, надо, первое, сделать так, чтобы никто не пострадал, и чтоб стало лучше, и второе, решать его таким образом, стараться, чтоб уже больше не возвращаться к этому вопросу. То есть его

надо решать так взаимоудовлетворимо, чтоб он больше не вставал. Все, решили и пошли дальше.

Я могу сказать, что те документы, по которым сегодня проходит федеральная госслужба, писали мы тогда там, многие указы, которые не переписаны были после. А которые переписаны – идеология сохранилась та же самая. Ничего принципиально нового в них не внесено. Заменены слова, заменены подходы, но принцип тот же самый, основа та же самая. Положив два документа, можно сказать, что, да, следующий чище, грамотнее. Но у людей было 5–10 лет подумывать, чтоб вычистить документы, но суть сохранена.

Я никогда не спорил с теми, кто ниже по должности. Я им объяснял, а спорил с начальством. Только когда я пришел на должность руководителя, уже со мной начинали спорить. У меня была просьба ко всем, и я сейчас прошу своих подчиненных: «Ребята, – говорю, – если у вас есть свое мнение и вы его можете аргументировано доказать, пожалуйста, докажете, убедите меня в правоте в своей». **У нас зачастую работает принцип «я – начальник, ты – дурак».** Как вы думаете, откуда она пришла, эта фраза? Из аппарата. «Делай, как я сказал». Потому что дискуссия с подчиненным сжирает большое количество времени, которого у начальника просто нету. У него есть еще свой начальник, который дает ему вводную: «Это сделай, это сделай». Если дискутировать с каждым сотрудником, ты заползаешь не за двенадцатичасовой, а за восемнадцатичасовой рабочий день. Но, тем не менее, жертвую временем для того, чтобы убедить человека. Тоже, опять же, вы извините, пословицы не придумываются, просто в тему ложатся: «Скотину – накорми, человека – убеди». Человек, который понимает цель и который понимает подходы и принципы, он гораздо более эффективно работает. Его не приходится потом править, он знает, что делает. То есть потеря моя времени на дискуссию окупа-

ется сторицей, когда человек начинает работать самостоятельно.

Когда я пришел на руководящую работу, те подходы, видения, которым меня научили старшие товарищи, попробовал реализовать, но уже сам, и вот это для меня был кардинальный перелом. Я вынужден был брать на себя ответственность. Вы знаете, это жуткая штука. Я вот до сих пор больше, гораздо больше, чем вот нервотрепки во время подготовки документа, беготни, согласования, больше боюсь всего – это ответственности. Я ее беру на себя, но я боюсь. Мне страшно за ошибку, потому что ошибка в экономике – она страшнее ошибки в медицине: пострадавших больше. Мне не страшно отвечать, мне страшно людей обидеть. И ее исправить сложнее. Ничего уголовно наказуемого, административно наказуемого я никогда не совершал. Дисциплинарной ответственности я не боюсь, я готов уйти. Я боюсь, мне будет стыдно перед людьми. Мне будет стыдно перед теми чиновниками, для которых я принимаю решения, которые меня знают. Страх, страх стыда.

Жизнь «по долгу службы»

Что касается трудностей в работе. Да их, понимаете, море, начиная с того, что как всегда возникают проблемы, начиная с канцтоваров. Уходит бумаги немеряно. Большинство людей, за исключением, может быть, людей поколения молодежи, кто с детства работает с экраном, не любят читать с экрана. Я тоже очень не люблю и не умею. А многие читают, бегло книжки читают с экрана компьютера, пролистывая на перемотке. Гении! Я не умею.

Под документ иногда, бывает, уходит пять, шесть, иногда и больше вариантов. Написал, прочитал, поправил. Понравилось – отдал. Сделали замечание – поправил. И вот эти вот варианты правки накапливаются. Бумаги уходит море, ино-

гда ее просто не хватает. Вот начиная от таких проблем и заканчивая с проблемами, что иногда сталкиваясь с ситуацией, когда ты не знаешь, как себя вести.

Нет свободного времени для работы, море совещаний, море необходимости решения организационных вопросов. У меня рабочий день с восьми до семнадцати. Он считается ненормированным, но фактически это выливается в работу... В шутку говоря, – восьмичасовой рабочий день – с восьми до восьми. Иногда и до девяти, и десяти. Причем, здесь никто из руководства не требует, чтобы я сидел. Просто технически складывается таким образом, что в течение дня больше бегаешь вне кабинета, а в конце рабочего дня, набрав информацию, начинаешь ее пытаться как-то на бумагу положить. Ну, так через эти вот проблемы. Все-таки у организма и какой-то физический предел, и нагрузки... Не хотелось бы, чтобы инфаркт или инсульт пришел на рабочем месте. Нет, ну, истощение – оно к этому приводит, между прочим, физическое, психоэмоциональное истощение. Надо восстанавливаться, а как? Главное – когда? Я оформил загранпаспорт и в силу того, что по субботам работал, не мог его получить. Уже пять лет прошло – я его не могу получить. Сейчас я просто отсыпаюсь по субботам, грех говорить. Просто просыпаюсь, чай попил, не ем, и опять спать. Мне до сих пор звонят: «Заберите паспорт. Мы его даже, – говорят, – уничтожить не можем, у него уже срок действия истек, а он у нас, – говорят, – лежит».

У меня есть поручение, за которое я ответственен. Я не могу подвести руководителя ни при каких условиях, я его обязан выполнить. Условия, чтобы выполнить его в рабочее время, у меня отсутствуют, значит, я вынужден выполнять эту работу за пределами рабочего времени. Альтернативный вариант – единственный. Не выполнять – это не обсуждается.

Есть такая нехорошая шутка: «Кто живет по долгу служ-

бы, тот подолгу не живет». Печальная шутка, по-моему, сугубо российского происхождения. Можно уйти, но вопрос – куда? Где нужны специалисты по организации государственной службы, кроме государственной службы? Куда уйти? Когда я учился, мы проходили марксизм-ленинизм, его составные части – политэкономия, научный коммунизм, историю партии – и критику буржуазных теорий. У вас сейчас все наоборот. У вас сейчас буржуазные теории и критика марксизма-ленинизма, в лучшем случае, а иногда про него просто забывают. Так вот, Энгельс, по-моему, говорил о том, что самое жесткое принуждение – это экономическое. Вас можно заставить силой копать, но вас нельзя заставить думать силой. Это уже я за Фридриха домысливаю. Поэтому, естественно, что сидишь по своей воле. Экономическое принуждение – что-то есть надо. Работа нравится, а режим нет. И взвешиваешь кусок колбасы и состояние здоровья: здоровье пока еще позволяет, а колбаса нужна каждый день.

Служить не во благо, а руководству

Самое значимое событие – это когда подготовленные тобой документы потом подписываются. Чиновник для чего нужен? Чтобы служить на благо? Великолепно! Собачки служат. Собачки служат на благо за колбаску. Чиновник служит для того, чтобы решать вопросы, для того, чтобы защищать двойную функцию государства, двуединую, определения правил игры, деятельности хозяйственной, государственной, личностной и контроля за соблюдением. А вот во благо это или не во благо, зависит не от чиновника. Что такое «во благо», если можно? Это чтоб вам было хорошо? Так не бывает! Потому что в рыночных условиях всем хорошо быть не может по определению. Если всем хорошо – это не капитализм.

Раньше не было капитализма, но тоже было нельзя. Объясняю почему: потому что вместо частного капитала, кото-

рый набивал себе карманы, было государство, которое то, что зарабатывали ваши родители, может быть, даже бо́льшую часть чем сегодня, на что-то забирало: вооружение, помощь союзникам. Это то, что недополучали люди. Опять им не было хорошо. Не надо красивых слов. Знаете, у Чехова: «Аркадий, не говори красиво, все равно попадешь впросак». Меня служба во благо всегда удивляет. Служба государству – да, служба тому руководству, которое избрано – да. А благо определяем не мы, не наше руководство – наши потомки. Было ли это во благо или не было – да кто ж его сейчас знает-то? Иосиф Виссарионович... Чиновники служили? Служили. Они считали наверняка, что они служат государству, во благо. А какова сегодня оценка? Здесь оценочные показатели возможны только с большого расстояния, издалека.

Здесь я даже не столько сам оцениваю свою работу, сколько я подхожу по формальному признаку. Работу делаю с удовольствием. Мне нравится писать, мне нравится продумывать варианты, мне нравится писать так, чтобы решение было удобно, выгодно руководству, специалистам, кто эти решения выполняет, и тем людям, на кого мы работаем. Вот как только руководству и чиновникам рядовым будет нормально, документ начнет работать. Если один из этих уровней будет недоволен принимаемым решением, – блокируется решение. Начальник не дает указание, специалист не выполняет, люди не пользуются. Ну, если неудобно, зачем оно вам надо? Мне это нравится. Если вот так раскладывать по полочкам: а вот в этом случае? а если вот так? а вдруг дурак попался в схему? Значит, должна быть защита от дурака. И как только эта схема складывается – это удовлетворение, личное такое, эмоциональное. А вот когда подписывает руководство, да еще после обсуждения иногда или в Городской Думе, или в Государственной Думе закон проходит, или Администрацию президента проходит, а там умнейшие люди сидят, и

они не могут придраться, и подписывает президент. Это уже оценка. Это уже оценка не моя, это оценка тех, кто давал замечания и кто подписывал. Они согласились. Это такое удовлетворение получаешь! Думаешь: «Господи! Ну, надо же, удалось, сложилось!»

«Сидеть можно на чиновниках»

У чиновников практически армейская субординация. Можете заменить, у нас ведь русский язык богатый чинопочитанием. Ну, я назвал бы не чинопочитание, – слишком старорежимно, – чиноуважение, уважение к должности. Причем, уважение к должности зачастую выше уважения к личности. То есть человека могут в аппарате не уважать, но с пиететом относиться к его должности – к полномочиям, к функциям, выполняемым по этой должности. Одно другому не мешает. Второе – практически армейская дисциплина. Она может быть более жесткой, менее жесткой, но она всегда есть. Порассуждать и не сделать нельзя. С точки зрения сравнения с журналистами, если для журналистов важны такие качества, как наглость, нахальство, непорядочность, то здесь нужны занудство, то есть кропотливость, въедливость: «А покажите, где написано. А давайте посмотрим. А вот здесь написано не так, а вот так. А вот эта запятая... читает... поэтому предложение читается так». Это попытка подстраховаться и обеспечить соответствие, буквальное зачастую соответствие законодательству. Человек-функция.

Гляньте на 58-й ФЗ. Он называется «О системе государственной службы Российской Федерации». Там уже четко сказано, что «ребята, вся госслужба какая? Военная, правоохранительная и гражданская, – суть одна». Единая служба государственная. Она просто делится на военную, правоохранительную и гражданскую, а так она одна и та же. И это хорошо, между прочим, по многим причинам. Я

вот не очень хорошо владею английским языком, но как-то в дискуссии мне иностранцы привели очень хорошие английские два слова. Управление – management, и второе – administration. Тоже управление. Так вот, у нас, в аппарате, должен быть administration. Тупые англосаксы придумали, развели management, но это другое управление, ребята, даже языки разные. А у нас в дипломе «Гос. и мун. управление» написано «manager» в «administration». Во как здорово получилось. И когда мы пытаемся насаждать сюда механизмы, действующие в рыночной экономике, мы упускаем только одно, что любой эксперимент над персоналом в аппарате – это государственная политика. Это не самодурство частного владельца фирмы, который рискует за свою дурь своим капиталом, своим бизнесом. **Здесь риск для всего государства, для его опоры, для чиновников. Не армия опоры, не силовые структуры – чиновники. Помните Наполеона? На штыках можно прийти к власти, на штыках нельзя сидеть. Сидеть можно на чиновниках. Они подушка, они руки, они... они... они... они организация!**

«А посадки-то где?»

Про коррупцию я могу сказать, что это однозначно плохо. И если есть возможность, я всегда пытаюсь скрыть, что я работаю в аппарате. По молодости в СССР я гордился, когда работал в Госкомтруде СССР. Ну, тогда не было слова «чиновник». Все знали, Госкомтруд СССР – это зарплата, это человек, который... Конечно, все считали, что я принимаю решения, а я таблички рисовал, графики, писал: «Увеличить на 5%». Вот расчеты. Начальство говорило: «Не на пять, а на четыре с половиной или на семь». А потом я начал стесняться того, что я работаю в аппарате. Не сразу после 1991-го, это когда пошла волна в прессе о коррупции... Ну, тогда не было коррупции, были взятки, были откаты. Слово «корруп-

ция» еще не использовалось. Мне стало стыдно признаваться, потому что когда я говорил, что работаю в аппарате, следом я должен был, глядя на людей, оправдываться: «Ну, вот мы не делаем это, вот мы не вредим, вот мы не берем взятки». А они молчали, люди-то интеллигентные, воспитанные. Неудобно, ну, зачем себе создавать проблемы? «Где работаешь?» – «Да так, – говорил, – клерк в одной фирме». Все. Да, а чего стесняться? Кто я такой? Действительно, клерк в одной фирме.

Откуда взялось мнение, что чиновники все плохие? Фифти-фифти, 50 на 50. Оно и правильное, и оно созданное, на мой взгляд. Вот за 30 лет работы я ни разу не пересекался, ну, так вот, чтоб поздоровались за руку, чтоб я знал по имени-отчеству людей, которые бы брали взятки, откаты, воровали. Просто не знал их. Иногда вот, как я думаю, должно быть, те, кто совершает какие-то противоправные действия, за деньги, естественно, он не может не похвалиться тем, что он решил этот вопрос. Он не говорит, что он взял взятки, он говорит: «Я решил вопрос». Ведь решил вопрос – это где-то завизировал, где-то под... подписал. Человек же... человеку свойственно гордиться какими-то поступками. Неблаговидность поступка в том, что он взял взятку, а достоинство в том, что он решил вопрос. Так вот, среди тех вопросов, которые решали люди, я лично не вижу второй стороны, которая бы эту взятку принесла. Слишком много людей, которым они сделали добро, и не за счет остальных. То есть, может быть, я не знаю, конечно, но вот я не сталкивался с этим. Поэтому я говорю, что 50 на 50. Зачастую из чиновника делает пресса врага, когда косноязыкий неопытный чиновник совершенно правильно отказывает в просьбе, совершенно правильно, со ссылкой на закон, но он этого объяснить не может, как собака Павлова. «Понимаю, – говорит, – а сказать не могу». Ну, не умеет он ответить. И вот над ним начи-

нают изгаляться. А потом, когда говорят про всех чиновников, я знаю, что это уже вранье, поскольку я взятки не беру. Я знаю, что это вранье, потому что у меня сын взятки не берет.

Что такое коррупция? Коррупция – это продажность государственного аппарата.

С ней не просто имеет смысл бороться, а обязаны бороться, просто обязаны, потому что страдает государство. Но борются ли с ней, не знаю. Я чего-то в газетах не видел судебных процессов. Как сказал Владимир Владимирович, как будучи президентом: «А посадки-то где?» Не видел. В газетах я вижу статьи журналистов о том, что у нас насквозь прогнивший аппарат, и я не вижу статьи журналистов из зала суда, как раньше говорили, о судебных процессах. Но он либо прогнил, либо нет. Если не прогнил, то, значит... поэтому тут вот такая дурная ситуация получается.

С коррупцией борются, но явно недостаточно. Надо жестче, надо жестче. В данной ситуации, я могу сказать как кадровик, как трудовик, как зарплатчик. Для того чтобы навести порядок исполнительской дисциплины, трудовой дисциплины, вовсе нет необходимости махать шашкой или бить дубиной по голове всех подряд. Надо просто один раз, ну, регулярно повторяя, демонстрировать готовность к этому. Человека можно заставить быть честным. Если риск для вас как для личности выше выгоды... Тут проблема в том, как создать риск такой степени, чтобы невыгодно было брать взятки? Вот это проблема проблем, нигде в мире не решена.

Линия партии и правительства

Честно говоря, политических взглядов у меня нету, просто нету. Я признаюсь честно – в политике полный ноль, профан. Я очень завидую людям, которые могут объяснить, хоть чтоб я хоть понял, отчего, почему, что происходит. Я им очень завидую, кто в этом разбирается. Экономические взгляды я могу сказать: социализм, коммунизм как высшая

ступень. Какая там будет политика, кто ее знает. Мне совершенно все равно какая. Я понимаю, что если ею не интересоваться, она заинтересуется мной. Ну, пускай, я не могу ничего, я не могу разобраться в политике, и я держусь от нее в стороне – чем дальше, тем лучше.

Про протесты я, конечно, слышал. Когда по телевизору, когда в интернете видишь, кто протестует, против кого протестует, я не могу понять, чего вот этих людей понесло на это место с этими лозунгами. Ребята, вы всплыли только благодаря тому, с чем вы боретесь. Не будь того, с чем вы сейчас боретесь, вас бы не было в таком состоянии. Они кусают руку, которая их взрастила, а это, по крайней мере, не то что глупо, а это... неблагодарно. А я считаю неблагодарность одним из грехов. Человек должен быть благодарен за добро. Я не понимаю, для чего это все, я не понимаю, что они хотят добиться. Хорошо, Единая Россия подтасовала выборы, великолепно. Переголосовали. Дальше чего? Что изменится-то? Ну, у вас еще на один выходной стало меньше. В Думу пришли пять партий любых, все одинаковые. Слушайте, ну, до 1993 года так и было, я же помню, что это было – полный бардак. Туда вносят документы, они там зависают. Они не могут договориться, какое решение принимать. Ну, и что? Что, что тут хорошего?

В какой степени демократия влияет на толщину масла на вашем бутерброде? Опять же возвращаюсь к тому, что я материалист. Я буду заниматься самоутверждением, я буду заниматься самореализацией, но только тогда, когда у меня будет нормальное питание, нормальная одежда, когда я себе все это смогу обеспечить, безопасные условия проживания и здоровье. Вот тогда я займусь самореализацией. Ежели голодный, босой, нагой полезешь заниматься самореализацией, то ты либо подвижник святой, либо сумасшедший. Самоощущение, свобода – масса этих прилагательных и существительных носят сугубо отвлеченное понятие.

Мне не нужна демократия, потому что мне нечего и некому сказать. Я не хочу выходить за рамки, в которых я компетентен. Я не могу брать на себя ответственность еще за то, что свобода слова должна быть большей или меньшей. Откуда же я знаю-то? Я не хочу, чтоб не было этой свободы слова, но я эту свою позицию никому не хочу навязывать.

Ну, на кой хрен переводить эфирное время на оппозицию? Если б от меня зависело, я бы им предоставил два канала, три канала, четыре, только одно условие: ребята, когда будете обещать, говорите, что вы сделали. Как Путин – сделал это, сделал это, обещаю это. Ну, смысл обещать? Ну, приходит кто-нибудь из оппозиции: «Я вам обещаю луну с неба». Парень, ты хоть что-нибудь раньше-то сделал, хоть что-нибудь дал? Ну, смысл в эфире? Сотрясение воздуха. **Вы посмотрите по «Комсомолке», насколько грамотно построено, четко в глаза бросается линия партии и правительства. Первая страница, переворачиваешь – президент, премьер. Раньше было Медведев – Путин, теперь Путин – Медведев. Четко. Но как грамотно построено.** Читаю же с интересом по одной причине: обсужден такой-то вопрос, принято такое-то решение, такой-то отчет, то-то сделано. Ну, можно было бы наоборот перевернуть: сделано, обсуждено, предложено, но все равно набор тот же самый. Набор – он здесь одинаковый. Но, главное, что тебе показывают, что что-то сделано, главное, показано, что и не... не просто сделано, похвалили и забыли, а дальше пошли, в другом направлении, в этом. В голове не укладывается, объем слишком большой, но видно динамику, люди двигают, люди работают, люди делают. Ну, вот в оппозиции я одного Вольфовича, только, правда, потому, что он везде мелькает, и он очень так одиозная личность, запоминается легко. Все остальные сливаются, в толпу сливаются. Лидер он партии,

член партии, да просто сочувствующий – да фиг его знает. Ну, дай ему эфир, и что изменится?

Я, честно говоря, очень жестко бы карал за политические высказывания чиновников. У нас есть ограничения на занятия политической деятельностью, но очень мягкие. Вы не имеете права как чиновник принимать решения исходя из политических указаний. Все, не более того. А я бы запретил и дальше. Я бы запретил чиновникам участвовать в любой политической деятельности в качестве чиновника. Вот после работы – вот тебе красный флаг, трехцветный, пятизначный, семицветный. Делай, что хочешь, иди, куда хочешь, но после работы. Если ты появляешься на экране, под тобой надписи «такой-то чиновник» быть не должно. Иван Иванович Иванов, ну, кто он такой? Ну, фиг его знает. Политические назначенцы – да, это их работа.

Русские и россияне

Кто такие русские? Ну, например, я. Мама украинка, отец с Поволжья. В данной ситуации требует определения термин? Русские... русские – это прилагательное. «Россияне» – как-то слух режет. Русские – нормально, а россияне – нет. Ну, если идти по пути националистов, то это славяне, в чем я очень сильно сомневаюсь. Насчет «русский – славянин» – достаточно мутная теория. Если идти по принципу наших толерантных демократов, то это все, кто разделяют мировоззрение, цели, идеи великой русской культуры. Что это такое, я тоже не знаю. Нет, я, пожалуй, определение «русский» не дам. Я, честно говоря, никогда не заморачивался по принципу национальности по одной причине, что мне совершенно все равно, какой национальности человек, лишь бы вел себя порядочно. Причем, порядочно – не как он считает порядочность, а как я считаю. **Свобода того человека заканчивается там, где начинается моя. Вот как только**

он нарушает мою свободу, люди начинают возмущаться. Мне совершенно все равно, кто он, хоть негр преклонных лет.

Я скажу так. В СССР я был связан с совзагранработниками, кто работал за рубежом. Ребята возвращались – они смеются. В Европе, в Америке, кто бы ни был – кавказец, азиат, ну, евреев не трогаем, это особая нация, кто бы ни был – украинец, прибалт – все для них русские. Вот все, кто живет в границах СССР – они все русские. Они их по-другому не делят. Советскими их не называли, а русскими называли, вот русские. И сегодня все то же самое. Сегодня русскими и хохлов называют за границей. Украинцы остались в общем менталитете.

По стопам отца

У меня есть сын, тридцать один год. Жена и один сын, и все. Нет, родителей у меня уже... Я их уже похоронил, своих, осталась только теща, но с тещей живем порознь. Жили с родителями вместе. Сын живет с нами, потому что перспектив получения квартиры. Нет жилья, купить не на что. **Семейных традиций в стиле британской аристократии, что вот надо делать именно так, таких традиций нет. Но в силу того, что все замотанные, по субботам, по воскресеньям пытаемся найти возможность всегда, регулярно хотя бы, просто посидеть у телевизора вместе.**

Сын у меня тоже чиновник, так же работает, в таком же режиме. По молодости я рано женился, отец немного у меня прожил после свадьбы, но прожил. Ребенок успел сформироваться, лет 15 ему, 16 было, когда отец умер. Вы понимаете, отец очень любил внука, и они постоянно разговаривали. А отец у меня из таких, какговорят, твердокаменных большевиков, и вот он рассказывал: «Вот это сделали, вот это сделали, вот тут вопрос решили, тут вопрос решили, это помогли,

это решили, вот здесь сделали лучше». И пацан... у меня парень абсолютно четко себе сформулировал позицию, что он будет работать для того, чтобы принимать решения, чтобы решать что-то. И шел вполне целенаправленно.

Аппаратная мечта

Есть ли у меня мечта? Да море. А если профессиональная мечта, ну, знаете, как у каждого. Кто-то хочет быть выше, кто-то ниже, кто-то толще, кто-то худее. Кому-то деньги, кому здоровье, а мне бы очень хотелось, честно говоря, чтоб у нас был профессиональный и мобильный аппарат. Вот. И, безусловно, честный. А профессиональный аппарат нужен только для того, чтобы не совершать ошибок, чтобы органы власти не выступали в роли пожарных, а выступали в роли регулировщиков, показывали, куда идти и как двигаться, а не гасили там конфликт, тут конфликт. Это же непрофессионализм, это неумение просчитать последствия принимаемых решений. Это безответственность. Вот это вот мечта. Это мечта – чтоб был нормальный аппарат, ведь... А вы представляете, сколько может дать хорошего нормальная организация государственного управления, которое организует нормально нашу жизнь? Это можно миллионы жизней спасти, это что угодно можно сделать, но только цель у государства должна быть одна и у каждого чиновника, вполне определенная. **А то сегодня никак не сообразишь, вот глядя на некоторые решения, которые в прессе описывают. Они абсолютно нелогичны. Думаешь, ну, зачем же такое решение-то приняли? Ведь, в принципе, другой задачи у аппарата, у органов власти, у чиновников, у политических назначенцев, как создание максимально комфортных условий жизни для населения, нету. Ведь эти западные экономисты насчет «слуг народа» – они же абсолютно правы. Задача именно в этом – создать нормальные, а еще**

лучше, постоянно улучшающиеся более комфортные условия проживания. А как – это уже дело третье: защищаясь от внешнего супостата, подавляя внутреннего. Создайте нормальные условия и позвольте им развиваться только в сторону улучшения.

«Я ЧУВСТВУЮ СВОИ СИЛЫ

Первый заместитель губернатора. Женщина, 43 года

Энергия в мирное русло

У меня чина нет, потому что я замещаю государственную должность, у нас нет классных чинов. Я всего работаю в администрации области два года и два месяца. До этого работала в крупном банке и работала в бизнесе. У меня два высших. Юридическое и финансовое.

Я ушла из структуры, не связанной с госслужбой. Это был такой поворот, кардинальный. Мне было сделано предложение возглавить... замом администрации. Это предложение мне показалось интересным. Я долго сомневалась, месяца три принимала решение, взвешивала все «за» и «против». Ну, потому что есть еще очень много сил и хочется что-то изменить, есть такой позыв, идейность такая. У меня идейность по всей моей жизни. И желание, и идейность, и порыв, и, безусловно, наш харизматический лидер-губернатор, с которым хочется идти вперед и дальше, он заводит всех. Это немаловажно, имидж руководителя, с которым ты работаешь.

Нельзя говорить о себе в хвалебном лице, но если человек шел по жизни, занимая должности от пионерской организации... В банке была поменьше должность, не большой начальник, но потом меня нашли в бизнесе, предложили возглавить компанию. И вот так вот, наверное, заслужила, заметили, предложили.

Мне это интересно, любопытно. Я чувствую свои силы. Ведь кому-то, кто работает сегодня в бизнесе, ему предло-

жи, – он на госслужбу в жизни не пойдет. Он скажет: это не мое, я хочу свободно мыслить. А у меня, наверное, это на уровне генетическом. У меня так сложилось, что мои родители были в свое время на руководящей работе. Отец был в другом регионе, в райкоме ВЛКСМ возглавлял. Вот и мне хочется быть хоть небольшим, но руководителем. Может быть, честолюбие какое-то, жизненное кредо. Люди же отличаются.

Я с детства тут живу, мне, безусловно, хотелось приложить мои силы изнания, целеустремленность на благо своей земли. Так сложилось, что я здесь, дети здесь, мама и все близкие здесь. Рваться в другой регион ради еще какой-то карьерной лестницы, такая задача не стояла. Можно было и в Москву, и в Питер уехать, предложений было достаточно. Но это желание – энергию свою направить здесь в мирное русло, оно осталось. И все в один котел свалилось: область, ты здесь, ты растешь по карьерной лестнице, ты работаешь с очень серьезным, сильным руководителем. Ну, вот что есть, то есть.

«Просто неправильно докладывают»

Служишь государству, служишь родине. Только человек с глубокими идейностями должен тут работать. Если человек идет для извлечения каких-то личных интересов, то я считаю, что, к сожалению, здесь это имеет место быть, но нам с ними не по пути. Усидчивость. Терпение. Профессионализм. Грамотность. Образование должно быть обязательно, но и умение понимать, что ты отодвигаешь свои личные амбиции, человеческие желания, потому что ты надеваешь мундир. Как в армии. Это аналогично. Это ничем не отличается от армейской, в МВД службы. Это погоны.

Да, погоны. В основном погоны. Я понимаю, что у меня может не быть выходных, отпуск надо ждать долго. Ты не можешь планировать отпуск, как у обычных людей. Тут все

очень жесткие правила игры. Но ты либо идешь в этих погонях, либо нет. Уговаривать тебя не надо.

Элементы бюрократии нужны, оно дисциплинирует. Бюрократию нельзя ругать как некий затягивающий механизм, важно, в каких он руках. Слово «бюрократия», оно же не ругательное, просто... иногда нужны и бумажки, надо понимать. Все должно быть в разумных пределах. Не заигрываться с бумажками.

Когда я сюда пришла, я на себя будто ушат чего-то вылила, настолько негативное отношение к чиновникам. Зашла в это здание – ты в каком-то негативе борешься. А) чиновники – все воры; б) чиновники – все непорядочные. Я на себя этот мундир просто нацепила. Я даже не оправдываюсь, я просто говорю: друзья, у меня есть работа, я ее делаю. И вот уже по работе пусть судят. Сейчас уже изменилось отношение, все это люди понимают.

Вот мой муж – консерватор, бывший сотрудник милиции. Правильный до мозга костей. Чиновники все воры. У него было такое убеждение. Видя, как я работаю, когда прихожу домой непонятно в каком часу с чемоданом почты и не лягу пока все не распишу, он резко изменил мнение. У меня такой принцип, что все сегодняшние документы должны быть подписаны. Потому что очень много документов, иначе зашьешься.

Что касается коррупции, я вам скажу, это в каждой стране такое. Я читаю также прессу зарубежную: одного чиновника взяли, другого. В Италии, там, или в Испании, или в Америке. Это в каждой стране есть. В среде чиновников очень много непорядочных людей, как и в любой среде. Как и в среде учителей, медиков и т. д. Но у нас еще больше порядочных и нормальных людей. Мы о них не говорим. У нас всплеск: чиновника арестовали – все чиновники воры, непорядочные. А хороших-то нормальных много. Вот я прессе говорю, а чего вы хорошие новости не говорите? По-

чему о них не говорите? Вот мы сегодня открываем завод, современнойший асфальтобетонный. А почему об этом не говорим? А они говорят: а чего хорошие новости говорить, их же никто не читает. То есть мы зарабатываем рейтинги и деньги на том, что плохо, на негативе. И это психологически народ воспринимает ближе, ту новость, там, заработает очки этот журналист, чем на хорошей. **Поэтому, когда вы говорите, что у нас много коррупционеров, я вам отвечу другим: у нас много нормальных, адекватных, порядочных профессионалов, которыми можно гордиться нашей стране. Но эта новость не идет в прайм-тайм.** Она идет на 55-й странице в журнале, даже не знаю каком, который считаешь и забудешь. Мы ее, наверное, не умеем преподнести. А у нас, мы в двух-трех новостях прочитали, что чиновник коррупционер, и у нас, значит, все коррупционеры, это неправильно. Я предлагаю, что надо как-то и на веса хорошие новости предлагать.

Я никогда не думала, что буду курировать взаимодействие со СМИ. Это журналисты. Это для меня было вообще новое направление. Но если человек умеет организовать процесс, сначала ты научишься руководить двумя людьми, помните мы с вами кино смотрели, а потом и всем заводом. Так и здесь. В СМИ главное – организовать процесс и хороших толковых журналистов набрать. Вот они потом будут выстраивать картинку, как в любом процессе.

Касательно мер по борьбе с коррупцией. Печатание декларации доходов и расходов? Ну, – здорово, тут ничего нового для нас нет. Освещение нашей деятельности? Мы это делаем. Но все это только раздражает народ. Только вызывает дополнительные, или наоборот, смешные варианты: что это так бедно живут чиновники? Или наоборот, ой, откуда он это взял? Абсолютно неадекватно. А если человек в этом году продал квартиру, он вынужден показать свой доход. Хопа, а там 4–3 миллиона. И он должен с каждым объясняться, что

продал квартиру, взял ипотеку, улучшил жилье? Я считаю, что это полумера.

Выкинуть бы половину отчетов, я вас уверяю, и чиновников сократить и на поля отправить. Потому что мы вынуждены при передаче полномочий из федерального центра, мы даже не растим чиновников, штат не увеличиваем, а полномочия на нас валятся, валятся. Вы не поверите, каждый день куча отчетов. В разные министерства – одно и то же, на бумажном и электронном носителе. И это люди сидят и работают, это вся канцелярщина. У меня подход такой более с бизнеса, более такой реальный. Я бы половину убрала. Оно не дает той эффективности, что необходимо для реальности.

Я бы не сказала, что антикоррупционные меры неэффективны. Я просто, применяя к себе лично как к руководителю, хочу сказать, что мне любые меры будут понятны, я их приму и с ними буду считаться, потому что государство приняло такие правила игры. Эффективны – неэффективны... Может, просто неправильно докладывают, поэтому и кажется, что везде коррупция. Я с этим не согласна. Зная здесь коллектив, зная коллег своих, поверьте, ну, нельзя так говорить. Тут достаточно порядочные, уверенные люди сидят, работают. Что надо делать? Набирать более грамотных порядочных профессиональных людей.

Доска почета

Я вызываю некоторую обеспокоенность моих подчиненных, потому что у меня сроки сокращены на все решения. Условно какое-то положение нужно рассматривать 20 дней. Какой там 20 дней? Мне надо, чтобы завтра уже все посмотрели, потому что мне после этого шага нужно делать какой-то следующий шаг. Я не умею долго ждать, потому что задействованы какие-то другие процессы. Мы, например, за два месяца поставили этот завод. Ни один бизнес в регионе за столько не открывал свою точку. Только потому, что так

навалились, жестких совещаний несколько штук было с конкретными подчиненными. Да, разбили на ответственных мероприятия, забили план, сроки, указание ответственных, контроль осуществляется. Все работает. Наваливаемся на ту задачу – решаем.

Проблема дольщиков была в регионе. Она вышла на меня каким-то вариантом, вышла на мой кусок. Я помню, как они на меня вышли. Я исполняла обязанности губернатора в его отсутствие. И объявили митинг. И мне пришлось их вызывать, сдерживать, давать реальные обещания. При этом мы реальное решение приняли с застройщиком, который взял на себя обязательства. Мы решили ему помочь. Некий мозговой штурм устроили, как это сделать в правовом поле. Мы же понимаем, что как-то иначе мы не можем решать этот вопрос, только в правовом поле. Малой кровью обошлись, все решили. Дольщики мне звонят, пишут: «Спасибо большое!». Это говорит о том, если мы хотим, мы делаем. Но есть бюрократические моменты, очень хочется сделать нормально, а вот...

Что касается достижений. Из самого основного – я сдержала расходы бюджета. Это неблагодарная работа. Заканчивалось хлопаньем дверьми, жалобами губернатору, криками. Всем же надо. 30–40 комитетов, у которых своя расходная часть, каждый обосновывает, если мы сегодня не дадим денег – завтра потоп, война и все, что хочешь. Все это на эмоциональном таком надрыве. Я человек эмоциональный, принимающий все близко к сердцу. Но мы сдержали эту расходную часть, как требуется по определенным задачам. Плюс не набрали новых кредитов, мы вообще не брали кредитов. Я уменьшила госдолг области. То есть было выдано достаточно много гарантий, мы не только не выдали новых, понимая, что это нагрузка на бюджет, понимая и политическую составляющую области, мы уменьшили гарантию области почти в половину. Последний случай, где

гарантия была выдана под кредит, мы заменили залогом, потом путем таких сложных переговоров со Сбербанком мы вообще ушли от наших обязательств. Мы ушли от обязательств области. Это очень серьезно. Это 250 миллионов область могла бы потерять при этом, где-то там в бизнесе, где мы давали гарантию в инвестиционных проектах. Вот некие такие финансовые отношения, я ими действительно горжусь в силу того, что у меня такой твердый, жесткий характер. Все остальные вещи – в рабочем порядке. Кричали: вот на доску почета тебя надо бы.

Женская доля

На высоких постах женщин действительно нет. А вот простых среди работников – процентов 70 женщин. Женский, гендерный подход, он немножко так влияет на политику мужчин-руководителей. Я не хочу это как-то связывать, но медленно и верно без какого-либо надрыва эмоционального. Мы выстраиваем политику правильную, сдержанную, миролюбивую. Потому что все-таки мужчины – воины, они же сразу вспыхивают. Я поначалу не понимала этих вещей, можно же просто сесть и поговорить. Эти политические игры – сразу война, а вот разве нельзя ... я поначалу чувствовала себя неуверенной, а потом некий вес приобрела в команде и: «А давайте вот такую ситуацию вот так разрулим. – Ну как так?! – Давайте я поговорю». То есть вызываешь две стороны спорные, и все решается. Вот такие элементы должны присутствовать, сдерживающие политику. А у нас же сразу все – шашки наголо.

Никакой дискриминации по гендерному признаку я не чувствую. Это чувствует человек, когда он неуверен в своем профессионализме. Тогда он может что-то чувствовать. Не очень хорошо, что я якаю, но если хорошо свою позицию знаю, что меня тут никакая дискриминация... меня даже не тронут. Я отстаиваю свою позицию. Меня могут только про-

фессионализмом, какими-то доводами убедить, что я не права.

Уже такого, что «вот она – женщина», такого уже нет. Конечно, «ну, пусть она там что-то говорит», – безусловно, это есть. Это может не так открыто. **Но там, «она женщина и она не может этого делать», – этого нет. И последнее время очень даже жесткие мужские задачи мне поручаются, назовем так. Я иногда такими вопросами занимаюсь, которыми только, действительно, мужчина может заниматься.** Наоборот, тут уже больше доверия сегодня. Ты наравне со всеми. Ты уже со всеми. Помните страшный фильм американский «Солдат Джейн», где она, там, со всеми? Вот я так, правда, не так жестко, как она, но я в тех же рамках. Никакой дискриминации. Ты – наравне со всеми. Вперед, так вперед.

Надуманые протесты

Протесты, которые были в Москве, я думаю, что это хорошо организованная акция. Я еще после этой передачи НТВшников, когда показали что платили за эти все вещи... Всегда надо исходить, что кому-то это надо. Потому что посмотришь, кто там стоял, стояли ребята молодые, – хорошо организованная акция. Молодежь сегодня можно поднять на любую. Мы не используем сегодня, вот государство, силу такую, как молодежь. А ее надо бы использовать.

Я считаю, что это абсолютно надумано. Если бы посмотрели на нашу аналитику, у нас самый реальный показатель. В нашем регионе настолько продвинутая публика живет, мы даже и не пытались что-то там химичить. Это все реально. Что мы заслужили, мы команда, действующая администрация, то и получили. И отсюда надо делать выводы. А по стране, я так понимаю, что перекосы есть. Оттуда такие выборы.

Люди имеют право выходить на митинги. Но это должно быть не политизированная акция. Сегодня захотел войти в политику – тебя пару раз под камерами стук-

нут, заберут в автозак – и ты уже сразу политик. И сразу-оппозиционеры стобой начинают считаться, тебе предлагают должность и с тобой о чем-то говорят. Вот он как человек быстро поднялся. Для этого не нужно учиться в университете, не нужно доказывать, что ты профессионал, ты просто встал, хорошо против покритиковал, пару доводов взял, какие действительно есть и за что критиковать можно. И ты заработалсебе карьеру. Вот это легкий путь карьерного роста. Кто как сегоднявыходит на должность.

Крепкие тылы

Папа ушел из жизни давно, еще в детстве. Я жила с мамой. Достаточно рано я выскочила замуж – в 19 лет, и вот так – семья. После всех сумасшедших перестроек,которые прошли в наше время, жили очень тяжело. Я вспоминаю это время: я была дочкой беременна, покупала этот сырочек плавленный по талонам, такое страшное время было, связей у нас не было, талонная система. Я училась в институте, я и полы мыла, и муж у меня грузчиком подрабатывал. Все в этой жизни было. Я это все вспоминаю, и когда мы стали жить лучше, стало что-то появляться в магазинах. Когдая смогла съездить в Питер и купить себе платье, и поехали мы в Турцию отдыхать. Когда ты поступательно растешь и ценишь, что в твоей жизни приобретаешь, то понимаешь, что относительно того, что мы жили раньше, жить мы стали хорошо.

Безусловно, без поддержки семьи не было бы, может быть, моей карьеры серьезной. Потому что без такой поддержки нельзя. Я вышла со второго декрета, ребенку было 9 месяцев. Я работала сутками. Муж и мама менялись и сидели по очереди. Так выстраивали отношения.

Сыну – 12 лет, дочери – 21 год. Она уже такая самостоятельная девица. Она критична. Она человек достаточно... Мне нравится наша молодежь. У них другие взгляды, они

современны, другие видения в этих вопросах. У нее другой склад, она организатор, она какой-то пиарщик. Я приведу пример. После выборов Единой России. «Мама, я читаю в Интернете, столько негатива, столько этого». Я говорю: «Дочь, давай конкретно». Конкретики нет. Вот там в Интернете, неправильные бюллетени. Я ей рассказала, и она поняла мой довод. Насколько мы иногда объективно все это можем объяснить, что вот этого нет, что вот это вот придумано, а вот это – так. И она пошла уже такая уверенная, что мы действительно все делаем правильно. И уже на выборах президента ни слова не сказала. Она вошла в какой-то там штаб, они развозили листовки. У нее активная такая деятельность. Я ей ни слова не сказала, что, дочь, мы должны вот так голосовать. У нее свои убеждения. Порадовалась даже, что сама идет в правильном направлении.

Вот говорят: сначала сделаю карьеру, потом выйду замуж, потом рожу детей. Может быть, это правильно по современным методам, вот дочь же пока и не собирается замуж. Она тоже хочет сначала себя реализовать. Может быть, это и правильно, ты уже с другими ценностями приходишь к семье, к детям, ты уже по-другому на это смотришь. Но так случилось у меня в жизни – я рано вышла замуж, дети. Но без их поддержки, без их мнения на какие-то вопросы, чисто интуитивного мнения, мало нас было бы. Нужна поддержка. Тыл должен быть. Домой пришел: не троньте меня. Но они знают, что надо маму покормить, мама еще разберет почту. Иногда только целуешь ребенка на ночь, и он засыпает. Поэтому отпуск я отдаю семье. Они знают, что мама рядом.

Активный отдых

Отдыхать удается, только мало. В выходной. Дай бог, если один выходной есть, это уже очень хорошо. А в отпуск отпускает губернатор, когда скажешь «все-все-все». Я в июне брала 10 дней, я с семьей улетала на море. Вот в начале

июня брали после школы.

В отпуске стараюсь уезжать куда-то. Чаще за границу, какие-то южные варианты, потому что ребенок еще, я его с детства вожу на море. В этот раз в Грецию ездили. Обязательно стараюсь на море в силу отсутствия у нас этого солнца и полезных вещей. Исключительно ради здоровья. Но открыла для себя Алтай. У меня была возможность уехать туда на 10 дней в начале года, и я попала туда в санаторий, и я полюбила наш Алтай. Я открыла для себя: мы мало знаем нашу страну. Она у нас великолепная. Я летела и думала: а мы куда-то летаем! Со мной приятельница была, которая каждый год улетает куда-то в горы, в Австрию на лыжах кататься. И вот мы туда полетели, а там тоже горнолыжные спуски. Она говорит: слушай, как классно. Я не горнолыжник, мне – ровно, но – красота! Горы! Вот эти такие дикие места наши. Поражает!

Я стараюсь детей вывозить в интересные места. Не только полежать на пляже. Мы в том году в Испанию ездили, я Барселону им показала, Гауди, там, все это. То есть какая-то начинка. С сыном летали в Лондон. Я ему тоже так, ты вот это должен знать, вот все эти вещи. Я стараюсь, обязательно. Потому что в силу того, что у меня этого в детстве не было, я на своих детей бедных... и читать должны, уметь должны, видеть должны. Сын у меня с детства путешественник. Вот это ты помнишь? Нет. А это помнишь? Нет. А картинку видит и визуально вспоминает, что мы тут были.

Житейская мечта

Есть у меня мечта. Я очень хочу когда-нибудь построить дом на берегу красивого места, обязательно чтобы там были вода и лес. Хороший, современный, со всеми удобствами, чтобы у меня жили там все и чтобы всем было комфортно. И обязательно чтобы было недалеко от города, чтобы я могла

мобильно работать. Чтобы это не было какой-то дачей. Потому что у меня нет времени на дачу. Я же свою мечту должна реализовывать с учетом потребностей своих. И чтобы всем нравилось. Это очень сложное, чтобы всем нравилось, потому что у каждого свои вкусы. У мужа есть родственники в деревне, он туда часто ездит. И еще какой-то вариант сельской жизни здесь, ему это не совсем нравится. И вот мне хочется, чтобы всем нравилось и чтобы мы все жили вместе. И чтобы я пришла домой – и все дома. Мать пришла – все дома. Вот такое. Я понимаю, что дочь может не быть. Выйдет замуж или еще что-то, но у нее будут дети, значит, дети будут приезжать в этот дом. Вот такая обычная житейская мечта. Но пока к ней я иду, покупая журналы «Идеи вашего дома», рассматривая картинки дома. Когда муж видит: ну возьми уже. **Пока у меня это на фоне идеи. Я покупаю красивые журналы, как я буду строить дом, и в Интернете я смотрю. И на этом – все.** Я уже так по районам поездила, посмотрела. Хотя бы районы посмотреть. Для себя уже какие-то направления определила. Но пока на этом – все.

Но опять же, надо соединить и материальные задачи и моральные, чтобы всем все нравилось и чтобы дети были довольны. Чтобы это было гармонично. Вот эта мечта, хотя говорят, скажи ее вслух, она не сбудется, но это настолько материальная мечта, о ней можно так немножко поделиться. Очень хочу, чтобы материализовалась. Это, наверное, с того детства, когда мы понимали, что хочется жить получше. Как вам моя мечта?

«ИСКОРЕНИТЬ КОРРУПЦИЮ, БЕЗУСЛОВНО, МОЖНО»

Заместитель главы администрации области.

Мужчина, 45 лет

Работа по призванию

Я всегда был в комсомоле, секретарем комитета комсомола школы. Меня приглашали на работу в райком комсомо-

ла, но я не пошел – поступил в педагогический институт, потом меня забрали в армию. Потом началась перестройка, но я всегдадумал, что пойду в госуправление или партийное... Ну, это были советские времена, когда формировалась моя личность.

В 1990 году я был студентом 4-го курса юридического факультета и стал депутатом областного совета. Были такие-демократические, романтические выборы. Я принял в них участие, стал депутатом малого областного совета народных депутатов. Я был такой активный студент. Ну, университетская среда достаточно демократическая. И все реформы преподаватели вузов восприняли позитивно. У нас был преподаватель политэкономии, и вот он сказал: «Ребята, молодые, надо вам двигаться!», – и у нас несколько человек студентов пошли на эти выборы. Избрался я и мой однокурсник. **Я был самый молодой депутат – 22 года. А в марте 1992 года меня пригласили на работу в контрольно-аналитический отдел областного совета народных депутатов. В 1992–1993 годах я проработал в облсовете.** Потом Ельцин нас разогнал, и с 1993 года я работал в администрации области, был госслужащим, заместителем председателя комитета государственной службы. И в 2000 году я ушел. Так я практически через десять месяцев после окончания вуза просто попал уже на работу в госорганы и работал до 2000 года. В 2000 году меня назначили директором филиала Федерального университета. Я возглавлял местный филиал после реорганизации и с 26 декабря работаю заместителем губернатора. Я доктор экономических наук.

Я себя считаю по призванию... работа с людьми, управленческая, анализ ситуации, отработка решений – этот процесс мне очень нравится. У меня аналитические способности выделяются и организационные. Я считаю себя здоровым карьеристом. То есть человеком с устремлениями.

Присяга для чиновника

Какими чертами должен обладать госслужащий? Вопрос подразумевает под собой, что чиновник – это все-таки отдельная каста. Если мы рассматриваем чиновничество как часть общества, как часть населения... Вот недавно на областной Думе рассматривался вопрос о повышении зарплаты работникам госорганов на 10%. Три года не повышали. И там начали коммунисты... А один депутат сказал: «Вопрос надо ставить так: чиновники – это часть нашего общества? – Часть нашего общества. – Так вы за то, чтобы части нашего общества повысить зарплату, или нет?».

И если мы говорим, что госслужба – вид профессиональной деятельности, то тогда в первую очередь от чиновника требуется наличие профессиональной компетенции. И второе, учитывая, что в полномочия госслужащего входит контакт с неограниченным количеством людей, от него зависит решение тех или иных вопросов, это, безусловно, морально-этические требования, которые необходимо предъявлять. **Мне кажется, что было бы хорошо, если бы госслужащие при поступлении на службу приносили присягу, потому что это служение обществу, и в российской транскрипции это именно так. Служение людям – достаточно высокая миссия. Мне кажется, что введение института присяги было бы очень хорошо, потому что человек подписывает конкретный текст конкретных обязательств. При поступлении на госслужбу человек подписывает служебный контракт, где оговариваются ограничения и так далее. Торжественное публичное принятие присяги и подписание присяги – точно так же, как врачи дают клятву Гипократа. Мне кажется, что такой публичный акт был бы очень интересен и правилен именно с позиции формирования правильных, базовых этических установок для государственных служащих.**

Государственное управление – это структура иерархичная. В чем суть присяги военнослужащего? Не в том, что он будет рабом своего начальника, а в том, что он публично говорит, что он готов служить и защищать родину даже ценой собственной жизни. Я говорю о морально-этических, морально-психологических аспектах принятия присяги. А субординация в бизнесе еще круче, на всякий случай. Когда есть хозяин и у него подчиненные, там значительно жестче все эти вопросы субординации, мне кажется, чем сейчас в госаппарате.

Чиновник, как правило, достаточно ограничен в маневре в своих суждениях и действиях, поэтому чиновники не могут спокойно рассуждать о многих материях, они достаточно ограничены, если они выступают именно в качестве чиновника. Есть серьезные ограничения, связанные с распространением информации. И для чиновников характерна социальная дисциплина, следование общепринятым нормам, стандартам поведения. Чиновники независимо ни от чего должны быть... Как Маркс говорил, человек – существо социальное. Вот чиновник должен быть очень социальным существом.

Стратегия и тактика

Уровень заместителя губернатора – это выстраивание политики. Я работаю в администрации области, которая является органом исполнительной власти. Но, естественно, есть полномочия, которые мы просто исполняем в силу закона, а есть различные полномочия, суть реализации которых мы можем регулировать на своем уровне. Свою задачу как заместителя губернатора я вижу в том, чтобы определять систему работы в той или иной отрасли, которую я курирую, общие подходы, принципы, если хотите, идеологемы. То есть это выработка политики, формирование политики и контроль за реализацией.

Предположим, у нас в течение 3–4 месяцев было пять суицидов школьников. Комитет образования области собирает совещание, я сам на него напросился, руководители образования районов. И так как эта тема связана с психолого-педагогической деятельностью, мы слушаем доклад руководителя психолого-педагогической службы области, из которого я делаю вывод, что психолого-педагогическая служба развалена, она разобщена между уровнями управления и видами учреждений. Часть психологов работает в школах и никакого контроля директора не осуществляют, потому что они неквалифицированны и не могут осуществить. И доклад руководителя, но он не управленец, хотя и прекрасный психолог, но абсолютный не управленец. В ходе обсуждения я говорю: я так понимаю, что служба у вас развалена. И весь зал, там человек под 100 сидело, хором: «Да!». То есть они понимают, что проблема существует. И проблема не решается. Дело не только в деньгах и в кадрах, а в том – не выстроена правильная управленческая схема. Вот я свою задачу вижу в выстраивании правильных управленческих схем. Поэтому мы сейчас будем создавать единую областную службу с филиалами, будем забирать психологов из школ, переводить в свои штаты, потому что все равно финансирование их зарплаты осуществляется за счет дотаций области муниципалитетом. Будем создавать единую службу, которая будет работать по единым методикам, внутри которой будет контроль за деятельностью психологов школ и т. д.

Женщина на службе

Я могу констатировать, что кругозор очень узкий у многих наших чиновников. Многие о многих вещах даже не задумываются, они в другой системе координат существуют. Есть же люди, принимающие решения, есть готовящие решения, есть исполняющие решения. Что касается специалистов-исполнителей, у них более узкий кругозор. Есть опре-

деленная зашоренность. Все зависит, конечно, от психологии и т. д. Но специалист – это человек, исполняющий решения, его работа не требует, может быть, такого серьезного философского осмысления происходящих событий. В администрации области очень много узких специалистов. Например, она сидит в комитете образования, отвечает за обеспечение жильем детей-сирот. Ну, она загружена по самые уши. Но надо понимать, что если мы рисуем портрет государственного служащего в нашей области – это 75% женщины, возраст 38–45 лет, с высшим образованием, очень много одиноких, самостоятельно воспитывающих детей.

Женщина-чиновник, как правило, в рамках определенных полномочий действует и особо не распыляет свое внимание, потому что там заботы. Например, моя жена так бытом не отягощена. Я свои рубашки глажу сам. Я не доверяю. Я не могу надевать рубашку, которую гладила женщина. Я считаю, что мужчина должен сам. Я глажу свои костюмы, покупаю себе галстуки и т. д.; многие мужчины живут по-другому. У нас реально большинство семей живет по патриархальному укладу. Женщина за всех моет, стирает.

И вот женщина-чиновник. Вот работает она специалистом 10 лет, еще впереди у нее 15 лет работы, это как ходьба по замкнутому кругу. У нас, к сожалению, вопрос, связанный с движением или с карьерой на государственной службе нормативно не урегулирован. Если законодательство Французской республики предусматривает работу на должности 5 лет, и вы имеете право обратиться о своем продвижении к руководству, кстати не обязательно о вертикальном, можно же и о горизонтальном, то у нас такое вообще отсутствует по определению. Это самый большой минус нашей системы госслужбы – у нас не развит институт горизонтальной ротации. Условно говоря, пусть она занимается сметах в комитете здравоохранения, она перейдет в образование – хотя бы просто другой объект управления, другие люди вокруг; это какая-то встряска для нее.

Честные поневоле

Большая проблема связана с тем, что отношение в обществе к чиновникам достаточно негативное. Народ не волнует, что госслужащий, не госслужащий. Если во времена первого правления Путина престиж был более-менее поднят, то сейчас совершенно правильные действия по борьбе с коррупцией приобрели несколько экзальтированную форму, и в массовое сознание опять вернулось, что чиновник всегда коррупционер, бюрократ и так далее. Негатив пошел.

Естественно, проблемы есть в госуправлении, и борьба с коррупцией должна быть, и мы все эти нормы выполняем, но при этом информационное сопровождение этой работы может же быть разное. **Абсолютное большинство чиновников не являются коррупционерами просто хотя бы потому, что они выполняют функции: вот у нас есть управление, делопроизводство. При всем желании они не могут быть коррупционерами, даже если захотят, так как работают с бумагами.** И я так оцениваю, что 90–95% чиновников просто по определению не могут быть коррупционерами, потому что они не распределяют каких-то благ, за которые они могут получить взятки или использовать служебное положение. Получается, для того, чтобы навести порядок в прослойке 5–10%, мочат в информационном плане всех и всех ставят под одну гребенку, не разбираясь: «Чиновники – это плохо». Даже характер высказывания психологический, моральный посыл, который идет, это не очень хорошо влияет, в том числе на наших чиновников.

Искоренить коррупцию, безусловно, можно. Сейчас такая серьезная работа ведется. Нам нужен новый технологический уклад в госуправлении. Это связано с переводом предоставления государственных и муниципальных услуг в электронную форму. **Коррупция возникает тогда, когда есть личностный контакт. То есть нужна какая-то преграда между гражданином и чиновником.** Первое, это

электронная форма предоставления услуг, потому что основной электронной формы предоставления услуг является административный регламент, где четко прописано, кто, что и в какие сроки должен сделать и какие документы получить, какие документы отдать, и так далее. И второе, это технология многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг, когда тоже между чиновником, то есть лицом, принимающим и издающим конкретные распорядительные документы, выписывающим справки, есть нейтральный служащий, фактически техническая служба, задача которой – только получить документы и передать дальше по инстанции.

Сейчас в результате стремления уравнивать права и не допустить коррупционных моментов у нас другой перекося. Фирма берет подряд и пропадает, берет аванс и пропадает, либо начнет работать и пропадает. Потому что все-таки предварительная квалификация участников является важной. Процедуры все правильные, я их поддерживаю: аукционы и т. д., но при этом должны быть критерии, связанные с квалификацией исполнителей тех или иных работ. К сожалению, проблем очень много, все с этим сталкиваются, но все уже готовы и согласно абсолютное большинство работать честно и прозрачно.

Ошибка Путина

Сегодня запросы людей к власти, к сожалению, не соответствуют возможностям власти по их реализации. Сейчас все это отмечают: объем, количество обращений к власти по различным проблемам (политическим, социальным, экономическим) очень возрос. С развитием рыночных отношений, с усилением социальной дифференциации в обществе количество жалобщиков очень увеличивается. И, к сожалению, многие вопросы связаны с тем, что многие люди мыслят старыми стереотипами. Они обращаются к власти, как будто

власть может решить. Во-первых, действуют старые стандарты мышления основной части населения: они считают, что по любому вопросу можно обратиться к губернатору и он должен и обязан его решить. И как только ты не решишь – ты сразу плохой. А второе то, что наша власть, менталитет власти меняется не так быстро, как меняется ситуация в обществе, как бы запросы изменяются. И на данный момент в обществе претензии к власти связаны с тем, что запросы населения возрастают, власть не может на них адекватно ответить.

24 сентября произошла ротация тандема. У нас был здесь праздник, поэтому я эту дату буду помнить очень хорошо. Это была суббота, мы тут гуляли, и когда вышел Медведев и объявил это, я понял, что в стране будут проблемы, потому что это было абсолютно неправильно. Я бы это сделал как технолог, так как я выборами занимаюсь, я понимаю, что это надо было делать только после выбора Госдумы. Однозначно. **Я понимаю, что Путину хотелось скорее, и элите, честно говоря. Мы тут сидели и ждали определенности, кто будет руководителем, потому что все-таки немного разная политика, согласитесь. И, безусловно, элиты очень хотели, но делать это до выборов в Госдуму было абсолютно неправильно.**

Суть последовавших протестов, на мой взгляд, состоит в том, что за последние 10 лет во взрослую жизнь пришло поколение, которое не связано никакой пуповиной с советским периодом, которое мыслит совершенно по-иному. Если мы посмотрим сюжеты, я все смотрел, что с Болотной площади, туда пришли хорошо одетые преуспевающие люди. На проспекте Сахарова, когда были сюжеты, там уже было видно, были рабочие, люди попроще одетые. А на Болотную пришли люди с запросами. И связано это с тем, что у нас достаточно много уже людей, которые живут уже нормально; может, не полностью соответствует по среднему уровню дохода на западе, но для нас они – средний класс. На те же деньги

наши люди не могут получить такой же объем, количество и качество услуг, которое они могут получить на западе. И их уже не волнует, почему они не могут получить, люди ждать уже не собираются. Ждать светлого будущего – это уже не наш вариант.

Я считаю, все ждали каких-то перемен, каких-то рывков, а рывков не происходит. Фактически сегодня власть не может предъявить обществу ни одной системно решенной за 10 лет проблемы, кроме проблемы наведения порядка. Мы не можем сказать, что мы за 10 лет сделали все, чтобы медицина стала европейского уровня. Мы не можем сказать, что решили проблему в образовании со школами, с учителями. Мы не можем сказать, что решили мы проблему ЖКХ, что у нас идеальные дороги. **За 10 лет люди не видят, никто не назовет ни одной отрасли или сферы деятельности, где можно сказать, что за 10 лет мы довели эту тему до европейского уровня. Даже до уровня восточно-европейских стран. Этого нет, и это большая основная проблема. Предъявить нечего, по большому счету.** Мы гордимся, что у нас теперь много автомобилей иностранного производства, хороших автомобилей. Наши люди садятся в хорошие автомобили и убивают их на плохих дорогах – любой будет беситься. Вопрос надо решать комплексно.

Люди хотят перемен. Тандем решил за людей. Надо было технологически сделать по-другому. В принципе, абсолютное большинство было готово к возвращению Путина. Неправильно это просто преподнесли обществу. Власть немножечко зарвалась и недооценила ситуацию в стране. Я и сожалею об этом, потому что для меня безразлична эта тема, на нас-то это все распространяется, на Единую Россию, в которой я в руководстве состою.

Курение и вера

Я не курю и никогда не курил. Я вообще терпимый человек, поэтому ко всему отношусь спокойно. Хотят, – пусть

курят, но я считаю, что неправильно это, особенно молодым. Когда вышел указ о запрете курения, я запретил всем на филиале курить. Все кричали: сделайте курительную комнату! Я сказал, что делать не буду, и курить на территории филиала не будете. Идите на улицу, морозьте свои задницы на улице. Урну им поставил за пределами. Я посчитал, что вредная привычка. Особенно женщины курящие не нравятся. Это неэстетично. То, как наши женщины курят, – не эстетично. Если бы длинный мундштук, специальная папироска, как во времена серебряного века. Дико смотрится. Женщина – это нечто сакральное. И доводить эмансипацию... **Я помню, к нам приезжала шведская делегация. В составе была дама – голимая эмансипэ, там, просто жесть. Мужики выходят из автобуса, потом она выходит, я ей руку подаю, так она разобиделась и два дня со мной не разговаривала.** Потом объяснила, что протянув руку, я ее дискриминировал по половому принципу. Нет, ну абсолютное большинство – нормальные, но это уже сдвиг по фазе. Слава тебе господи, наши женщины еще до такого не докатились.

Я не религиозный человек. Я агност. Но я крещеный в малолетстве. В церковь хожу, свечку ставлю, но «Символа веры» я не знаю. Самое главное, что должен знать православный христианин – текст «Символа веры», ибо его будет читать, когда предстанет перед Господом. Я его не знаю. Буду учить, может, пригодится. Агност – который считает, что что-то есть, но не уверен. Я думаю, что у меня слишком рациональный ум, плюс советское воспитание. Ну не приучены мы к этому. Я не представляю для себя причастия с общей ложки. Какая-то брезгливость. Мне нравятся католические церемониалы. А из религий мне нравится вообще ислам. Потому что это религия воинов. Я – европеизированный товарищ в этом плане.

Супруга покрестилась уже взрослая, перед свадьбой. Дочку свою я покрестил. Когда выезжаем на трассу, я пере-

крещусь и «Отче наш» прочитаю. Но это не религиозность, это скорее так, ближе к оберегам, стремлению к защитным факторам. Я все равно агност. Может я ближе к раскольникам, беспоповцам. Мне кажется, что между человеком и господом... но это уже ересь, поэтому нельзя сказать, что я религиозный человек, во всяком случае, с позиции ортодоксальной церкви. В свое время я прочитал в статье, что человек спрашивает: как так может быть – «Бог – отец, Бог – сын, Бог – святой дух»? Религиозный человек себе таких вопросов не задает, он воспринимает это как должное. И измерить рациональностью божественный промысел невозможно. Ну, вот я еще до такой степени просветления не дошел.

Особых хобби и увлечений у меня нет, но я сижу в Интернете, читаю материалы. Сейчас мне хотя бы отоспаться. Меня интересуют политика, экономика, социальная сфера. Я стараюсь развиваться. Большие объемы литературы читать сейчас тяжело. Канал «Культура» люблю смотреть – лучший телевизионный проект последних лет. Новости уже не смотрю, только «Россию», чтобы понимать государственные установки, понимать что происходит.

«Первый канал» мне не нравится. Он стал какой-то такой развлекательный. Мне кажется, что Россия 2, там, – четко государственный канал; они не скрывают этого. А ОРТ маскируется – так же, как НТВ. НТВ тоже перестал смотреть, потому что это уже не то НТВ, что раньше было. Они там пытаются что-то, и много пустых ток-шоу у них, ужасных – «Давай поженимся» и прочее – они меня бесят. Я «Первый канал» не люблю даже по эстетике.

О гнилой интеллигенции

У меня отношение к русской интеллигенции особенное. Русский интеллигент все подвергает скепсису. Русская интеллигенция аплодировала убийству Столыпина, потом сама захлебнулась в крови революции. К классическому варианту русской интеллигенции, которая готова снести все до осно-

вания, я себя не отношу. У меня был такой период, такой юношеский максимализм. Я с годами становлюсь все более консервативным. Это Черчилль говорил: «Кто в молодости не был радикалом, у того нет сердца. А к старости не стал-консерватором, у того нет ума». Я себя тупым не считаю.

А та интеллигенция, которая аплодировала убийству Столыпина, я считаю, что это гнилая интеллигенция, которая не понимает сакральных тем русского народа, сакральных тем развития государственности. Я по первому образованию историк, и очень многие темы... для нашей интеллигентности характерно проявление крайних позиций. В ходе исторического процесса все крайние позиции всегда отсекаются. В XX веке исторический процесс отверг большевизм и отверг нацизм как крайнее проявление левой и правой идеологии. И все успехи, например Европы, связаны с социал-демократическим путем, который является срединным.

Когда наша интеллигенция начинает вступать в дискуссию, там, по различным вопросам, орать друг на друга. Вот буквально на днях смотрел по «Первому каналу», – ну, это ужас! Вот та же Болотная площадь. Лозунг: «Путин – подонок!». У Путина есть целостная система взглядов, идеологий, мировоззрений. Вы ее можете не принимать, но говорить, что Путин чуть ли не фашист, – это уже не подход интеллигента, я считаю. Должна быть определенная лояльность ко всем различным проявлениям. Если человек что-то оступился, это не значит что он подонок и его надо вешать. Если человек совершил преступление – это должно быть социально... А если человек имеет систему взглядов, и вы ее не разделяете, это уже за пределами.

Планы на будущее

Если я уйду с этой должности, то вернусь в сферу высшего образования. Мне очень нравится. Чисто преподавательское мне не интересно. Вообще я считаю, что люди

высшей квалификации, вот например, то что у нас называется доктором наук, читают лекции. Не то что разовые, не то что мастер-классы показывают, а их основная работа – чтение лекций. Ассистент без ученой степени, доцент, кандидат наук и доктор наук, их задача в высшей школе одна и та же – чтение лекций. Это абсолютно неверный подход. **Доктора-наук должны заниматься наукой, руководить аспирантами, осуществлять подготовку педагогических и научных кадров высшей квалификации, то есть руководить кандидатскими диссертациями. А лекции должны быть в виде разовых индивидуальных консультаций, мастер-классов.** У нас же доктора наук – 600 часов нагрузочки в разных вузах. А когда наукой заниматься? Поэтому в данном случае я, конечно, готов и лекции читать, но мне это не интересно. Этот уровень передачи знаний и квалификации – для меня вчерашний день. Я себя больше считаю администратором. Мне это нравится.

Д.М. Rogozin

Диссолюция бюрократии как основа коррупции⁶

Нулевые в России отмечены транзитом дискурса о коррупции из частой сферы в публичную. От анекдотов, бытовой речи и разговоров в кругу друзей о взятках и вымогательствах основной массив высказываний о коррупции перешел в регистр нормативных документов, государственной и муниципальной отчетности [Гуцев, 2009; Агеева, 2010; Волков, Дамаскин, 2010, 2011; Фалина, 2010; Корченков, 2011; Рамазанов, 2012; Чикирева, 2012; Бусыгина, Филиппов, 2013; Цинцадзе, 2013]. Сейчас трудно помыслить какую-либо программу, реформу, отчетный документ без обязательного раздела об антикоррупционных мерах. Описание мероприятий по предотвращению и профилактике коррупционных отношений стали необходимым семантическим элементом официального письма, отражением жанровых особенностей нормативной документации. Несомненно, более всего такая языковая интервенция сказалась на государственных и муниципальных служащих, чье место, карьерные ожидания, нормы и этические стандарты обусловлены набором законодательных актов (см. Приложение). Бизнесмен может руководствоваться предпочтениями клиента, коэффициентами рентабельности и оборачиваемости активов, стре-

⁶ Впервые результаты исследования были представлены на публичной лекции в Московской высшей школе социальных и экономических наук [Рогозин, 2013b]. Автор выражает признательность К.Е. Новикову за подмеченные опечатки и весьма критические замечания к общей логике изложения материала.

мьясь увеличить отдачу от инвестиций; общественный деятель – идеей социального блага, интересами населения, социальным предназначением и миссией. Государственный или муниципальный служащий прежде всего ориентируется на закон. Он не работает, а служит. Он следует норме закона, а не капризам клиента. Его собственные пристрастия или интересы его круга не могут иметь хоть какое-то значение в принятии решений, выполнении возложенных на него функций и полномочий.

1. Гражданский служащий обязан:

- 1) исполнять должностные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне;
- 2) исходить из того, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют смысл и содержание его профессиональной служебной деятельности;
- 3) осуществлять профессиональную служебную деятельность в рамках установленной законодательством Российской Федерации компетенции государственного органа;
- 4) не оказывать предпочтение каким-либо общественным или религиозным объединениям, профессиональным или социальным группам, организациям и гражданам;
- 5) не совершать действия, связанные с влиянием каких-либо личных, имущественных (финансовых) и иных интересов, препятствующих добросовестному исполнению должностных обязанностей;
- 6) соблюдать ограничения, установленные настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами для гражданских служащих;
- 7) соблюдать нейтральность, исключаящую возможность влияния на свою профессиональную служебную деятельность решений политических партий, других общественных объединений, религиозных объединений и иных организаций;
- 8) не совершать поступки, порочащие его честь и достоинство;
- 9) проявлять корректность в обращении с гражданами;
- 10) проявлять уважение к нравственным обычаям и традициям народов Российской Федерации;

- 11) учитывать культурные и иные особенности различных этнических и социальных групп, а также конфессий;
- 12) способствовать межнациональному и межконфессиональному согласию;
- 13) не допускать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб его репутации или авторитету государственного органа;
- 14) соблюдать установленные правила публичных выступлений и предоставления служебной информации (ст. 18, № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в ред. от 06.12.2012).

Для обеспечения непредвзятости, добросовестности, нивелирования частных интересов разрабатываются регламенты антикоррупционной политики, вводятся единые для всех государственных служащих нормы профессиональной деятельности, принципы антикоррупционного мировоззрения:

Противодействие коррупции в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах:

- 1) признание, обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина;
- 2) законность;
- 3) публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления;
- 4) неотвратимость ответственности за совершение коррупционных правонарушений;
- 5) комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер;
- 6) приоритетное применение мер по предупреждению коррупции;
- 7) сотрудничество государства с институтами гражданского общества, международными организациями и физическими лицами (ст. 3, № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в ред. от 29.12.2012).

Таковы параграфы законодательных актов. Но жизнь, как известно, подчиняется иной логике, подчас весьма далекой

от бумажных или электронных версий новоявленных предписаний. Как сами служащие воспринимают дискурсивный наплыв коррупционной тематики? Что говорят о коррупции? В чем видят осмысленность антикоррупционных мер? Кем считают себя – борцами или жертвами, исполнителями или инициаторами, критиками или апологетами? Безусловно, речь не идет об их практиках, некоторой «истинной» природе установок и предубеждений. Мы смотрим лишь на конструирование в интервью (анти)коррупционного дискурса, обреченного быть связанным с нормативными установлениями государственной службы.

Несмотря на весьма широкую распространенность в России социальных исследований государственных служащих, в том числе посвященных восприятию коррупционных практик, их качество оставляет желать лучшего (см., например: [Астанин, Стороженко, Санатин, 2012; Иванов, 2012; Фролова, 2012]). Как правило, репрезентативность подменяется опросом наиболее доступных исследователю групп, в качестве метода выбирается анкетирование, а вопросы не проходят никакого тестирования. Еще менее эвристичны многочисленные публикации о мерах по противодействию коррупции (см., например: [Пустовалова, 2011; Дорогова, Лоткова, 2012; Кириленко, 2012]). Ограничиваясь общими суждениями, авторы, по всей видимости, закрывают личную отчетность по публикационной активности, не слишком много времени затрачивая на изучение заявленного предмета. В итоге дескриптивные описания текущих или проектируемых функций государственной службы характеризуются закрытостью и неразработанностью предмета исследования. Соответственно, формируется «местечковая» социология, обслуживающая лишь запросы отдельных ведомств. Поэтому представляется разумным отказаться от багажа накопленных рекомендаций и заключений, ценность которых может быть рассмотрена

лишь с исторической перспективы как деградация института социальных обследований в жестко детерминированной административной среде.

Эмпирическая рамка

Полевой этап исследований проходил без каких-либо жёстких теоретических предположений (см. выше раздел «Методология исследования» в статье «Как возможна либерализация власти»). Мы быстро увязли в разговорах о должном и сущем, из которых явно выделялись пространные рассказы о текущих заботах, выходящих за рамки должностных инструкций.

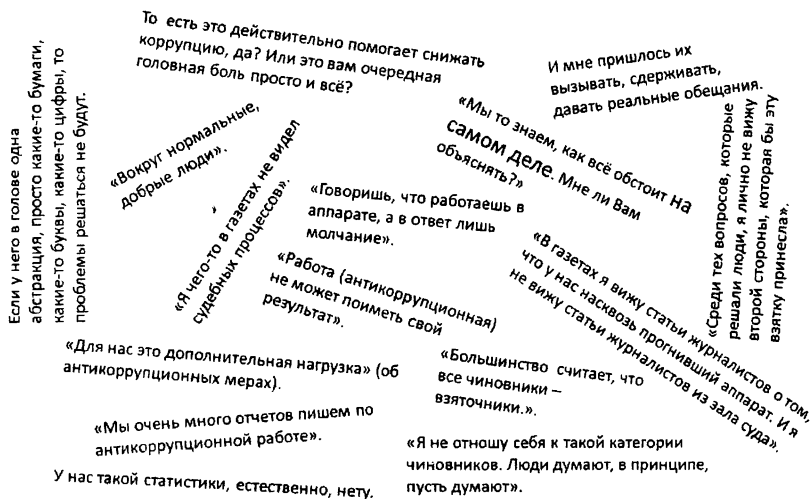

Рис. 1. Неструктурированный набор высказываний о коррупции

Десятки развернутых доводов, сотни сентенций и максимум, подкрепленных конкретными примерами из профессиональной карьеры, тысячи слов из самых разнообразных регистров – от сниженной лексики до жёсткого, не подлежащего

корректировке канцелярита. Выделяя фрагменты интервью с явным указанием на коррупционный дискурс (чаще всего тема задавалась интервьюером) или косвенными размышлениями о работе, выходящей за рамки формальных требований, мы получили внушительный набор текстов (рис. 1).

Адель Кларк называет разрозненные, необработанные высказывания неструктурированной семантической картой и рекомендует начинать с неё аналитическую работу (см. подробнее: [Рогозин, 2007]). Вторым шагом становится выявление осевых категорий, собирающих высказывания в некоторые внутренне непротиворечивые кластеры. Прослушивание аудиозаписей, многократное прочтение и сопоставление транскрибированных фрагментов не на много приблизило к пониманию ситуации, однако позволило выделить несколько тематических блоков, маркированных нами как имеющие непосредственное отношение к коррупционной тематике⁷.

⁷ Уже несколько раз мы упоминали о коррупции, но так и не дали её определение. В течение всего исследования оно изменялось и уточнялось, поэтому мы не склонны форсировать события и в статье, предлагая концептуализацию феномена коррупции лишь в заключительной теоретической части работы. Это отнюдь не означает, что мы подходим к изучению коррупции с отсутствием каких-либо теоретических представлений. Кроме личного опыта, богатого, как и у любого живущего в России, конкретными примерами и описаниями коррупционных или близких к коррупционным сделок, мы уже на протяжении нескольких лет проводим исследования коррупции, что получило своё отражения в научных [Рогозин, 2012а; Рогозин, Шмерлина, 2012; Жарков, Рогозин, 2012а] и публицистических статьях [Рогозин, 2012b; 2012c; 2013; Уколов, 2013; Жарков, Рогозин, 2012b], публичных лекциях и семинарах. Чем дольше занимаешься изучением этого феномена, тем меньше желания давать ему жесткие определения в самом начале разговора. Фактически, пишет Мишель Джонстон, мы ничего не знаем о том, как развивается коррупция [Johnston, 2010, p. 5], а можем лишь строить догадки и предположения. Вместе с тем, как отмечает Г. Сатаров, для изучения объекта вовсе не обязательно входить с ним в контакт, иметь личный опыт [Сатаров, 2006, с. 25]. Для понимания коррупции нужно очистить собственное сознание от на-

Во-первых, удивило тотальное и устойчивое у всех служащих, начиная от первых заместителей и заканчивая клерками, подчеркивание достоинств сослуживцев и непосредственных начальников. Во-вторых, описание близкого хорошего производилось на фоне недопустимого и плохого в чуть отдаленной перспективе. Наши собеседники подчёркивали общую негативную оценку чиновника, распространенную в современной России, и тут же переносили её на некоторые отдаленные, неизвестные регионы государственной службы. В-третьих, обратил на себя внимание весьма устойчивый дискурсивный оборот «решать вопросы», включаемый в разговор лишь в связи с отходом от регламентированных процедур, необходимостью идти на компромиссы и удовлетворять интересы заинтересованных сторон. В-четвертых, разговоры о «решении вопросов» шли на фоне персонификации предоставляемых услуг. Риторика сервисного государства, предоставляющего населению установленный и хорошо описанный набор услуг, редуцировалась до отношений между конкретными лицами; испытывающими затруднение в текущей жизненной ситуации. Невозможно решать вопросы, защищая интересы страны или региона. Последние скорее отражаются в регламентах и предписаниях, которые требуют толкования и дискурсивной корректировки для адаптации к локальным условиям. В-пятых, антикоррупционная деятельность репрезентировалась исключительно как назначенная процедура, дополнительный документооборот, с которым вынуждены справляться и как-то исполнять, но который никак не соотносится с решением текущих вопросов и проблем. Наконец, в-шестых, мы обнаружили странную на первый взгляд безынициативность в отношении легальной, подчиненной регла-

носных, навязанных общественным дискурсом штампов. Нет ничего более действенного для этого, чем последовательное ознакомление с материалами исследования, без какой-либо навязывающей различения оптики.

ментам деятельности. Помощь заинтересованным лицам, участие в жизни сообщества представлялись как интерпретация предзаданных установлений, но никак не активность в отношении их принятия и осмысления. Принимается всё поступающее сверху, без рассуждений, интерпретаций и сомнений в адекватности предписаний. Вся критика выносится в поле реальных дел, которые, как высказался один из наших собеседников, «все знают как проводятся» и говорить об этом вслух не имеет смысла.

	свое	чужое
хорошее	Персонификация услуги Решать вопросы Рядом нет плохого Инициатива как индикатор осмысленности	
плохое	Борьба как назначенная процедура Тотальность подотчетности	Все зло вовне

Рис. 2. Структура дискурса о коррупции

Третий, заключительный этап социального картографирования (по А. Кларк) посвящен поиску структурирующих семантические поля критериев и построению некоторых логически непротиворечивых и соотнесенных друг с другом категорий. Из представленного ниже материала мы выделили

два устойчивых критерия, сквозным образом проходящих по всем разговорам с государственными служащими: различение на хорошее и плохое, на свое и чужое. В пространстве этих двух признаков без труда разместились опознанные осевые категории (рис. 2).

Безусловно, мы имеем дело сосконструированным дискурсом второго порядка. И задав респондентам прямые вопросы на уточнение, мы могли бы обнаружить позитивные описания внешней среды или дополнительные различения плохого в личном пространстве. Любая актуализация производит дискурс, как любой вопрос - ответы. Важным для нас становится не наличие или отсутствие категорий в обозначенных пространствах, а, во-первых, их взаимосвязь и логическое расположение, во-вторых, наши собственные логические заключения. Осознание последнего позволило говорить о рефлексивности нашего проекта – неотъемлемой части любого обоснованного социального исследования [Berger, 2013]. Размышление над первым подтолкнуло к определению коррупции как результата диссолюции бюрократии, или последовательной деконструкции разветвленного регулирующего социальную жизнь механизма. Но это определение уже затрагивает теоретические основы настоящего проекта. И в логике обоснованной теории (*grounded theory*) подлежит рассмотрению лишь в финальной части работы. Поэтому будем последовательными в конструировании теоретических оснований и в начале остановимся подробнее на эмпирических находках.

Рядом нет плохого

В многочисленных опросах, проводимых поллстерскими компаниями, уже привычным стал дискурс жалоб. Во-первых, разговоры о проблемах придают смысл общению с посторонним человеком. Он может помочь исправить ситуа-

цию, сделать жизнь лучше. Во-вторых, в нашей культуре не принято много говорить о хорошем постороннем. Можно сглазить, буквально прогнать удачу, а можно показаться чрезмерно эгоистичным, выставляющим на показ то, что требует более близкого, не шапочного общения. Другими словами, распределения в российских массовых опросах зачастую скошены в негативную сторону шкал не только в силу тотальной проблематичности жизни, но и в силу манеры, привычки ее описания, представления перед посторонним человеком. Абсолютно иной настрой говорящих и тон высказываний обнаружился в интервью со служащими. Практически все, с кем пришлось разговаривать, независимо от статуса, пола и возраста, места проживания и институциональной приписки, с особой теплотой отзывались о коллегах. Среди практически всех групп населения распространенность коррупции ассоциируется с плохой работой чиновников и отсутствием доверия к власти [Хабибулин, Селиванов, 2007; Макарова, Вахрушев, 2012, с. 59; Villoria, Ryzinva, Lavena, 2013, p. 92]. Соответственно, любые высокие оценки своего вклада в государственное управление автоматически указывают на отсутствие коррупции. В мире служащих нет раздоров и недопонимания, главное – объяснить свою задачу, показать интерес, войти в положение, и вопрос будет решен (фрагмент 1).

Фрагмент 1

**Главный специалист комитета,
50 лет, стаж на госслужбе 1 год**

1. Я когда пришла на госслужбу, я поняла, что чиновники, они нормальные,
2. хорошие, добрые люди. Если что-то непонятно, спроси, позвони, объясни
3. правильно, тебя поймут и тебе помогут.

Однако столь позитивный внутренний мир находится в весьма негативном контексте. Коррупция в России восприни-

мается многими как естественное и неизбежное явление [Holmes, 2008; Orlova, 2008; Sharafutdinova, 2010; Cheloukhine, Habermeld, 2011, p. 61–62; Nealy, Ramanna, 2013, p. 123–125; Куприянов, 2010, с. 184; Левин, Сатаров, 2012, с. 4–5; Макеев, 2013, с. 160; Дзуцев, 2013, с. 95–96]. Не случайно в разговорах вновь и вновь возникают оправдательные смысловые конструкции, респонденты демонстрируют неприятие складывающейся дискурсивной ситуации, внутренний дискомфорт, связанный с общественным мнением в отношении «хорошо» работающего чиновника (фрагмент 2).

Фрагмент 2

Председатель информационно-аналитического комитета области, муж., стаж на госслужбе 15 лет

1. Большинство считает, что все чиновники – взяточники. Я в рабочее время
2. общаюсь с такими же чиновниками, как и я. Я же вижу, как люди работают,
3. я могу адекватно оценивать их, а не то, как интернет-пользователи.

«Большинство считает, что все чиновники – взяточники»⁸ (фрагмент 2, строка 1), – лейтмотив практически всех

⁸ П. Бардхан отмечает дискурсивное самовоспроизводство коррупции. Уверенность в коррумпированности способствует развитию и укреплению последней [Bardhan, 1997, p. 1331]. Разделяемое общественное мнение о коррумпированности, даже при отсутствии личной вовлеченности в коррупционные отношения, создает почву для вольного толкования законов, неответственного подхода к формальным нормам. Поэтому Б. Ротшайн рекомендует в качестве мер борьбы с коррупцией не убеждать людей, что коррупция представляет собой зло, что известно практически всем участникам коррупционных сделок, а изменять мнение о тотальности коррупции, трансформировать публичный дискурс в сторону некоррупционных отношений: «Изменение норм о том, что хорошо и что плохо, весьма непродуктивно, поскольку люди это и так знают. Более важно изменять убеждения агента о том, что все другие агенты склонны к коррупционным действиям» [Rothstein, 2011, p. 118–119]. Рекомендация изменить публичный дискурс особенно актуальна для России, где многочисленные и подчас голословные утверждения о тотальности и системности коррупционных отношений переходят из одних источников в другие. Так, С. Челоухин и М. Габерфильд, ссылаясь на газетную заметку С. Иванова [Иванов, 2005], пишут о миллионных платежах за посты ми-

наших бесед об образе государственного служащего в глазах населения. Рассказывая о своём недалеком прошлом, мужчина с весьма солидным стажем на государственной службе, вспоминает, что в какой-то момент ему стало неловко говорить, что он работает на госслужбе (фрагмент 3, строки 1–2). Осуждение было столь велико, что даже со знакомыми нельзя было обсуждать подобные вопросы. Из-за череды негативных коннотаций тема работы была выведена из повседневных разговоров: «...они молчали, многие молчали» (фрагмент 3, строка 3).

Фрагмент 3

Начальник управления по вопросам государственной службы и кадров департамента социальной защиты населения, муж., стаж на госслужбе 29 лет

1. Мне стало стыдно признаваться, потому что, понимаете, оказывался в ситуации,
2. при которой я вынужден был. Когда я говорил, что работаю в аппарате, следом
3. я должен был, глядя на людей, они молчали, многие молчали, но люди-то
4. интеллигентные, воспитанные, я вынужден было оправдываться. «Ну, вот мы не
5. делаем это, вот мы не вредим, вот мы не берем взятки».

Работа для многих россиян не только составляет большую часть жизни, но и формирует идентичность, мировоззрение. У государственных служащих, работающих с чередой авралов и сверхурочных, работа гораздо быстрее становится второй натурой. Не говорить об этом с друзьями (фрагмент 3) – все равно, что скрыть часть себя, разделить жизнь как минимум на две непересекающиеся сферы.

нистров и заместителей министров в Правительстве РФ [Cheloukhine, Haberland, 2011, p. 70]. Рассказы о тотальности коррупции, нарративы, переходящие в истории и анекдоты, создают негативный контекст для какого-либо осмысленного действия в отношении незаконных проявлений. Когда нелегальное мыслится тотальным, вопрос о нелегальности становится весьма проблематичным.

Хотя основные негативные коннотации оставлены в недалеком прошлом (фрагмент 3), утверждать о каком-либо кардинальном изменении отношения к государственной службе не приходится. Вновь и вновь, даже в нейтральных разговорах, наши собеседники занимают оправдательную позицию, подчеркивая, что не собираются как-то объяснять, что не воруют и не берут взятки. Но сам факт акцентирования внимания на этом указывает на весьма критичный и потенциально взрывоопасный социальный контекст: «Люди думают, в принципе, пусть думают» (фрагмент 4, строка 2).

Фрагмент 4

**Начальник управления по организации
размещения заказов комитета по управлению
государственным имуществом области, жен., стаж на
госслужбе 1 год, на муниципальной – 10 лет**

1. Я спокойно к этому отношусь. То есть я как бы заявляю, что я не отношу себя к
2. такой категории чиновников. Люди думают, в принципе, пусть думают. То есть,
3. там, спорить с пеной у рта, что это не так, и доказывать я не буду».

Тем самым, собственная значимость, осмысленность профессиональной деятельности конституируется в языке через оправдательные конструкции, от противного. Это приводит к необходимости как усиления позитивных оценок своего окружения, так и определения внешних по отношению к себе и коллегам «тёмных сил». Если большинство верит во взяточничество, если позиция коррумпированного чиновника воспринимается всеми участниками коммуникации как самоочевидный факт, единственная возможность что-то противопоставить – это обозначить возможность такой ситуации где-то в другом месте. Могут встречаться и взяточники, но все они живут где-то в другом, неизвестном месте, все они не имеют отношения к текущим повседневным делам. Дискурсивный перенос позволяет сохранить лицо. Разговор о кор-

рупции становится маркером различения «своих» и «чужих» в публичном дискурсе, одновременно расставляя вполне определенные оценочные штрихи, маркируя «своих» как хороших, а «чужих» как плохих.

Все зло вовне

Коррупция как обворовывание государства, вымогательство денег, стяжательство и, наконец, уголовное преступление, предполагающее значительные сроки исправительных работ, невозможна рядом. Столь критичные и жесткие оценки коррупции просто не предполагают разговор о ней с посторонним человеком. О коррупции как о тяжком преступлении⁹ можно рассуждать лишь в общих, отвлеченных понятиях, если, конечно, уже не находиться на скамье подсудимых. Другими словами, стакой коррупцией нужно бороться, но обнаружить следы борьбы можно лишь вовне: в газетах, телевидении, официальных заявлениях и журналистских расследованиях (фрагмент 5).

Фрагмент 5

Начальник управления в департаменте социальной защиты, *жен., 55 лет*

1. И: Я не очень поняла, почему не имеет смысла бороться с коррупцией?
2. Р: Да имеет смысл бороться, конечно. Не просто имеет смысл, а обязаны бороться, просто обязаны.

⁹ М.Н. Макарова и Р.В. Вахрушев подчёркивают, что в российском дискурсе распространено именно юридическое определение коррупции, автоматически предполагающее соответствующий набор наказаний в виде административных штрафов и лишения свободы [Макарова, Вахрушев, 2012, с. 53]. В этом смысле наши собеседники лишь воспроизводят привычные клише разговоров о коррупции. Возможно это становится основной причиной вынесения разговора за рамки личной жизни. Если разговор изначально маркируется как имеющий отношение к публичной, внешней по отношению к говорящему теме, наивно ожидать переключение на перипетии личной жизни.

4. И: Борются?
5. Р: Не знаю. Я чего-то в газетах не видела судебных процессов. Как сказал
6. Владимир Владимирович: «А посадки-то где?» Не видела.
7. И: То есть, обязаны, но Вы не знаете.
8. Р: Нет, я результатов не видела. В газетах я вижу статьи журналистов о
9. том, что у нас насквозь прогнивший аппарат. И я не вижу статьи
10. журналистов из зала суда, как раньше говорили, о судебных процессах.
11. Но аппарат либо прогнил, либо нет. Поэтому тут вот такая дурь получается.

«Я чего-то в газетах не видела судебных процессов» (строка 5), - в сердцах говорит руководитель среднего звена, отнюдь не последний человек в иерархии государственной службы. Акцент на уголовном преследовании типичен в выборе наиболее эффективных антикоррупционных мер [Астаин, Стороженко, Санатин, 2012, с. 19]. Так проявляется вынесенная за рамки близкого круга коррупционная тематика. Садить и наказывать провинившихся – типичная логика отчужденного сознания, не признающего латентной коррупционной составляющей в собственной деятельности: «Можно предположить, что “коррупцированная личность” - это стереотип, популярность которого делает возможным сохранение существующей структуры и психологическое успокоение по принципу: даже идеальная структура не может обуздать криминальную энергию проникнувших в нее редких “чёрных овец”, обнаружение и идентификация которых, в том числе с точки зрения научного наблюдателя, являются свидетельством функционирования структуры. Замечание о сильной криминальной энергии деятеля, с одной стороны, дополняет картину борьбы добра и зла, с другой – ставит под сомнение возможности эффективности превенции и контроля. Кроме того, оно предоставляет гражданам возможность повозмущаться по поводу безответственности других людей» [Заурвайн, 2012, с. 107–108].

Борьба с коррупцией давно стала публичной процедурой, вынесенной за рамки собственной жизни. О происходящих

злодеяниях можно читать в газетах, смотреть в телевизоре, находя уже маркированные кем-то внешним признаки разложения. Оптика различения настроена на дальнюю дистанцию, иначе просто станет невозможной работа, сосуществование в среде, изначально опрокинутой в коррупционные отношения. Проводя исследования в коррумпированных поселениях в Индии, ученые обнаружили удивительную устойчивость негативных отношений к коррупции [Widmalm, 2008, p. 148; цит. по: Rothstein, 2011]. Последняя не может существовать без осуждения, однако негативные оценки могут быть обращены лишь к внешнему миру и сформулированы в виде общих этических максим.

Решать вопросы

Формально задача служащего - точно и своевременно исполнять поручения. Но это низовой уровень не проявивших себя, не показавших значимых достижений. У служащих уйдут многие годы на продвижение по карьерной лестнице, но их перспектива – не выше начальника отдела. Иное дело те, кто смог отстраниться от исполнения лишь документарных обязанностей. Поручение вышестоящих инстанций, точное следование нормативной документации, своевременное предоставление отчетности – необходимое, но не достаточное условие для успешной карьеры российского чиновника. Главное – уметь «решать вопросы». Специфическое и весьма узкопрофессиональное понятие, при всей расхожести его применения в обыденной речи. Решать вопросы - значит своевременно, точно и эффективно реализовывать проекты, отвечать на нужды внешних стейкхолдеров (бизнесменов, политических деятелей, общественных лидеров) при сохранении status quo в юридической документации (фрагмент 6).

Фрагмент 6

Начальник управления правового, организационного и информационного обеспечения комитета культуры области,
муж., стаж на госслужбе 8 лет

1. В повседневной жизни, когда еще я работал в областной Думе, я часто работал
2. с людьми, то есть к нам приходил человек, мы работали с его проблемой и
3. помогали. Я видел, что человек остался довольный, ему реально помогли. И
4. он к нам не относился негативно, то есть у него была проблема, он пришел – ему помогли, у него все хорошо.

Законное маневрирование законами, умение трактовать юридические тексты и находить легальные схемы для ускорения проводимых работ – вот что делает служащего значимым и нужным специалистом в государственном управлении. Навык в решении вопросов – основной фактор успешной карьеры в государственной и муниципальной службе верхнего эшелона управленцев. Примечательно, что в речи госслужащего упоминания о «решении проблем» зачастую связываются с получением дополнительного вознаграждения от внешней стороны. И хотя два действия противопоставляются, последнее проговаривается как недопустимое, сам факт упоминания о взятке в контексте «решения проблем» плотно подгоняет и согласовывает два дискурса, создает контекст для интерпретации каждого: «не взятку взять, а вопрос решить» (фрагмент 7).

Фрагмент 7

Начальник управления по вопросам государственной службы и кадров департамента социальной защиты населения,
муж., стаж на госслужбе 29 лет

1. Человеку свойственно гордиться какими-то поступками. Неблаговидность поступка
2. в том, что он взял взятку, а достоинство в том, что он решил вопрос. Так вот, среди
3. тех вопросов, которые решали люди, я лично не вижу второй стороны, которая
4. бы эту взятку принесла.

Решение проблем – это всегда выход за пределы «прямого участия» (фрагмент 8, строки 2-3). Если текущие дела укладываются в регламент, отсутствует какое-либо напряжение и героика чиновнического труда. Напротив, нештатные ситуации, которые следует преодолеть, оставляют след в памяти, выступают связующим звеном между государственным служащим и группой заинтересованных лиц. «При этом мы реальное решение приняли с застройщиком, который взял на себя обязательства. Мы решили ему помочь. Некий мозговой штурм устроили, как это сделать в правовом поле» (фрагмент 8, строки 4-7). Здесь уже нет речи о веберовском типе бюрократии, «без гнева и пристрастия» следующей законодательству. Госслужащий берет на себя ответственность за интерпретацию закона, принимает решения. Обладая властью, выступает третейским судьей или парламентаром между конфликтующими сторонами.

Фрагмент 8

Первый заместитель Главы Администрации области,
жен., 43 года, стаж на госслужбе 2 года

1. Я исполняла обязанности губернатора в его отсутствие. И объявили митинг.
2. Как же я стала заниматься этой проблемой? Она не в прямом моем участии
3. была. И мне пришлось их вызывать, сдерживать, давать реальные обещания.
4. При этом мы реальное решение приняли с застройщиком, который взял на
5. себя обязательства. Мы решили ему помочь. Некий мозговой штурмустроили,
6. как это сделать в правовом поле. Мы же понимаем, что как-то иначе мы не
7. можем решать этот вопрос, только в правовом поле. Малой кровью обошлись,
8. все решили. Дольщики мне звонят, пишут: «Спасибо большое!» Это говорит о
9. том, если мы хотим, мы делаем. Но есть бюрократические моменты, очень
10. хочется сделать нормально, а вот (*пауза*).

Арвинд Джейн выделяет три самостоятельных и действующих по особым правилам вида коррупции: политическую, основанную на эксплуатации политических решений в пользу заинтересованных лиц; бюрократическую, опирающуюся на особые условия предоставления государственных

услуг; и правовую, основанную на проведении особых условий через законодательство [Jain, 2001, р. 73-75]. В случае «решения вопросов» бюрократическая коррупция уступает место политической. Государственная служба трансформируется в политическую работу - урегулирование и согласование интересов, в которых законодательство рассматривается лишь как внешний атрибут, система правил, из которых желательно не выходить. «Если в голове одна абстракция, просто какие-то бумажки, какие-то цифры, то проблемы решаться не будут» (фрагмент 9, строки 3-5).

Фрагмент 9

Первый заместитель начальника управления делопроизводства и контроля при Правительстве области,
жен., 45 лет, стаж на госслужбе 10 лет

1. Чиновник должен обладать, наверное, самым главным качеством –
2. воспринимать то, что происходит с людьми, очень близко. Тогда он
3. сможет решать их вопросы. Если у него в голове одна абстракция,
4. просто какие-то бумаги, какие-то буквы, какие-то цифры, то
5. проблемы решаться не будут. Все переходит из сферы
6. решения проблем просто в бумажную какую-то такую плоскость.

«Сфера решения проблем» как восприимчивость к внешним запросам, забота о людях, как раз и указывает на некоторую область преодоления ограничений формального служения. Когда высшее благо оказывается в противоречии с предписанием в этой логике, следует искать возможности переопределения последнего. Решающий проблемы всегда находится во внешней позиции к закону. Он не носитель нормы, а ее толкователь. Он не чиновник, а политик, использующий позицию чиновника для реализации политических целей.

В решении проблем наиболее остро и отчётливо обозначается проблематичность идеи сервисного государства, рассмотрение власти как услуги. Человек, заботящийся о неко-

тором благе, берущий на себя роль гаранта легитимности «договаривающихся сторон» и поиска «компромиссных решений», уже не может оказывать этим сторонам услуги. Он берёт на себя большую функцию — разрешения конфликта и установления некоторой всеобщей нормы. Иными словами, из функционера, поддерживающего законодательно принятые решения, он становится производителем решений, в которых закон – лишь внешний атрибут, рамка для производства локальной, отражающей местный контекст игры.

Персонификация услуги

Профессиональная бюрократия, перевозимая в работах классиков, давно стала притчей во языцех в обиходных разговорах. Бюрократ, точно исполняющий букву закона, следующий инструктивному материалу, неприятен как окружающим, так и самому себе. Повышение эффективности документооборота, оптимизация бюрократических процедур зачастую подменяются их полным нивелированием через персонификацию оказываемых услуг. В обыденной речи бюрократизации противопоставляется человечность, умение войти в положение другого, в дискурсе бизнеса - внимательность к нуждам, клиентоориентированность. Проявление человечности и внимательности, выходящих за рамки прямых служебных обязанностей в государственных услугах, подталкивает к ответной благодарности, хотя бы небольшому подарку – практике вознаграждений, широко распространенной в советское время [Cheloukhine, Habersfeld, 2011]. Что всегда было благом для бизнесмена, оказывается искушением для государственного служащего. Именно персонификация административного труда позволяет говорить об услуге, производимой чиновником. Его компетенция определяется способностью «решать проблемы, оставаясь в правовом поле» (фрагмент 10).

Фрагмент 10

Начальник управления по вопросам государственной службы и кадров департамента социальной защиты населения, муж., стаж на госслужбе 29 лет

1. Оставаясь в правовом поле, обходить сложные места, договариваясь
2. с заинтересованными сторонами, принимать компромиссные решения.
3. Нельзя решать вопрос ради того, чтоб отчитаться о его решении. А
4. решая вопрос, надо, первое, сделать так, чтобы никто не пострадал
5. и чтоб стало лучше, и второе, решать его таким образом, стараться, чтобы
6. уже больше не возвращаться к этому вопросу. То есть его надо
7. решать так взаимовыгодно, чтоб он больше не вставал. Все,
8. решили и пошли дальше».

«Нельзя решить вопрос ради того, чтобы отчитаться о его решении», - говорит госслужащий с большим стажем работы (фрагмент 10). Отчетность – лишь побочная, зачастую обременительная сторона работы. Первое, что притягивает и создает собственную значимость – это востребованность ближайшим окружением, заинтересованным в изменении текущего состояния дел.

Персонификация государственной услуги становится основанием коррупционной среды. Когда можно выделять одних, выстраивать правила обслуживания исходя из индивидуальных качеств обратившихся за услугой людей, не может быть и речи о поддержании справедливости и социального порядка.

Борьба как назначенная процедура

Борьба с коррупцией разворачивается вовне. Оставаясь непубличной, неявной для обычного гражданина, чиновником она воспринимается как нечто неэффективное, показное. Служащий – такой же человек, читающий газеты, листающий интернет-страницы, переключающий каналы телевизионных программ. Для него коррупция – не внутренняя болезнь профессиональной среды, а нечто внешнее — эпиде-

мия, которая свирепствует где-то далеко, на других территориях. Отголоски борьбы с ней приходят в качестве постановлений и распоряжений (см. Приложение), выступлений журналистов и публикаций социальных исследователей (см., например: [Юхачев, 2010; Рамазанов, 2012; Яблонская, 2012]). Декларирование доходов, составление квартальных отчетов, участие в совещаниях и производстве внеплановой документации – вот все, что противопоставлено коррупции внутри профессионального мира. Антикоррупционная риторика опирается на строгие регламенты, неотличимые от иных нормативных установлений. На вопрос об эффективности мер по борьбе с коррупцией, заместитель председателя комитета по управлению госимуществом отвечает, что «сложно оценить» (фрагмент 11, строка 5). Антикоррупционные меры, уголовная и административная ответственность, публичное осуждение конструируют оптику, блокирующую критическое отношение к себе и своему окружению. «Формальные методы» (строка 12), направленные на выявление документов с «расширенным толкованием какой-то правоприменительной нормы» (строка 15), «якобы», по словам респондента, чему-то помогает. Но понимания «чему» нет: «Я просто не знаю насколько это эффективно» (строки 18-19); «учитывая, что я сказала, какая вот ситуация, нам это, конечно, лишняя работа, на самом деле» (строки 28-29). Увеличилось число отчетов (строка 23) как внешнее, заданное извне требование, не разделяемое конечным исполнителем.

Фрагмент 11

Зам. председателя комитета по управлению государственным имуществом, жен., 35-40 лет, стаж на госслужбе 7 лет

1. И: А меры, которые предпринимаются по борьбе в коррупцией, они
2. эффективны? Как Вы думаете? Или это так, ну, там для...
3. Р: Я не знаю.

4. И: А-а, Вы даже...
5. Р: Мне сложно оценить, потому что, слава богу, я себя не отношу в
6. разряд коррупционеров, и у нас это, как бы. Я не знаю, я просто
7. уверена, что в нашей структуре нет таких людей. Поэтому мне сложно
8. оценить, потому что я не знаю, как это делается.
9. И: Не, неужели Вас... Просто, по-моему, там есть какие-то
10. антикоррупционные экспертизы документов, там, что-то такое.
11. Или Вы это?
12. Р: Это больше, скажем так, формальные методы. Да, конечно, мы
13. сейчас уделяем пристальное внимание. Но это больше, скажем так,
14. юридические аспекты, да? То есть везде, где позволяется.
15. Расширительное толкование какой-то правоприменительной нормы,
16. оно позволяет, якобы, ну, или является коррупциогенным фактором.
17. Мы обращаем на это внимание, убираем такие формулировки
18. в нормативных актах, там, и прочее. Я просто не знаю, насколько это
19. эффективно, потому что как-то мне это сложно оценить, как было вот,
20. допустим, с прошлой формулировкой, как стало с нынешней
21. формулировкой. Не знаю. Конечно, надо что-то делать. И, наверное,
22. это правильно, что сейчас хоть какая-то работа стала проводиться.
23. Мы очень много отчётов пишем по антикоррупционной работе.
24. И: Но они, мне интересно, то есть это, как бы вы пишете, но они
25. какой-то эффект имеют? То есть это действительно помогает
26. снижать коррупцию, да? Или это вам очередная головная боль просто и всё?
27. Р: Понимаете, учитывая, что я сказала, какая вот ситуация, нам это, конечно,
28. лишняя работа, на самом деле. Потому что как можно оценить,
29. приносят ли вот эти вот меры плоды или не приносят, когда не с
30. чем сравнивать.
31. И: Ну да.
32. Р: Если б у нас, допустим, за год было рассмотрено там или привлечено к
33. ответственности три чиновника за какие-то коррупционные действия, а
34. в это году ни одного, то можно было бы сказать, что данная работа
35. поимела свой результат. У нас такой статистики, естественно, нету.
36. Поэтому вот применительно к нашей структуре, я могу сказать, что
37. для нас это дополнительная нагрузка.

Понимание смысла коррупционной ситуации и мер борьбы с ней делегируется в вышестоящие инстанции, а её причины как бы выносятся вовне реальных коллективов и реальных структур — в сферу абстрактных «юридических аспектов» и «коррупциогенных факторов». Отсюда непонятно, есть ли результаты у борьбы с коррупцией, каковы критерии эффективности борьбы с коррупцией, ведущейся «формаль-

ными методами», связанными с непрерывным редактированием нормативных актов и написанием отчетов. Поэтому любые заполнения все новых и новых форм отчетности воспринимаются как «лишняя работа» и не могут «поймать свой результат» (фрагмент 12, строка 36), выраженный в уголовных преследованиях и административных взысканиях (строки 33-35). Отсутствие последних нередко маркируется как отсутствие самой коррупции, фактов, позволяющих говорить об эффективности антикоррупционных мер. Ило Ю. Винг-Ят утверждает, что любые формальные способы борьбы с коррупцией, не опирающиеся на соответствующую готовность со стороны самих госслужащих, приводят лишь к формированию бюрократического поведения, а не реальному противостоянию коррупции. В качестве примера он приводит работу в 2000-х гг. Антикоррупционной комиссии в Макао, которая опиралась на административные способы решения проблем. По опросам общественного мнения и оценкам зарубежных экспертов коррупция в регионе сократилась до минимальных размеров, однако ударом стало разоблачение в 2006 году министра транспорта и государственных работ, арестованного по обвинениям во взятках на сумму более 100 миллионов долларов [Wing-Yat, 2013, p. 94]. Дополнительная отчетность и система проверок, запущенная как профилактика коррупционных отношений, привела лишь к переструктурированию реальных механизмов принятия решений и перераспределила потоки коррупционных платежей, переместив их на более высокий уровень государственного управления. Вернёмся к нашему исследованию. Позиция спускаемого по иерархической цепочке смысла типична для всех ступеней российской власти. Заместитель губернатора, стоящий как минимум на две позиции выше заместителя председателя комитета, не отличается от последнего в оценках целесооб-

разности поступающих сверху распоряжений. Разговор об эффективности антикоррупционных мер бессмысленен, поскольку единственный его адресат и адресант совпадают в лице вышестоящего органа власти: «Я просто, применяя к себе лично как к руководителю, хочу сказать, что мне любые меры будут понятны, я их приму и с ними буду считаться, потому что государство приняло такие правила игры» (фрагмент 12, строки 3-6).

Фрагмент 12

Первый заместитель губернатора,
жен., 44 года, стаж на госслужбе 3 года

1. И: Те меры, которые есть, они неэффективны, я так понимаю,
2. с Вашей точки зрения, а какие...
3. Р: *(перебивая)* Я бы не сказала, что неэффективны. Я просто, применяя
4. к себе лично как к руководителю, хочу сказать, что мне любые меры
5. будут понятны, я их приму и с ними буду считаться, потому что
6. государство приняло такие правила игры. Эффективны – неэффективны,
7. вернемся к Вашему вопросу, может, просто неправильно докладывают,
8. поэтому кажется, что везде коррупция. Я с этим не согласна.
9. Зная здесь коллектив, зная коллег своих, поверьте, ну нельзя так говорить.
10. Тут достаточно порядочные, уверенные люди сидят, работают. Поэтому
11. Вы говорите «неэффективны» - я не подпишусь под этим тезисом.
12. Что надо сделать для этого? Набирать более грамотных, порядочных,
13. профессиональных людей. Вот некий вот этот тест, я думаю, как
14. один из элементов.

Вопрос об эффективности актуализирует тему персонала, подталкивает собеседника к утверждению о высоком профессионализме и порядочности своих подчиненных (фрагмент 12, строки 9-10). И работа над повышением эффективности антикоррупционных мер – это всего лишь набор более грамотного персонала. Однако вопрос интервьюера неслучаен. Всего лишь минутой назад, замгубернатора говорила об огромном количестве ненужных отчетов, раздутым штате и немотивированных полномочиях, поступающих из центра (фрагмент 13, строки 1-5). Последующий разговор о высоком

профессионализме больше напоминает ремонт предыдущей реплики, которая может быть истолкована превратно, не в пользу возглавляемой структуры.

Фрагмент 13

Первый заместитель губернатора,
жен., 44 года, стаж на госслужбе 3 года

1. Выкинуть бы половину отчетов, я Вас уверяю, и чиновников сократить
2. и на поля отправить. Потому что мы вынуждены при передаче
3. полномочий из федерального центра, мы даже не растим
4. чиновников, штат не увеличиваем, а полномочия на нас валятся,
5. валятся. Вы не поверите, каждый день куча отчетов. В разные
6. министерства одно и то же, на бумажном и электронном носителе.
7. И это люди сидят и работают, это вся канцелярщина. У меня подход,
8. такой более с бизнеса, более такой реальный. Я бы половину убрала.
9. Оно не дает той эффективности, что необходимо для реальности.

Наивные вопросы интервьюера об эффективности борьбы с коррупцией лежат вне здравого смысла российского служащего. Назначенные процедуры не могут оцениваться с позиции исполнителя, вынужденного принимать их к безусловному исполнению. Они не вписаны в «моральную схему» [Ntayi, Ngoboka, Kakooza, 2013] и воспринимаются как некоторая объективная реальность административной работы. Единственный атрибут эффективности, на который может ссылаться руководитель, - это вверенный в подчинение персонал, который следует в меру ругать и хвалить, дабы не нарушить баланс между нисходящими распоряжениями и восходящей отчетностью.

В перерывах между формально проходящими интервью под диктофон один из рядовых служащих рассказал историю о своей попытке переопределить разделяемое коллегами представление об эффективности и последующем крахе личной интерпретации. Устроившись на работу и получив первое задание, он выполнил его за пару часов, чем спровоцировал недоумение начальства и через некоторое время - новое поручение. Молодой человек работал немного, но пытался

делать все скоро, в опережение возможных сроков. Вскоре он заметил, что не только начальник, но и коллеги смотрели на него с недоумением, но ничего не говорили. Потом недоумение сменилось на скрытую враждебность и отчужденность окружающих. Думая, что он делает что-то не так, новоиспеченный служащий старался изо всех сил, все более и более улучшая количественные показатели (время и объем документации) своей работы. Однако отношение к нему лишь ухудшалось. И лишь спустя несколько месяцев, в случайном разговоре, он услышал, что проблема заключается в обратном. За небольшой срок своей карьеры, он умудрился так поднять эффективность работы, что выполнял в день месячную норму любого из своих коллег, поставив под сомнение эффективность уже их работы. «После этого понимания я быстро исправил ситуацию, стал работать “как все”, и отношение в коллективе быстро наладилось», - резюмировал он с улыбкой. «Каждый день куча отчетов», поступающих из разных министерств (фрагмент 13, строки 5-6) создают ситуацию работы вне контекста эффективности. Исполнение внешних распоряжений есть единственная задача в рамках текущей антикоррупционной борьбы, что ставит под сомнение её осмысленность и целесообразность.

Инициатива как индикатор осмысленности

Государственный служащий постоянно находится в окружении чуждых ему сред. Вышестоящие органы поставляют невнятные, запутанные и одновременно директивные, обязательные к исполнению распоряжения. Население недовольно текущей ситуацией и медлительностью в принятии решений. Слово «чиновник» – именующее исполнителя власти, в массовом сознании постепенно обросло негативными коннотациями, уничижительными и оскорбительными смыслами. Бизнес с акцентом на эффективность и производительность, некоммерческий сектор с претензией на принципы гражданственности и становления демократических институ-

тов оказывают давление на органы власти. Нет ни одного внешнего субъекта, который бы не лоббировал собственные интересы и не размывал осмысленность, цельность работы государственного служащего. Остается лишь круг «своих», находящихся в сходных условиях, под постоянным риском судебных расследований, взысканий, чередующихся с наградами, сверхурочной работой по выполнению исключительно внешних, зачастую непонятых указаний. Однако и такую ситуацию тотальной подчиненности можно рассматривать как достоинство работы на госслужбе. Так, молодой советник министра, описывая «поверхностность» и эпизодичность выполняемых поручений, видит в этом расширение кругозора и возможность без особых размышлений сразу иметь дело с готовыми решениями (фрагмент 14).

Фрагмент 14
Советник министра области, муж., 26 лет,
стаж на госслужбе 3 года

1. И: Несколько слов о Вашей нынешней работе, о Ваших должностных
2. обязанностях, чем приходится заниматься?
3. Р: Ну, это помощник руководителя, то есть это организация деятельности
4. руководства, планирование его деятельности, подготовка справок,
5. выступлений, материалов, аналитическая какая-то составляющая, то есть
6. вот так вот.
7. И: В этой работе, которой Вы сейчас занимаетесь, что, на Ваш взгляд, самое
8. трудное? Что наоборот, скажем так, приятное и привлекательное?
9. Р: Ну, трудное – это скорость, оперативность, это первый момент. И второе, это
10. поверхность некоторая, которая... то есть не успеваешь вникнуть в проблему,
11. потому что... ну как бы с другой стороны. Это и нормально, это из плюсов.
12. Это из минусов, что не успеваешь вникнуть, а из плюсов – кругозор большой,
13. расширяется, потому что множество подведомственных структур, которые
14. занимаются несколькими разными аспектами, вот. И опять же имеешь дело уже
15. с проектами решений, уже подготовленными решениями. Уже не на этапе
16. согласования в них вникаешь, а на этапе выработки решения. Может быть,
17. в этом плане как-то и удобнее, и интереснее. Вот это интересно, когда этот
18. вопрос уже проработан коллегами, подведомственными учреждениями,

19. структурами, и он уже практически на стадии принятия решения. И как бы ты
20. к нему подключаешься уже в этот момент, поэтому это интересно.

«Подключаться к вопросу» на стадии принятия решения (фрагмент, строки 14-20) интересно, когда всё уже подготовлено другими «подведомственными структурами». В такой среде и с таким мировоззрением невозможна инициатива. Она губительна не только для карьерного роста, но и для самого сосуществования. Тем удивительнее проявления инициативности, стремление «решать вопросы», не только выполнять, но и ставить задачи, идти на упреждение поступающих сверху инструктивных материалов, диктовать собственные толкования законодательства, отстаивая свою правоту перед всеми субъектами государственного управления. Коррупционность также может восприниматься как инициативность, как придание смысла вынесенным за пределы рационального поведения действиям индивида. Возникает согласие на теневые, сначала лишь скрытые от закона, а впоследствии напрямую его нарушающие действия. В этом могут сказываться особенности механизма госуправления, который лишь наделяет служащего функционалом без обратной связи и лишает его возможности быть субъектом действия.

Однако нетрудно предположить, что инициативность не осмысливается госслужащими лишь как коррупционность и не сводится лишь к теневым действиям. Пусть по ограниченной карьерной траектории, в среду госслужащих входят люди с иным взглядом на порядок вещей. Они ортогональны укорененным нравам, тотальному скепсису и защитным реактивным действиям, им чуждо понятие коррупции. Инициативность в коррупционных сделках определяется жадой наживы и желанием создать иную, закрытую от кого бы то ни было область смысла. Коррупция буквально наделяет окружающий мир статусом чуждой территории, населенной инородными, стремящимися причинить вред субъектами.

Коррупция – лишь одна из областей осмысленности сосуществования во власти, изначально паразитического типа. Но смысл можно придавать, и не исключая себя из общенационального дискурса, не подрывая основы государственности и не предавая этический кодекс государственной службы. Например, как бы ни отталкивала излишняя пафосность государственной риторики, с ее акцентом на служение Отчизне, патриотизм и национальные интересы. Следуя этим принципам, человек приобретает гораздо большие основания для осмысленной жизни, нежели дают устремления нарастить собственное благосостояние за счет «враждебного» внешнего окружения.

Первый заместитель главы района, отвечающий за земельные вопросы, тридцатилетний парень, с жаром, несвойственными госслужащему вовлеченностью и эмоциональностью рассказывает о своих трехлетних достижениях. Прделана полная опись земель сельскохозяйственного назначения, которых оказалось на несколько тысяч меньше, нежели отмечено на бумагах; промерены границы района, и фактически по объему земли они больше зафиксированных в документации. Период организации и проведения торгов земли для жилищной или промышленной застройки сокращен с двух-трех лет до трех месяцев — за счет выбора внешней коммерческой компании, полностью отвечающей по всем рискам затягивания или срыва сделки купли-продажи. Беря на себя все расходы по оформлению документации и оповещению потенциальных участников о предстоящих торгах, компания получает процент от сделки лишь в случае ее фактического совершения. Если же торги оказываются нерезультативными, расходы прошлых периодов списываются в убытки. Администрации района переходят все права по проектной документации. Год ушел на создание реальных земельных реестров, еще год на налаживание деловых отношений с бизнесом, архитектурным и градостроительным сооб-

ществом. Отдельная сфера, требующая колоссальных усилий, - органы исполнительной власти вышестоящего уровня. Реализуя задачу оптимизации земельного оборота и наполнение доходной части бюджета, служащий вёл многочасовые переговоры, в которых реализовал всевозможные риторические стратегии: от манипулятивных до просительных. Что им двигало? Почему инициатива не приобрела коррупционную составляющую, столь свойственную любым самостоятельным решениям в государственной сфере? Почему вместо привычного «решения вопросов» в государственной структуре начали работать элементы бизнес-среды? На прямой вопрос замглавы ответил предельно структурировано: «Во-первых, я оказался приезжим казачком. Я не из этого района и даже не из этой области. У меня не было никаких иных интересов, кроме поставленных задач, никаких обязательств перед людьми, с которыми приходилось работать. Во-вторых, постоянный страх, что могут посадить. Мой первый трудовой день начался с ответа на запрос прокурора о деятельности моего предшественника. В-третьих, лишь однажды согласившись с денежным вознаграждением со стороны бизнеса, я бы потерял самостоятельность в принятии решений, я бы не смог им диктовать собственные правила, не смог реализовать задуманные преобразования». За откатной схемой, уступкой в личной наживе скрывается размывание власти, передача ее более инициативным игрокам. Именно на эту угрозу обратил внимание наш собеседник. Легко прощаться с потенциальной инициативой, чрезвычайно трудно – с актуальной. Именно поэтому коррупция блокирует легальную инициативность [Ades, DiTella, 1997], подталкивает на ведение дел «по старинке».

Итак, легальная инициатива в государственной службе – это индикатор осмысленности, реальная антикоррупционная составляющая, блокирующая соблазны к наживе и личному обогащению. Легальная инициативность помогает служаще-

му не извлекать выгоды из несовершенства социальных отношений, а корректировать их, наделять смыслом существующие законодательные практики.

Обратный эволюционизм бюрократии

Герберт Спенсер первым обратил внимание на эволюционное развитие регулятивных отношений в обществе¹⁰. Социальные образования от простых нерегулируемых форм через дифференциацию, интеграцию и адаптацию последовательно проходят стадии усложнения, в том числе и усложнения управляющего функционала. Сначала появляется элемент простого руководства, основанный на лидерских и харизматических качествах одного человека. Образующееся вокруг него пространство характеризуется подчинением или как минимум соотносением представлений других с его мнением. Затем

¹⁰ Начиная раздел о Г. Спенсере в увесистом томе, посвященном теоретической социологии, Джонатан Тёрнер указывает на тотальную невостребованность работ классика. Практически не читая трудов Спенсера, каждый получивший социологическое образование готов высказать критические соображения в его адрес. Дж. Тёрнер называет две причины негативного отношения: эволюционизм и функционализм, развиваемые Спенсером и стигматизированные в качестве отсталых и преодоленных теоретических концепций [Turner, 2013, p. 30]. Однако если присмотреться внимательнее к эпистемологическим основаниям современных подходов, можно увидеть, что они не далеко отошли от предлагаемых Спенсером различий, основанных на жестком следовании либеральным принципам. Поэтому упоминание его имени отнюдь не случайно. Оно мотивировано долгими размышлениями о природе коррупционных отношений, в развитии которых можно усмотреть черты эволюции живых организмов – еще одну метафору, предложенную Спенсером (биологические аналогии коррупции предложены в наших работах: [Рогозин, 2012с; Рогозин, Шмерлина, 2012]). Продолжая мысль Тёрнера, можно утверждать, что в построениях Спенсера мы находим не только удачные логические заключения, но и теоретические концепты, позволяющие точнее описать окружающую нас действительность, понять смыслы, определяющие развитие и разрушение социальных институтов.

функция управления фрагментируется. Единичный лидер передает часть полномочий доверенным лицам, которые образуют локальные формы властных отношений. Сохраняя жёсткую иерархию, вождь тем самым может регулировать куда более разнообразные и разветвленные формы социальных отношений.

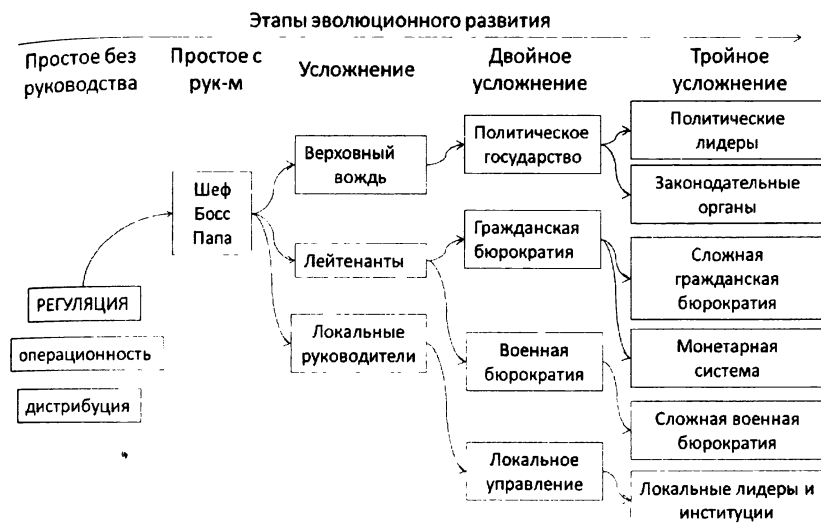

Рис. 3. Модель социальной эволюции регулятивной функции (по Герберту Спенсеру)

Г. Спенсер указывает на возможность последующих усложнений, описывая двойную и тройную производные от первоначальной тенденции к выделению руководства. Дж. Тёрнер приводит общую схему эволюции регулятивной, оперативной и дистрибутивной социальных систем, предлагаемых Спенсером [Turner, 2013, p. 48]. Мы остановимся лишь на фрагменте, имеющем отношение к регулятивной системе, полем для которой в современном мире становится государственная служба (рис. 3).

Однако кроме эволюционного развития регулятивной функции возможны и обратные процессы, связанные с дав-

лением внешней среды или развитием сферы интересов, включенных в регуляции отдельных социальных групп. Либерализация политической жизни, развитие рыночных отношений актуализировали эстетику частного интереса, подчас конкурирующего с институциональными нормами, закрепленными в общественном договоре. Экономические метафоры коррупционера как агента, извлекающего прибыль из нелегальных сделок, стали ядром для объяснительных схем, распространенных в 1990-х [Klitgaard, 1991, p. xiii]. Вместе с тем экономическая составляющая представляет лишь частный случай деинституционализации политической сферы, вовсе не нуждающейся в легитимации через рыночные отношения. Коррупция укоренена, с одной стороны, в формальных институциональных взаимодействиях [Klitgaard, 1991; Rose-Ackerman, 1999; Venard, 2009; Johnston, 2010], с другой – в культурных нормах, формирующихся здесь-и-сейчас традициях разрешения затруднений и ведения дел [Fisman, Miguel, 2006, 2007; Gong, Wang, 2013]. Типичным заблуждением критиков структурно-функционального подхода является отождествление коррупции с механизмом интеграции, имеющим некоторый функционал в рамках развития системы [Заурвайн, 2012, с. 113]. Напротив, коррупция развивается вопреки легальной системе, упрощая и дезинтегрируя ее основные регулятивные функции.

Упрощение социальных отношений, разделение легального, установленного законом и фактического, необходимого для принятия решений составляет основу публичной диссолюции. Именно эти процессы мы и наблюдаем, когда государственные служащие, подчиняясь общей регуляции, указывают на недостаточность лишь формального исполнения законов и распоряжений вышестоящих органов. Через актуализацию внешней, зачастую враждебной среды и недовольство тотальной подотчетностью, эти служащие переходят к

решению насущных вопросов, демонстрируя тем самым неспособность властной иерархии исполнять свои функции на местах (рис. 4).

Рис. 4. Коррупция как социальная диссолюция

Иными словами, в изучении коррупции не всегда целесообразно конструировать общие объясняющие модели (см., например: [Епархина, 2011]). Майкл Джонстон, проведя блестящий сравнительный анализ ситуации в разных национальных государствах, выделил четыре типа коррупционных синдромов: (1) давление рынка, (2) картели элит, (3) олигархия и кланы, (4) магнаты от госслужбы [Johnston, 2010, p. 36]. Россия в этой типологии отнесена к странам, где доминирует третий синдром, формирующий коррупционные отношения, а значит, основное внимание исследователей должно быть направлено на малые группы элит и их персональных кланов, контролирующих и защищающих коррупционные отношения [Johnston, 2010, p. 121]. С. Челохин и М. Габерфилд также делают акцент на политических и экономических элитах, провоцирующих развитие коррупционных отношений. Они выделяют три основные причины широкого распространения коррупции в России: во-первых, традицию мелких взяток,

сформированную в советском прошлом; во-вторых, наличие системного, «сверху», принуждения бизнеса вступать в коррупционные отношения; в-третьих, общее представление о тотальности коррупции [Cheloukhine, Haberfeld, 2011, p. 67–68]. Однако за таким макросоциальным маркированием и глобальными объяснительными конструкциями теряется механика коррупционных сделок, воспроизводство которых можно наблюдать лишь на различных уровнях социальных отношений. Реализация олигархической власти становится возможной только в контексте институциональной диссолюции, поддерживаемой многими участниками регулятивной функции. Коррупция воспроизводится в обыденных, рутинных отношениях, даже тогда, когда отсутствуют прямые транзакции, связанные с получением выгоды.

За понятными и рациональными с точки зрения здравого смысла фразами о помощи простому человеку, решении его проблем, снятии социальной напряженности и установлении компромиссных соглашений сокрыта тенденция к коррумпированию легитимной власти. В данном случае под коррупцией мы понимаем не столько факт денежной наживы, сколько размывание формальных правил через дополнительные, договорные отношения. Как большинство исследователей, Арвинд Джейн отмечает, что хотя весьма сложно договориться о точном определении коррупции, в основном разделяется понимание того, что коррупция относится к действиям, в которых власть используется в личных целях посредством избегания общих правил игры [Jain, 2001, p. 73]. «Вне сомнения, что, во-первых, коррупция приносит частную выгоду отдельным лицам; во-вторых, что коррупция соответствует модели взаимовыгодного обмена с тем отличием, что такая сделка совершается за счет третьих лиц, и акторы либо исходят из того, что об их сделке третьи лица не узнают, либо предпринимают для сокрытия сделки активные действия. И

это удастся им тем лучше, чем лучше они могут использовать асимметрию информационных систем, чтобы скрыть сделку, или чем лучше они могут использовать существующую непрозрачность, чтобы увеличить асимметрию. Только при таких условиях возможна манипуляция с целью принятия решений в свою пользу» [Заурвайн, 2012, с. 108].

Коррупционер решает проблемы узкого круга за счет подстройки к внешним правилам и ущемления государственных интересов. Его задача «делать дела» и «решать вопросы», переопределяя внешние нормы, но не ставя задачу их изменить. Участники теневых отношений не заинтересованы в сомнении и опровержении существующего законодательства. Любые, самые бесполезные действия, приводящие к росту отчетности, бюрократизации и волокиты, выступают для них лишь внешними условиями для «реальной» работы. Капитализация последней, усиление роли и статуса коррупционера напрямую зависят от неразберихи и противоречивости текущего законодательства. Поэтому формальное следование указаниям и нормам, видимое подчинение легитимному руководству выступает необходимым признаком зарождения коррупционных отношений. Там, где снята задача осмысления и понимания происходящего, возникают собственные зоны смысла, приводящие к паразитированию на общих социальных отношениях в пользу частных интересов отдельных групп.

Литература

1. Агеева, О.В. Правовые основы противодействия коррупции в России // Следователь. 2010. № 4. С. 16–21.
2. Астанин, В.В., Стороженко, И.В., Санатин, В.П. Взаимодействие органов государственной власти с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции (результаты конкретно-социологического исследования) // Мониторинг правоприменения. 2012. № 4. С. 12–24.

3. Бусыгина, И.М., Филиппов, М.Г. Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивацию? // Политические исследования. 2013. № 1. С. 50–71.
4. Волков, А.Н., Дамаскин, О.В. Актуальные вопросы законодательного обеспечения противодействия коррупции // Современное право. 2010. № 12. С. 13–17.
5. Волков, А.Н., Дамаскин, О.В. Проблемы и перспективы развития законодательного обеспечения противодействия коррупции // Современное право. 2011, № 4. С. 46–50.
6. Гуцев, П.Ю. Конституционные основы противодействия коррупции в России // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 12. С. 9–12.
7. Дзуцев, Х.В. Государственная коррупция в органах власти Республики Северная Осетия – Алания // Власть. 2013. № 4. С. 94–101.
8. Дорогова, Ю.А., Лоткова, Е.Г. Декларирование доходов государственных служащих как инструмент противодействия коррупции // Успехи современного естествознания. 2012. № 4. С. 210–211.
9. Епархина, О.В. Моделирование коррупции: параметры, условия, возможности // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 124–128.
10. Жарков, В., Рогозин, Д. Российская коррупция в рассказах участников // Отечественные записки. 2012а. Т. 47. № 2. С. 103–138.
11. Жарков, В., Рогозин, Д. «Он не берет»: личная честность как форма гражданского протеста // Новая газета. 2012. 19 марта. № 30.
12. Заурвайн, К.-Х. Коррупция – возвращение «старого» мира в эпоху модерна? / Пер. с нем. В. Гиряева // Социологическое обозрение. 2012. № 3. С. 105–119.
13. Иванов, А.В. Отношение гражданских служащих к проявлениям коррупции в органах государственной власти // Управленческие науки. 2012. № 2. С. 4–7.
14. Иванов, С. Покупать и продавать // Аргументы и факты. 2005. № 21. С. 6–8.

15. Кириленко, В.П. Борьба с коррупцией в органах государственного управления России (политические и правовые аспекты) // Научные труды Северо-западного института управления. 2012. Т. 3. № 1. С. 231–250.
16. Корченков, В.В. Организационно-правовое обеспечение противодействия коррупции // Государственная служба. 2011. № 1. С. 15–19.
17. Куприянов, И.С. Динамика бытовой коррупции в Ивановской области (по результатам социологического мониторинга 2008–2009 гг.) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2010. Т. 16. № 1. С. 180–184.
18. Левин, М.И., Сатаров, Г.А. Коррупция в России: классификация и динамика // Вопросы экономики. 2012. № 10. С. 4–29.
19. Макарова, М.Н., Вахрушев, Р.В. Коррупция как предмет социологического анализа // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 3. С. 53–60.
20. Макеев, Я.А. Коррупция в общественном мнении жителей среднего города // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 2. С. 158–160.
21. Пустовалова, И.Н. Политико-идеологические механизмы противодействия коррупции // Научный поиск. 2011. № 1. С. 68–73.
22. Рамазанов, Р.У. Регламентация работы государственных и муниципальных служащих как способ противодействия коррупции // Проблемы в Российском законодательстве. 2012. № 5. С. 13–16.
23. Rogozin D.M. Ситуационный анализ по Адель Кларк // Человек. 2007. № 1. С. 38–48.
24. Rogozin, D. Анатомия коррупции // Новая газета. 2012b. 14 сентября. № 104. С. 14.
25. Rogozin, D. Обзор публикаций о коррупции // Отечественные записки. 2012a. Т. 47. № 2. С. 24–39.
26. Rogozin, D. Этология коррупционных отношений // Русский журнал. 2012c. 16 апреля. [электронный ресурс]. Дата обращения 17.04.2012. URL: <<http://www.russ.ru/pole/Etologiya-korrupcionnyh-otnoshenij>>.
27. Rogozin, D. FAQ: Коррупция // Постнаука.ру. 2013a. 27 февраля [электронный ресурс]. Дата обращения 12.03.2013. URL:

<<http://postnauka.ru/faq/5072>>.

28. Рогозин, Д.М. [Видео] Коррупция глазами чиновника / Публичная лекция в цикле «Открытые среды Шанинки». 2013б. 30 января [электронный ресурс]. Дата обращения 31.01.2013. URL: <http://www.infox.ru/science/enlightenment/2013/01/30/_Korruptsiya_glazami.shtml>
29. Рогозин, Д.М., Шмерлина, И.А. «Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция общественного феномена // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 139–154.
30. Сатаров, Г. Измерение бытовой коррупции в массовых социологических опросах // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2006. № 3. С. 25–32.
31. Уколов, Р. Фигура умолчания: Интервью с Д. Рогозиным // Профиль. 2013. 20 мая. № 19.
32. Фалина, А.С. Взаимодействие государства и бизнеса в разработке и реализации антикоррупционной политики Российской Федерации. М.: Изд-во РАГС, 2010.
33. Фролова, И.И. Коррупция в органах власти: результаты экспертного опроса // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 4. С. 104–107.
34. Хабибулин, А.Г., Селиванов, А.И. Россия-2007 – точка бифуркации // Власть. 2007. № 2. С. 3–11.
35. Цинцадзе, Н.С. Коррупция как деструктивный фактор и элемент частноправовых отношений в Российской Федерации: условия, причины, формы проявления и законодательная основа противодействия // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 3. С. 298–304.
36. Чикирева, И.П. Проблемы правового регулирования обязанностей муниципальных служащих по соблюдению законодательства по противодействию коррупции // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 3. С. 68–73.
37. Юхачев, С.П. Противодействие коррупции в среде государственных служащих в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 5. С. 116–120.
38. Яблонская, Л.М. Этический аспект деятельности государственных служащих: значение в преодолении коррупции //

Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 3. С. 27–30.

39. Ades, A., Di Tella, R. The new economics of corruption: A survey and some new results // *Political corruption* / Ed. by P. Heywood. Malden, MA: Blackwell, 1997. P. 80–99.
40. Bardhan, P. Corruption and development: A review of the issues // *Journal of Economic Literature*. 1997. Vol. 33. No. 3. P. 1320–1346.
41. Berger, R. Now I see it, now I don't: Researcher's position and reflexivity in qualitative research // *Qualitative Research*. 2013. 3 January. [First published]. P. 1–16.
42. Cheloukhine, S., Haberfeld, M.R. Russian organized corruption networks and their international trajectories. New York: Springer, 2011.
43. Fisman, R., Miguel, E. Corruption, norms and legal enforcement: Evidence from diplomatic parking tickets // *Journal of Political Economy*. 2007. Vol. 115. No. 6. P. 1020–1048.
44. Fisman, R., Miguel, E. Cultures of corruption: Evidence from diplomatic parking tickets // NBER Working Paper. 2006. June. No. 12312. [online]. Date of access 12.07.2013. URL: <<http://www.nber.org/papers/w12312>>.
45. Gong, T., Wang, S. Indicators and implications of zero tolerance of corruption: The case of Hong Kong // *Social Indicators Research*. 2013. Vol. 112. No. 3. P. 569–586.
46. Healy, P.M., Ramanna, K. When the crowd fights corruption // *Harvard Business Review*. 2013. Vol. 91. No. 1–2. P. 122–128.
47. Holmes, L. Corruption and organized crime in Putin's Russia // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 6. P. 1011–1031.
48. Jain, A.K. Corruption: A review // *Journal of Economic Surveys*. 2001. Vol. 15. No. 1. P. 71–121.
49. Johnston, M. Syndromes of corruption: Wealth, power, and democracy. 4th printing. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. [First publ.: 2005].
50. Klitgaard, R. Controlling corruption. Berkeley: University of California Press, 1991. [First publ. 1988]
51. Ntayi, J.M., Ngoboka, P., Kakooza, C.S. Moral schemas and corruption in Ugandan Public Procurement // *Journal of Business Eth-*

- ics. 2013. Vol. 112. No. 3. P. 417–436.
52. Orlova, A. Corruption in Russia: On the myth of the market and the state as antidote // *Ost Europa*. 2008. Vol. 58. No. 1. P. 21–34.
53. Rose-Ackerman, S. Corruption and government: Causes, consequences, and reform. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
54. Rothstein, B. The quality of government: Corruption, social trust, and inequality in international perspective. Chicago: University of Chicago Press, 2011.
55. Sharafutdinova, G. What explains corruption perceptions? The dark side to political competition in Russian's regions // *Comparative Politics*. 2010. Vol. 42. No. 2. P. 147–166.
56. Turner, J.H. Theoretical sociology: 1830 to the present. London: Sage, 2013.
57. Venard, B. Organizational isomorphism and corruption: An empirical research in Russia // *Journal of Business Ethics*. 2009. Vol. 89. No. 1. P. 59–76.
58. Villoria, M., Ryzin van, G.G., Lavena, C.F. Social and political consequences of administrative corruption: A study of public perceptions in Spain // *Public Administration Review*. 2013. Vol. 73. No. 1. P. 85–94.
59. Widmalm, S. Decentralisation, corruption and social capital: From India to West. London: Sage, 2008.
60. Wing-Yat, E.Y. Anti-corruption approaches in Macao: Lawmaking and legal enforcement // *Journal of Contemporary China*. 2013. Vol. 22. No. 79. P. 93–108.

Приложение:

Выборочный перечень нормативных актов о противодействии коррупции, актуальных на 2013 год

1. «Конвенция Организации объединенных наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН).
2. «Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию» (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999).

3. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. законов от 11.07.2011 № 200-ФЗ, от 21.11.2011 № 329-ФЗ, от 03.12.2012 № 231-ФЗ, от 29.12.2012 № 280-ФЗ) «О противодействии коррупции».
4. Указ Президента РФ от 21.07.2010 № 925 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции».
5. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 03.12.2012) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».
6. Указ Президента РФ от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона “О противодействии коррупции”» (вместе с «Положением о порядке направления запросов в Федеральную службу по финансовому мониторингу при осуществлении проверок в целях противодействия коррупции»).
7. Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 (ред. от 02.04.2013) «О мерах по противодействию коррупции».
8. Указ Президента РФ от 13.03.2012 № 297 (ред. от 19.03.2013) «О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции».
9. Указ Президента РФ от 28.07.2012 № 1060 «Об утверждении состава Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции и состава президиума этого Совета».
10. Указ Президента РФ от 18.12.2008 № 1799 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции, касающихся взаимной правовой помощи».
11. Указ Президента РФ от 18.12.2008 № 1800 «О центральных органах Российской Федерации, ответственных за реализацию положений Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, касающихся международного сотрудничества».
12. Указ Мэра Москвы от 12.12.2008 № 101-УМ (ред. от 04.03.2013) «О создании Совета при Мэре Москвы по проти-

- водействию коррупции» (вместе с «Положением о Совете при Мэре Москвы о противодействии коррупции»).
13. Закон Московской области от 10.04.2009 № 31/2009-ОЗ (ред. от 10.12.2012) «О мерах по противодействию коррупции в Московской области» (принят постановлением Мособлдумы от 02.04.2009 N 10/74-П).
 14. Распоряжение Губернатора МО от 18.02.2013 № 75-РГ «Об утверждении Плана противодействия коррупции в Московской области на 2013 год».
 15. Постановление Губернатора МО от 02.11.2011 № 141-ПГ (ред. от 14.02.2013) «О Порядке разработки и утверждения Плана противодействия коррупции в Московской области».
 16. Распоряжение Министерства транспорта МО от 28.01.2013 № 17 «Об утверждении Перечня должностей государственной гражданской службы Московской области в Министерстве транспорта Московской области, при увольнении с которых на граждан, замещавших должности гражданской службы Московской области, распространяются ограничения, предусмотренные статьей 12 Федерального закона от 25.12.2008 N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»».
 17. Постановление администрации Ленинского муниципального района МО от 24.01.2013 № 84 «Об утверждении состава комиссии по противодействию коррупции Ленинского муниципального района и Плана противодействия коррупции в Ленинском муниципальном районе на 2013 год» (вместе с «Планом работы комиссии по противодействию коррупции Ленинского муниципального района»).
 18. Приказ Министра образования МО от 27.12.2012 № 5185 «Об утверждении Плана противодействия коррупции в Министерстве образования Московской области на 2013 год».
 19. Приказ начальника Госжилинспекции МО от 26.12.2012 № 171 «Об утверждении отчета по выполнению Плана мероприятий по противодействию коррупции в Главном управлении Московской области «Государственная жилищная инспекция Московской области» за 2012 год и Плана мероприятий по противодействию коррупции на 2013 г.».

20. Закон Санкт-Петербурга от 20.10.2010 № 504-118 (ред. от 26.06.2012) «О мерах по реализации статьи 12 Федерального закона “О противодействии коррупции”» (принят ЗС СПб 29.09.2010).
21. Областной закон Ленинградской области от 17.06.2011 № 44-оз «О противодействии коррупции в Ленинградской области» (принят ЗС ЛО 31.05.2011).
22. Закон Санкт-Петербурга от 14.11.2008 № 674-122 (ред. от 06.12.2010) «О дополнительных мерах по противодействию коррупции в Санкт-Петербурге» (принят ЗС СПб 29.10.2008).
23. «План противодействия коррупции в аппарате Конституционного Суда Российской Федерации на 2012–2013 годы» (утв. Приказом Председателя Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 года № 09).

Глава 3. Этнографические наблюдения в регионах

А.М. Никулин

Между государством и гражданами: особенности мировоззрения муниципальных служащих Архангельской области

В ходе исследования в нескольких российских регионах было проведено качественное социологическое исследование, нацеленное в основном на поиск и фиксирование типичных проявлений чиновничьей профессии. Общей целью работы явилось выявление, обнаружение, нащупывание специфики служебных чиновничьих практик, а также моменты рефлексии и саморефлексии государственных и муниципальных служащих.

Архангельская область с точки зрения развития местного самоуправления представляет собой важное поле для междисциплинарных социологических исследований. Эта область, один из крупнейших по площади субъектов в Европейской части Российской Федерации, расположена в суровых условиях Севера. Примерно половина ее населения сконцентрирована в агломерации, окружающей региональную столицу Архангельск. Остальная половина рассредоточена в системе редких сельских поселений и малых городов на территории, сравнимой по своим размерам с Францией [Региональное развитие, 2011]. В целом в условиях северных депрессивных территорий местное самоуправление имеет

свою социально-экономическую и социокультурную специфику, чему свидетельство – ряд специальных исследований российских и зарубежных ученых, проведенных в последнее время [Линднер, Мозер, 2012; Никула, Копотева, Ниска, 2011; Покровский и др.]. При этом во многом специально для российских северных территорий был предложен ряд рекомендаций по направлениям социального и экономического развития местных муниципалитетов [Местное самоуправление, 2008; Кузнецова, 2012; Плюснин, 2010].

Безусловно, важным направлением анализа является собственно местная административно-организационная и общественно-интеллектуальная деятельность, направленная на развитие и совершенствование муниципального уровня. В Архангельской области надо отметить ряд местных административных, научных и общественных публикаций, достаточно всесторонне отражающих основные проблемы местного самоуправления, взаимодействия местной власти и населения [Вестник, 2011; Тюрин, 2007; Сводный доклад, 2012].

Наконец, надо подчеркнуть, что вопросы собственно мировоззрения представителей местной власти и населения также находят в последнее время отражение в специальных исследованиях, пример чему – книга «Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей (Опыт феноменологического исследования)» написанная Ю.М. Плюсниным, С.Г. Кордонским и В.А. Скалоном [Плуснин, 2009]. Ценностные особенности мировоззрения российских чиновников проанализированы в главе И.А. Шмерлиной «Аутопойезис государственности», представленной выше.

Что касается центральной категории нашего исследования – «мировоззрение» (муниципальных служащих), то, как утверждает философски объективированное энциклопедическое определение: «Мировоззрѣние (нем. *Weltanschauung*) есть совокупность взглядов, оценок, принципов и образных

представлений, определяющих самое общее видение, понимание мира, места в нем человека, а также – жизненные позиции, программы поведения, действий людей. Мировоззрение придает человеческой деятельности организованный, осмысленный и целенаправленный характер» [Ойзерман, 2000]. Итак, мировоззрение может представлять собой композицию разноуровневых и разнонаправленных особенностей – таковые у архангельских муниципальных чиновников мы попробуем проанализировать по следующим трем направлениям: историко-культурные, политико-идеологические и профессионально-должностные особенности. Расположив мировоззренческие доминанты именно в такой последовательности, проведем наш анализ по принципу восхождения от общего (общественного) к единичному (личному).

Историко-культурные особенности

В восприятии исторического времени и культуры большинство опрошенных нами чиновников живут прежде всего опытом непосредственно своей и местной жизни, опытом ближайшего советского прошлого. Ссылки на историю (мировую, страны, региона, муниципалитета) в интервью практически всегда ограничивались отправной точкой позднесоветского прошлого, которое респондент застал хотя бы ребенком. Очень редко респонденты упоминали более ранние вехи, и, как правило, такое упоминание носило весьма абстрактно-обобщенный характер; оно выражалось обычно в подчеркивании громадных пространств России (в упоминаниях респондентов – от Черного моря до Байкала), огромного значения для страны влияния Москвы, отчасти Петербурга. Респонденты редко, если их только не подтолкнуть наводящим вопросом, размышляли о влиянии региональной истории на их мировоззрение. Чаще значение региональной специфики озвучивалось в рассуждениях неместных чиновников, приехавших в Архангельскую область из других регио-

нов России. Так, чиновники родом из Вологодской, Ярославской, Курской областей, например, в своих высказываниях сравнивали регионально-культурные особенности Русского Севера и центральных регионов России. Удивительно, но никто из архангельских муниципальных служащих не упомянул, если не с историко-культурной, то хотя бы с политико-идеологической точки зрения, что Архангельская область отличалась старыми и обширными, идущими еще от Великого Новгорода свободолюбивыми традициями местного самоуправления, что здесь, на Русском Севере, никогда не существовало крепостного права.

Вместе с тем размышления на тему «современная Россия и мир» звучали довольно часто. Почти четыре пятых опрошенных чиновников хотя бы раз бывали за границей (в основном в туристических поездках в Турцию и Египет), некоторые представители старшего поколения упоминали, что еще по советским туристическим программам они посещали так называемые «страны соцлагеря»; некоторые муниципальные руководители по программам культурного сотрудничества посещали Норвегию и Финляндию. Респонденты подчеркивали, что знакомство с другими странами, безусловно, расширило их мировоззрение, иногда его культурно травмируя при сравнении с Россией. Хорошо отражает мнение, сходно высказанное также многими другими респондентами, следующая цитата из размышлений муниципальной служащей:

«Моя пока неосуществившаяся мечта – поехать за границу... Не на пляж, нет... как бы ни банально звучало, я хочу в Париж. Мне очень хочется на него посмотреть. Я была один раз в Норвегии, в 96-м году, в командировке. Я когда приехала – молчала три дня, не могла говорить. Поняла, что мы никогда не догоним Европу... Все у них иначе и, может быть, правильнее, чем у нас. Но мы сложно ломаемся, нам

сложно изменить то, что есть. Я потом, конечно, отошла от этой поездки».

Социальное время в сельских и малгородских архангельских муниципалитетах меряют двумя основными веками: от местных выборов до местных выборов (раз в три года) и от праздников до праздников, где центральный – Новый год. Подготовка к тому и другому событиям (выборы и Новый год) отнимает много времени и нервов у муниципальных служащих. В двух соседних райцентрах упоминали о двух знаковых культурных событиях, связанных с новогодней елкой. И в том и в другом райцентре изыскивали средства из скудного муниципального бюджета на установку новогодних елок: в одном муниципальные служащие вложили их в очень большую, пушистую ель, но на основательное крепление ее в центре площади малого города уже средств не хватило, поэтому она в один из вечеров под порывами сильного ветра упала, – жители города критиковали свой муниципалитет за недобросовестность. В соседнем малом городе муниципальное руководство решило закупить и установить искусственную ель, тоже для местного бюджета дороговатую, но в многолетней перспективе должную окупить себя, – это «инновационное» решение вызвало своеобразный раскол в общественном мирозерцании, по словам бывшего мэра города:

«Итак, у нас была искусственная елка, не такая высокая, как хотелось, – денег не хватило, но зато в пластиковых святающихся гирляндах – они у нас тогда только появились. Мне потом люди звонили, те, кто на каникулы приехал, с детьми: “Знаете, приезжаем на площадь Ленина и кажется, что мы в большом городе, почти как в Москве!”. За елку я, конечно, много выслушала и плохого: и что деньги некуда девать, и что мы живем на севере, и искусственная елка не нужна, но больше все-таки положительных отзывов. Все поняли, что это удобно и хорошо».

С точки зрения более стремительных повседневных изменений подчеркивается, конечно, значение информатизации. В одном из успешных в развитии информатизации малгородских муниципалитетов отмечалось, что реальные изменения в ощущении культурной реальности настали во второй половине 1990-х годов:

«Создали информационный Интернет-центр, привлекли внимание большого количества населения – тогда Интернет был мало где, было интересно с ним работать – начались новые течения, веяния. Мы участвовали в конкурсах. Получили грант на интернет-развитие. Хотя 1990-е годы очень тяжелые были, но мы искали новые пути выживания, не только новых информационных объектов культуры. У нас именно в те годы появилось еще четыре народных музыкальных коллектива, хотя раньше ничего не было, кроме Шалакушского народного хора, который еще у Сталина на концерте выступал».

Отмечается, что вокруг современных средств связи и коммуникаций в локальных сообществах происходит перманентная конфронтация между повседневным натиском массовой потребительской культуры и местным стремлением сохранить прежние культурные традиции. И здесь часто в размышлениях респондентов сохранение местных традиций связывается с общей культурной ситуацией в стране, нередко обобщения такого рода:

«Духовное в России и у нас в районе доминирует, но край уже близок, чаша весов в напряжении, если ситуация в ближайшие 5–10 лет... не то, (тягостный вздох)... но это мое мнение».

Понятие духовности чаще связывается с культурой, нежели с церковью. Что касается последней, то большинство респондентов упоминает, что они крещенные, часто уже во

взрослом возрасте – в постсоветское время. Надо отметить, что трое респондентов охарактеризовали сами себя как атеистов, с уважением относящихся к верующим, но не находящих убедительных доказательств бытия божия. Большинство респондентов отмечало, что, являясь крещеными православными, они практически не соблюдают календарь православных обрядов и праздников. В основном церковь они воспринимают как чрезвычайно важный социальный институт, регулирующий социализацию, воспитание, нормы поведения населения. Вот типичное упоминание положительного социального влияния церкви:

«Я знаю двух людей, которых, если бы не церковь, наверное, просто уже их не было в живых, потому что деградация была полнейшая, но церковь их поставила на ноги».

Не социальное, а мистическое значение церкви респонденты почти не упоминали, хотя часто и признавали, что есть какие-то высшие силы, есть «в конце концов» Бог, но отношение к нему высказывалось или почти протестантское (говорилось, что посредничество священника не нужно), или почти языческое (часто упоминались гороскопы, приметы, загадочные мистические случаи). В целом в размышлениях респондентов в самых произвольных пропорциях перемешивались православие, протестантский агностицизм и суеверия. Приведем несколько характерных примеров. Бухгалтер одной из муниципальных администраций малого города упомянула, что в последние годы ей вместе с семьей удавалось дважды летать на отдых – в Турцию и Египет. Всякий раз вся семья спрашивала разрешение и благословение на путешествие у местного священника. По мнению бухгалтера, в первый раз и благословение, и путешествие прошли замечательно. А во второй раз священник как-то не так благословил семью: суетился, времени у него было мало, и потому благо-

словение было какое-то формально-неубедительное. В результате, отметил респондент, во время взлета самолета пилот объявил, что в двигатель попала птица, – самолет вернулся в аэропорт, но в конце концов семья респондента улетела на отдых на другом самолете. Глава другой муниципальной администрации, поясняя свои методы управления районом, за одночасовое интервью четыре раза подчеркнул, что он по гороскопу «козерог», а так как козероги склонны к созиданию, то он стремится за время своего правления районом создать «что-нибудь фактическое», например, он «пробил» включение своего района в областную программу строительства жилья для молодых специалистов, что «подтверждает его козерогову склонность к созиданию».

Оценивая в целом историко-культурные перемены своего времени, многие респонденты подчеркивали тягостное значение депрессивного периода 1990-х годов (как сказал один из них – «времени людей потерянных»), не изжитого до сих пор:

«Да, такое время выпало на нашу долю. Многие потерялись в эти годы. Я знал ребят – по два университета заканчивали, а потерялись, в кочегарке поработали и вообще спились... Чего греха таить? Просто люди потерялись, мы же за 75 лет [советские] привыкли... и переключить выключатель достаточно сложно, это надо вот определенный какой-то внутренний такой мир иметь, чтобы переступить через это, пойти вперед, ничего не бояться».

Кроме того, подчеркивалось и негативное влияние на общество не сокращающейся социально-экономической дифференциации:

«Я всегда стояла на защите малооплачиваемых категорий населения. Ну, говорю, это ж надо быть каким патриотом своей страны, чтобы за 6 тысяч 22 дня в месяц добросове-

стно убирать помещение. А простой инженер, когда говорит, сколько получает, то стыдно... перекося у нас в государстве. Нужна поддержка умов, а то теряем то, чего достигли в трудные годы».

Историко-культурная рефлексия муниципальных чиновников становится более конкретной, переходя на политико-идеологический уровень.

Политико-идеологические особенности

В беседах о политике и идеологии подавляющее большинство респондентов проявляло настороженную сдержанность, часто подчеркивая свою аполитичность, умеренный центризм или даже припоминая, что в законе о госслужбе государственным и муниципальным служащим не рекомендуется высказывать свои политические взгляды. Вот типичное заявление (хотя и косноязычное, но развернутое) муниципального чиновника о его политической позиции:

«Я нейтральный человек...и протестные движения ведь смотря какие. Если они, так сказать, ущемляют права человека, населения – это другое дело. А если протестное движение чисто политическое, то я, например, не против и этого. Я говорю, что я человек нейтральный. Я был в КПСС, значит, тогда [после распада СССР], я принял решение больше не вступать ни в какую партию, потому что это все, так сказать, временное... Нет такой идеологии, какая бы вот, когда в Бога верят, у партии нет такой идеологии, чтобы повести именно конкретного человека за собой до конца. Поэтому не знаю. Нейтрально я отношусь к этому делу [политике]».

Тем не менее большинство руководителей муниципалитетов признают, что являются членами партии «Единая Россия»; двое из опрошенных оказались бывшими членами

«Справедливой России», вышедшими из партии после недавнего внутрипартийного кризиса. Рядовые служащие муниципальных, как правило, беспартийны. О партии «Единая Россия» и ее руководстве респонденты в основном отзывались с умеренным уважением, подчеркивая, что партия стремится поддерживать стабильность в стране. Характеризуя прошедшие думские и президентские выборы, с многозначительной улыбкой муниципальные чиновники подчеркивали: *«у нас выборы прошли как надо»*, т.е. пятидесятипроцентная планка избирательных голосов партией «Единая Россия» и В.В. Путиным была преодолена, что было нетипично для Архангельской области, где «Единая Россия» на думских выборах показала один из самых слабых результатов по сравнению с другими регионами Российской Федерации.

Вместе с тем в интервью были зафиксированы и откровенные оценки респондентов, резко критически относящихся к существующей политической ситуации в стране:

«Нужно дальше развиваться. Люди сейчас требуют реформ. А тот клан, грубо говоря, который пришел в конце 90-х, после Бориса Николаевича, он и руководит. А это скрытая монархия, скрытое политбюро, скрытое ЦК. Как мы жили при Леониде Ильиче Брежнев, так и до сих пор, ничего не поменялось. А люди-то хотят больше демократии... а они как-то остановились. Владимир Владимирович, грубо говоря, почивает на лаврах. Ну, вот страну как бы из разрухи 90-х вывели. Но людям-то этого мало, им больше хочется. А если закостенеть, это просто-напросто у нас все отомрет или разорвет. Ничего хорошего не будет. Ну, сейчас избрали парламент мы, да, на пять лет. Президента на шесть. Это тоже методы ЦК и политбюро – завуалировано. А Владимир-то Владимирович уже 12 лет... это уже срок... А артисты из кожи лезут – народ развлекают. Да,

так и получается, что до сих пор еще, можно сказать, КПСС руководит...».

«Владимирович Путин спокойно свои годы отработал... А доставалось кому? Чиновникам. Они – бюрократы, они все тормозят, они – мздоимцы, они – коррупционеры... Как сидели на нефтяной, газовой игле, так и сидим. Каждый год на каждом совещании, на каждой, там, встрече на высшем уровне говорим, что надо слезать с этой иглы. Ну, а дальше слов-то ничего и нету. Ну что, Сколково создали. Но где, где прорывы? Ну, Глонасс попытались запустить, миллиард – неудачно, все упало. Миллиард выкинули! Но сколько можно было на этот миллиард школ построить, сколько заасфальтировать дорог. Взяли проблему коррупции. Километр асфальтной дороги стоит пять миллионов. По-моему, дороже, чем в нашей стране, нигде нету...»

В интервью задавался вопрос об отношении респондентов к коррупции. Ответ на него часто начинался с насмешливого покачивания головой. Далее причины такого веселого настроения объяснялись, как правило, следующим образом: коррупция исходит из центра, ее источник – в Москве, а в бедных сельских муниципалитетах Архангельского Нечерноземья, где к тому же все чиновники – на виду у местного населения, очень мало ресурсов и возможностей для занятий коррупцией. Но Москва всячески раздувает идеологию борьбы с коррупцией, поэтому на местах все чаще проводятся прокурорские проверки, отнимающие много времени и нервов. Подобного рода антикоррупционная идеология лишь натравливает население на местную власть, отвлекая общественное мнение от истинных масштабов коррупционного бедствия, концентрирующегося в руководстве страны.

Переходя на уровень вопросов местной политики и идеологии, чиновники часто подчеркивали, что в целом политика – дело тяжелое и неприятное, тем более когда она координируется из центра:

«Некоторые вопросы политические в нашей жизни иногда меня шокируют, иногда я их воспринимаю очень болезненно, потому что политика – это само по себе такое дело, достаточно грязное, так скажем, не совсем чистое... К нам на выборы приезжали московские политехнологи и просто зарабатывали деньги, им все равно где и с кем работать, это их хлеб».

В этих сложных политических условиях и приходится муниципальным чиновникам прокладывать свой курс управления местной территорией между вышестоящей властью и населением. Чиновники говорят о том, что необходимо проявлять соответствующую гибкость, твердость и благоразумие, поясняя свой подход метафорами из жизни животных и рыб. Например, одна уже из пожилых руководительниц районного управления сельского хозяйства (бывший зоотехник) так описывает свои взаимоотношения с властью и народом:

«В моей жизни столько было руководителей всякого уровня: и умные, и глупые, и пьющие, и гулящие, и шалящие, и воровские. Главное – остаться по жизни самой собой, какая ты есть. Вот пришел он [начальник] дурак или пьющий, ты что, должна быть такой же? Пришел он такой – ты что, должна спать с ним или гулять? Нравится ему, не нравится – ты останься сама собой. Так же и с народом, что с ним заигрывать, – да ты останься сам собой, любой служащий. Кому-то ты будешь не угоден, а в целом массе будешь понятен. (...) Народ, извините, я всегда говорю, я к этому стаду отношусь так, что оно порой, как масса непонятная».

Глава одного из сельских муниципалитетов, заядлый рыбак, сравнивал свое существование с налимьей борьбой за выживание:

«На рыбалке мне, знаете, не нравилась рыба налим. Она скользкая, верткая. Но поработав главой сельского муници-

палитета, в какой-то степени я начал вести себя, как налим, в отношениях с начальством и народом. Я не знаю, как другие, там, мои коллеги. Но тяжело, если не обладаешь такой изворотливостью, когда тебя за голову, а ты хвостом рычагом уходишь. Тебя за хвост, а ты... как налим, вывертываешься».

Впрочем, эти рассуждения о взаимоотношениях муниципальных чиновников с властью и народом из политико-идеологических особенностей фактически трансформируются в вопросы профессионально-должностные.

Профессионально-должностные особенности

Обычно районные муниципальные служащие имеют разнообразное сельскохозяйственное (аграрные экономисты, инженеры, зоотехники и т. д.) или педагогическое (учителя географии, математики, истории и т. д.) образование. Также в муниципалитетах оказалось несколько отставных военных, руководителей гражданской обороны и специалистов по чрезвычайным ситуациям районного уровня. Выпускников вузов по специальностям муниципальной и гражданской службы в обследованных муниципалитетах не оказалось, но некоторые респонденты упоминали, что на разных курсах и семинарах занимались повышением своей квалификации, например в системе РАНХиГС в Москве, Петербурге и Северодвинске.

В основном респонденты утверждали, что им не хватает знаний и информации в области муниципальной службы, и они с удовольствием приняли бы участие в специальных обучающих семинарах и курсах, которых сейчас существует достаточно много; но, как правило, все они платные, а у местных муниципалитетов нет средств для оплаты учебы. Главная причина нехватки знаний у муниципальных служа-

щих – переменчивость российского муниципального законодательства: они вынуждены постоянно отслеживать разнообразные правовые изменения, касающиеся их сферы деятельности. Отмечалось, конечно, что большим подспорьем в муниципальном самообразовании является Интернет, но во многих сельских муниципалитетах сохраняются серьезные проблемы с интернет-связью и производительностью компьютеров.

Однако переход на Интернет и компьютеризирование информации парадоксальным образом увеличивает бюрократический документооборот по всем направлениям муниципальной деятельности. Чиновники с тревогой и тоской подчеркивали, что требуемая от них отчетность возрастает все более и более, а на расширение муниципальных штатов, которые бы занялись ее подготовкой, у муниципалитетов нет средств. Вот как эта проблемы выглядит в изложении одного из глав районной администрации:

«Ну, допустим, решили сделать, чтобы все было открыто, вся деятельность учреждения, и получается: создаются эти ИАС [Информационные автоматизированные системы] – электронная база данных, которую надо постоянно заполнять. Наряду с этим мы говорим о том, что, извините, вот есть норматив на содержание учреждения, Есть норматив на содержание аппарата управления, дополнительно людей в него набрать нельзя. То есть, если мы на одного человека вешаем, вешаем, вешаем всю эту отчетность, то все у нас приходит к тому, что в сельском муниципалитете три или четыре человека работающих, а мы с него [муниципалитета] требуем каждый год все больше, больше, больше информации. Поэтому, если в 2005 году в главы муниципальных администраций шли более-менее охотно, если в 2008 году шли уже с оглядкой, то вот прошло четыре года, и только один из действующих глав

сельской администрации пошел на следующий срок. Остальные сказали: “Спасибо. Нам больше такого не надо, когда за нами каждый день контролирующие органы – то правоохранительные, то прокуратура, то Госпожнадзор, то Роспотребнадзор...”. То есть эти проверяющие организации постоянно ходят по кругу, все чего-то проверяют, протоколы, акты и так далее...»

Весь этот наплыв требований по отчетности сверху происходит на фоне постоянного и серьезного бюджетного дефицита. Подавляющее большинство сельских и районных бюджетов муниципальных образований дефицитны на 80 и более процентов, имеют длинную долговую историю. Вот как упомянул один из глав районной администрации о своем опыте борьбы с бюджетным дефицитом:

«Да, 19 миллионов рублей – наш дефицит бюджета. Я по прошлому году почти выкаббался, а когда я пришел сюда, у нас было долгов где-то порядка 115 миллионов, ну, разного там уровня. Я где-то 50% этих долгов загасил. Но меня тянет не это, если уж конкретно о нашем бюджете разговаривать. Меня тянет то, что ко мне еще на сегодняшний день приходят долги моих предшественников. На мою голову недавно свалилось еще 16 миллионов рублей».

Бюджетный дефицит фатальным образом ограничивает мировоззрение и деятельность муниципальных служащих:

«В работе чиновника большая зависимость от внешних бюджетных условий. Можно убиться и напридумывать много интересных программ, всего сделать, а потом понять, что там тебе денег не дали, и там... а без денег, как бы там ни говорили, ничего не получится, деньги важны».

Районные муниципальные чиновники могут долго рассказывать о том, как много у них имеется самых разнообраз-

ных программ по социальным вопросам, по культуре, по образованию и т. д., при этом постоянно добавляя, что на все эти программы денег не хватает. В таких условиях чиновники ведут себя по-разному: некоторые фактически плывут по течению, объясняя, что в условиях тотального бюджетного дефицита являются заложниками существующей ситуации и потому ничего изменить не в состоянии, а так «работа ведь все равно идет потихонечку». Более ответственное меньшинство, тем не менее, полагает, что не надо тогда было и приходить в муниципальную службу, если ты ничего изменить не в состоянии. В муниципальных чиновничьих рассказах приводится много примеров как добросовестного, так и не очень добросовестного муниципального сознания. Например, в одном нищем сельском муниципалитете глава администрации приняла решение отключать свет не в полночь, а в восемь вечера, потому что все равно в это время народ деревенский по улицам не ходит, а сидит по домам. В результате на экономии электричества удалось скопить несколько тысяч рублей и на эти деньги почистить местный засорившийся колодец, обеспечив население свежей водой. Другая глава сельской администрации вызвала к себе комиссию из области, чтобы посмотрели на местный детский сад, находящийся в аварийном состоянии. Комиссия согласилась, что здание сада в ужасном состоянии, но поинтересовалась, почему при входе в детский сад разлиты помои (могли бы их хоть убрать, зная, что комиссия приедет). На что местная глава администрации ответила, что на это уже и внимания не обращает, а лишь помнит, что ей 52 недели осталось до того, как она, наконец, уйдет на пенсию со своей должности.

В условиях скудости материальных ресурсов и возрастающих требований по отчетности во взаимоотношения администраций районных городов и районов часто возникают конфликты, связанные с амбициями передела ресурсов и зон

ответственности муниципальных учреждений. Иногда это приводит к долговременному расколу местных властных элит, деструктивно влияя на муниципальную политику и экономику в целом:

«Это у нас разросся конфликт между уровнями муниципальной власти, аж до втянутости в него депутатов областного собрания. И раскол у нас происходит все дальше. Я с ужасом думаю, что будет в следующем году. Понимаю, что ответственный и грамотный человек на главу района в таких условиях просто не пойдет».

Подобного рода конфликты между администрациями города и района – не единичная, а распространенная ситуация, которую наиболее проникательные чиновники объясняют самой логикой 131-го Федерального закона «Об общих принципах местного самоуправления», по которому в настоящее время и живет муниципальная служба. 131-ый закон, введенный в Российской Федерации в 2006 году, не получил в интервью положительных отзывов со стороны муниципальных служащих, зато отрицательных мнений о нем было высказано немало. Суммировать их в определенной степени может следующее высказывание одной из заместителей глав районной администрации:

«То, что мы сегодня хлебнули с этим 131-ым законом – мы все стали самодостаточные, будь то сельское поселение или городское, район. Но это не самодостаточность, это возникла такая иерархия вседозволенности и всераспущенности».

Ей во многом вторит глава администрации другого муниципального района:

«Знаете, может быть, да, замыслы хорошие были с этим 131-м законом, но мне кажется, это лично мое мнение, не

надо было ломать предыдущую систему местного самоуправления. Она работала. Небольшие корректировки просто надо было внести в нее, пусть бы она работала. А было поломано все на раз, и как бы новое, но оно не работает, это я вам честно говорю. Это тормозит наше развитие, это на сегодняшний день – полнейший бардак в муниципалитетах, никто ни за что не отвечает, ни с кого ничего не спрашивают. И никто никому не подчиняется!»

В условиях неудобноносимого бремени 131-го и ряда других законов, регулирующих муниципальную службу, особенно острой становится проблема муниципальных кадров. Многие респонденты в своих размышлениях формулировали гипотезу обухудшающемся кадровом отборе в муниципалитетах. По сравнению с советскими (партийными) временами туда можно включить даже слишком много людей, но это понизит в целом качество кадрового резерва. Областной закон Архангельской области позволяет ужесточить требования к кадрам, например, можно ставить условие, чтобы в кадровом резерве находились только претенденты, имеющие соответствующее образование – «государственная или муниципальная служба», но таковых пока еще очень мало, в результате можно вообще без резерва остаться. К тому же, по мнению служащих, качество постсоветского образования является очень низким как по специальностям «государственная или муниципальная служба», так и по другим специальностям:

«Система образования сменилась. Я за то, чтобы была определенная базовая грамотность. Приходят к нам на практику из вузов – из Архангельска, из других регионов... я просто поражаюсь, как сейчас обучают в высших учебных заведениях. Я в шоке немножко».

Многие служащие подчеркивали, что до сих пор работают на основе тех знаний, которые были заложены в совет-

ских школах, техникумах, вузах. Как упомянул один из глав муниципальной администрации, побывав на курсах муниципальной переподготовки в Петербурге: *«Мы там все кроссворды, то есть тесты решали, – ну, разве это образование».*

Учитывая также, что, с одной стороны, зарплаты муниципальных служащих невысоки, а с другой стороны, в сельских районах существуют проблемы с трудоустройством, часто муниципальное руководство подбирает персонал по клановым связям, личным знакомствам и принципу преданности. Одна из принципиальных служащих муниципального районного уровня так описывает складывающуюся ситуацию:

«Я даже нашему главе писала заявление об уходе. Я и ему, и всем говорила – окружайте себя не удобными людьми, а профессионалами, потому что удобные люди безграмотны и всегда вас где-нибудь подставят. А профессионалы, пусть они и трудные, будут работать лучше, не сокрут, будут ответственны, создадут репутацию. А угодники будут смотреть руководителю в рот, потому что они к делу равнодушные. Мне странно, что к нам стали попадать такие люди... у нас кого только нет...»

Особая тема в размышлениях муниципальных чиновников – их взаимоотношения с государством и бизнесом. Многие из респондентов, имеющих длительный стаж работы в местных органах власти, подчеркивали, что по сравнению с позднесоветскими временами и 1990-ми годами им стало труднее общаться, например, с областными органами государственной власти:

«Раньше и в районные, и в областные органы власти легче было, проще войти, поговорить о наших местных проблемах. А сейчас, посмотрите, в нашем областном здании губернского руководства везде на каждом этаже охрана в форме с синими околышками на фуражках стоит, как в ки-

нофильме “Семнадцать мгновений весны”. Двери внутри капитальные, видеокамеры. Ни в какой кабинет без предварительной договоренности не заглянешь. Госчиновники сейчас сильно отгородились и от нас, и от народа».

На местах у муниципального руководства отмечается невозможность каким-либо образом повлиять на крупный бизнес, как правило, связанный с государственными органами в области и Москве. Один из глав сельской администрации приводил пример, что на территории его муниципалитета построен газопровод, который снабжает газом даже Архангельск. У района нет средств, чтобы подключиться к этому газопроводу и провести районную газификацию. Но раньше газовики хотя бы платили налог в муниципальный бюджет за прохождение газа по данной сельской территории в размере 2,5 млн рублей в год. Недавно произошли изменения в кадастровой стоимости оплаты газопровода в лесистой части территории. В результате газовики платят муниципалитету лишь 50 тысяч рублей в год. Для маленького сельского бюджета это привело к сокращению его дохода почти на 50%. По мнению главы, из-за этих налоговых взаимоотношений даже спорить бесполезно – невозможно тягаться сельскому муниципалитету с госкорпорацией «Газпром».

В связи с этим примером следует также упомянуть очень беспокоящую муниципальных служащих политику укрупнения и концентрации территорий и их ресурсов, проводимую в последние годы государством. По мнению муниципалов, так управлять легче всего: от укрупнений создается впечатление, что произошло эффективное перераспределение ресурсов, но на местах это, как правило, означает лишь дальнейшее усиление деградации сельских территорий.

Как ни важны отношения муниципалитетов с государством, но еще важнее оказывается повседневное общение с местным населением. Муниципальные служащие отмечали, что

население к ним относится в целом, как и по всей стране ко всем чиновникам, скорее негативно, чем позитивно. Подчеркивая, что муниципальный служащий должен быть открытым, вежливым во взаимоотношениях с гражданами, оперативно реагировать на их запросы, тем не менее, местные чиновники полагают, что у них фактически нет ресурсов, чтобы удовлетворять повседневные запросы населения, связанные прежде всего с жилищно-коммунальным хозяйством и благоустройством. Один из глав районной администрации привел такой типичный пример конфликта в области решения жилищного вопроса на местах:

«Возьмем пример – переселение из ветхо-аварийного жилья. Человек идет в суд, признает свою квартиру непригодной для проживания. Суд выносит положительное решение – да, непригодно, обязует муниципалитет предоставить человеку квартиру. У муниципалитета нет денег купить ему жилье и исполнить судебное решение. Человек идет жаловаться дальше. Для главы поселения, в связи с неисполнением им судебного решения, все это может обернуться уголовным преследованием. Вот такие финансовые тонкости».

На напряженные взаимоотношения муниципальных служащих с населением влияет и процесс маркетизации социальных услуг, т. е. перевод их на рыночную основу стремления к прибыли. Особенно болезненно это ощущается в области образования и здравоохранения. Вот типичный пример рассуждения главы администрации о положении дел в муниципальном здравоохранении:

«Главный врач районной больницы сегодня мне не может гарантировать даже своевременной оплаты коммунальных услуг. Врачи поставлены в ситуацию, когда больница должна что-то заработать. Что значит заработать в условиях, когда половины врачей не хватает, оборудование, извините

меня... У нас нет возможности предоставить такое количество жилья, которое необходимо для врачей. На выживание бросили муниципальное здравоохранение. А у нас, что в здравоохранении сейчас самое главное получается? Получается главное – чтоб ты болел. То есть не профилактика заболеваний, а чем больше ты болеешь, тем выгоднее для больницы. И выражение – “За Ваши деньги... Вы больны настолько, насколько у Вас хватает денег” – остается у нас актуальным».

В этих условиях муниципальные служащие переживают перманентную тревогу и фрустрацию. Находясь между молотом центральных государственных распоряжений и накопительной общественности местного населения, их мировоззрение действительно, подобно упомянутому поведению северной рыбы налима, стремится выскользнуть из неблагоприятных обстоятельств окружающей действительности. В своих рассуждениях и чаяниях муниципальные служащие часто обращаются к спасительным заводям личной семейной жизни, надеясь там обрести покой от трудных и нерешенных вопросов – не только муниципальной, но прежде всего государственной политики.

Литература

1. Вестник. Специальное издание министерства по региональной политике и местному самоуправлению Архангельской области. Декабрь, 2011.
2. Линднер, П., Мозер, Э. (Де)централизация сельской России: местное самоуправление и «вертикаль власти» // Вторая Россия: самоорганизация и дифференциация. М.: Дело, 2012.
3. Местное самоуправление и гражданское участие в сельской России. Проект Всемирного Банка Реконструкции и Развития. М., 2008.
4. Кузнецова, Т.Е. Возрождение промыслового хозяйства в современной России – важнейшее направление использования ее

- пространственного потенциала // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация. М.: Дело, 2012.
5. Никула, Й., Копотева, И., Ниска, И. Социальные инновации и социальное партнерство как механизмы местного развития // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки. 2011. Вып. 6 / Под ред. Т. Шанина, А.М. Никулина, И.В. Троцук. М.: Дело, 2011.
6. Ойзерман, Т.И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М.: Мысль, 2000.
7. Плюснин, Ю.М. Общественная активность населения малых городов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 1.
8. Плюснин, Ю.М. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей (Опыт феноменологического исследования). М.: ЦПИ МСУ, 2009.
9. Покровский, Н.Е., Нефедова, Т.Г., Бобылев, С.А., Дроздов, В.А., Гунько, М.С.. Теоретическая концепция Угорского проекта. Перспективы устойчивого развития Ближнего Севера России: экология, культурное наследие, новые поселения [электронный ресурс]. Дата обращения 15.07.2013. URL: <<http://www.ugory.ru/teoriya.htm>>.
10. Региональное развитие и региональная политика России в переходный период / Под общ.ред. С.С. Артоболевского, О.Б. Глезер. М.: МГТУ, 2011.
11. Скотт, Дж. С. Благими намерениями государства. М.: Университетская библиотека, 2005.
12. Тюрин, Г.В. Опыт возрождения русских деревень. М.: Поколение, 2007.
13. Сводный доклад о результатах оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Архангельской области по итогам 2011 года. Правительство Архангельской области. Архангельск, 2012.

В.Г. Виноградский**«Орудия сильных»: инструментализм
в двух поколениях провинциальных
чиновников Саратовской области**

В интервью газете «Ведомости» (23 октября 2012 года) Владислав Сурков, на тот момент заместитель председателя правительства России, довольно много и заинтересованно размышляет о современном российском чиновничестве. Среди прочего он отмечает, что «чиновники – это класс очень умных, высокого качества людей». И добавляет, подчеркивая важность деятельности этого человеческого «класса»: чиновничий аппарат – это «машинное отделение власти».

Характеристика, как видим, весьма впечатляющая, образная и многозначительная. И чтобы ее подтвердить, обосновать и наполнить живым содержанием, попробуем подробнее рассмотреть различные компоненты и сочленения этой государственной машины, разного рода узлы и механизмы, с помощью которых она производит собственный властно-управленческий продукт. Для такого анализа у нас имеется достаточно полновесный информационный ресурс, – социологический материал, возникший как итог целенаправленных научно-аналитических усилий.

Сбор данных

В Саратовской области основное интервьюирование было проведено в течение августа 2012 года. Достаточно информативной оказалась уже сама стартовая, предварительная организационная процедура социологического опроса. После того как в областной администрации уяснили цели и задачи

интервьюирования, и на московском письме-просьбе появились соответствующие начальственные резолюции, управленческое колесо завертелось без заметных сбоев. Заместитель начальника управления кадров областной администрации, достаточно молодая выпускница социологического факультета местного университета, стремительно выяснила наши пожелания по выборке, тотчас же позвонила по первым в составленном списке телефонам. Работа началась.

Но сразу же произошел первый (и, пожалуй, единственный!) организационный сбой. И об этом следует сказать с самого начала, так как позже (очевидно, в результате срочно принятых мер в виде немедленной административной оплеухи) ничего подобного не наблюдалось. Так вот: возникла ситуация коллективного и в определенной степени демонстративного отказа от интервьюирования, – несмотря на явное давление начальства. Услышав от нас, что согласие на интервью – дело, в принципе, добровольное и поняв это по-своему, несколько чиновниц среднего и низшего звеньев областной администрации, переглянувшись, прокашлявшись, чтобы потянуть паузу, с театральной смущенностью отказались от процедуры записи интервью. Причем одна из них с деланной нерешительностью, чуть ли не шепотом проговорила, что в их положении «молчание – золото». На наших глазах мгновенно образовалось некое подобие инстинктивно согласованной чиновничьей омерты. Этот эпизод был крайне неприятен психологически, но, одновременно, весьма информативен социологически – если спроецировать данный факт на криминальные социальные практики, налицо несомненная типичность, многозначительность и оборонная превентивность подобного коллективного молчания. Чиновники нередко открыто играют в административную «несознанку».

Однако после того как мы рассказали об этом происшествии нашему куратору из управления кадров областной ад-

министрации, ни одного случая отказа не возникало. Наоборот, – некая предупредительная готовность к социологической процедуре всячески демонстрировалась. Ласковые улыбки и даже некий восторг явились той этической атмосферой, которая накрыла интервьюеров в течение всего полевого этапа. Однако обратной стороной этой взвинченной и навязчивой вежливости явился, как мы теперь понимаем, нескрываемый, явный уход от прямых ответов, очень аккуратное формулирование мыслей и почти полное отсутствие того, что называется феноменологией – примеров, фактов, живой, невыдуманной, шевелящейся «социологической плоти». Обращает на себя внимание систематическая божба и клятвенность. Типичный жест – постоянное прикладывание рук к груди, который принято распознавать как невербальный сигнал предельной откровенности. «Я всё честно говорю», «я вам правду говорю...», «поверьте!..» и прочее. Такая навязчивая манера в наше скептическое время нечаста и поэтому настораживает.

Все сказанное относится прежде всего к саратовским чиновникам уровня областной администрации. Городские социально-культурные практики (стандартизированные и обезличенные в силу множественности человеческих контактов), взятые в их коммуникативном развороте, в среде местного чиновничества педалированы порой до карикатурности. Всё по-служебному четко, функционально и лаконично. Жизненных полутонов, сомнений, уточнений, размышлений, нерешительных почесываний в затылке – нет. Зато в наличии выпрямленность и плакатность. Что касается районных и сельских администраций, то картина несколько иная – и об этом будет сказано в своем месте.

Общей целью всей работы было своего рода выборочное сканирование жизненных взглядов государственных служащих (чиновников) и их представлений о текущей повседнев-

ности. Ясно – подобного рода исследование должно быть предельно аккуратным по содержанию затрагиваемых тем и сюжетов. Оно также должно быть максимально доброжелательным и сочувственным по тону – как задаваемых вопросов, так и всего диалога интервьюера и респондента. Такая сочувственность и психологическая бережливость по отношению к собеседникам-чиновникам диктуется прежде всего потребностью снять, редуцировать, процедурно завуалировать репутационную предвзятость относительно данной социально-профессиональной группы.

Негативное отношение к чиновнику

В общественном мнении понятие «чиновник» выглядит заведомо негативно.

Подобного рода исходное позиционирование изучаемой проблемы не есть продукт чисто оценочного происхождения. Раздраженность и негативизм в отношении чиновничества давно и прочно зафиксирован в языке.

Поэтому, как и положено, начнем как раз с лингвистики, с языка. То есть с тех определений и характеристик чиновничества, которые фиксируются словом, определением, дефиницией, кратчайшей речевой суммировкой.

Надо сказать, что как современные, так и имеющие традицию, старинные, годами переиздающиеся словари с удовольствием посвящают «чиновнику» пространственные словарные статьи. Одновременно словари (если принимать во внимание их оценочный потенциал) не слишком жалуют понятие «чиновник», – особенно если принимать во внимание соответствующие синонимические облака. Вот приведенный в алфавитный порядок список русских синонимов к слову «чиновник». Из 26 пунктов только три являются, на наш взгляд, нейтральными (они выделены жирным курсивом). Итак: 1) **буквояд**, 2) **бумажная душа**, 3) **бюрократ**, 4) **волохитчик**,

5) *государственный служащий*, 6) *должностное лицо*; 7) канцелярист, 8) канцелярская крыса, 9) копиист, 10) крапивное семя, 11) подъячий, 12) приказная строка, 13) приказный крючок, 14) сановник, 15) службист, 16) столоначальник, 17) стряпчий, 18) фискал, 19) *функционер*, 20) чернильная душа, 21) чернильная крыса, 22) чин, 23) чинодрал, 24) чинуша, 25) экзекутор, 26) ябеда.

От словаря синонимов обратимся к словарям толковым. «Чиновник» в словаре Т.Ф. Ефремовой: 1) Государственный служащий. 2) *перен.* Тот, кто относится к своему делу с казённым равнодушием, формально; бюрократ [Ефремова, 2000]. «Чиновник» в словаре Д.Н. Ушакова: 1) Государственный служащий (*дореволюц., загр.*). Крупный чиновник. Мелкий чиновник. Довольно командовали помещики, земские начальники и всякие чиновники над крестьянами! Ленин. 2) *перен.* Человек, относящийся к своей работе с казённым равнодушием, без деятельного интереса, бюрократ (*укор.*). Это не администратор, а чиновник! Чиновникам нет места на советской работе [Ушаков, 2000]. «Чиновник» в словаре С.И. Ожегова: 1) Государственный служащий (в России до 1917 г. обязательно имеющий один из служебных разрядов табели о рангах). Правительственный ч. Военные, полицейские ч-и. Крупный, мелкий ч. 2) *перен.* Человек, к-рый ведёт свою работу равнодушно, без интереса, бюрократически [Ожегов, 1992]. Таким образом, прямое значение понятия «чиновник» непременно и автоматически дополняется толкованием переносного значения, и это последнее выступает, как правило, с явной негативной коннотацией.

Обратимся к европейским языкам. Вот как выглядит перевод лексемы «чиновник» на английский язык в русско-английском словаре под руководством проф. Смирницкого:

Чиновник, official; functionary; (бюрократ) bureaucrat [Смирницкий, 2004]. Перевод слова «чиновник» на итальян-

ский язык в большом русско-итальянском словаре имеет следующий вид: Чиновник, *м.* 1) *funzionario, ufficiale*, государственный чиновник – *pubblico ufficiale, funzionario dello Stato*. 2) *мн. Собир.* чиновники *statali м. pl.* 3) (бюрократ) *burocrate* [Альдо Канестри, 2011]. Перевод «чиновник» на немецкий язык в русско-немецком словаре по общей лексике: Чиновник, *м.*, 1) *Beamtesub м.* 2) *перен.* (бюрократ) *Bürokrat м.*, *Beamtenseele f.* [Цвиллинг, 2005]. Перевод «чиновник» на французский язык в большом русско-французском словаре: Чиновник, *м.*, 1) *fonctionnaire м.* 2) *перен.* *bureaucrate м.*, *pape-rassier м* [Муллаева и др., 2007]. Перевод «чиновник» на испанский язык в большом русско-испанском словаре: Чиновник, *м.* 1) *funcionario м.*, *empleado público*. 2) *перен.* *burócrata м.* [Туровер, 2001]. Как можно убедиться, в основных европейских языках негативизм и критичность по отношению к представителям государственной машины выражаются в подчеркивании именно бумажно-бюрократических, заведомо далеких от реальности, офисно-конторских сторон и мизансцен профессиональных практик чиновничества. Разумеется, мы можем погрузиться и в синонимические облака в перечисленных европейских языках, но можно предположить, что вряд ли в них наберется столько же слов и обозначений, как в русском языке. О чем все это может свидетельствовать? Видимо, о том, что чиновник – изначально фигура двойственная. С одной стороны, – это слуга народа, наемный менеджер, организатор, функционер и проводник в сфере отношений между государством и обществом, «машинное отделение власти»; с другой – это противник, не-партнер, надсмотрщик, контролер, экзекутор и в конечном счете – недруг. Таково общее представление. Попытаемся рассмотреть различные стороны и опосредствования такого рода практик и отношений, опираясь на материалы, полученные в ходе интервьюирования чиновного люда в Саратовской области.

В ходе исследования нам пришлось взаимодействовать в основном с двумя возрастными группами государственных и муниципальных служащих. Именно сосуществование в едином властном пространстве области двух смежных поколений задает ряд содержательных и довольно выразительных параметров современного провинциального чиновничества как управленческого инструмента федеральной власти. Рассмотрим этот сюжет подробнее, опираясь на материалы интервью.

Начнем с того, что в ходе выборки – когда мы формулировали свои пожелания по поводу пола, возраста и ранга респондентов – стало заметно систематическое стремление кадровых служб, что называется, «подсунуть» в качестве информантов чиновников со стажем, людей бывалых, опытных, заслуженных, отмеченных различного рода наградами. На первый взгляд, такого рода позиция понятна и извинительна – представитель любой корпорации стремится показать товар лицом. Впрочем, наши просьбы по поводу более широкого круга встреч с чиновничьей молодежью выполнялись – но с заметными раздумьями, с трудом, с очевидным взвешиванием и предварительной внутренней экспертизой. Последнее, в частности, выражалось в откладывании решения проблем выборки представителей молодого поколения госслужащих на некоторое время, чаще всего – на следующий рабочий день. «Мы вам этот вопрос позже уточним...». После того как полевой этап был завершен, и мы занялись систематизацией полученных интервью, описанные выше обстоятельства нашли некое истолкование, обрели собственную смысловую глубину. Говоря обобщенно, мы склонны полагать, что в формах и повседневных практиках работы смежных чиновничьих поколений становится заметными и понятными некоторые важные черты роста, развития и неотвратимого «переналаживания» российской государственной машины. Два чиновничьих мира, две разных когорты, сосед-

ствуя и взаимодействуя, скрытно, незаметно и порой неосознанно для самих себя борются и наступают друг на друга, демонстрируя несхожие побудительные мотивы и различные социально-профессиональные практики.

Старая гвардия

Начнем с со старшего поколения. Базовый слой современных областных чиновников образован людьми, возраст которых укладывается в интервал 48–58 лет. Причем наиболее заметными функциональными фигурами здесь являются мужчины и женщины раннего предпенсионного возраста. Женщины в возрасте 49–53 лет, мужчины – 52–58 лет. Средний стаж их работы во властных структурах составляет 16–20 лет. Таким образом, это поколение чиновников «заступило» на государственную службу в тот момент, когда им было в среднем по 32–36 лет. Они – далеко не новички в различные житейских и профессиональных перипетиях. Это возраст, в котором человек уже прошел определенную профессионально-деловую дистанцию и приобрел некоторые социально-житейские и политические знания. На историческом календаре их приход в чиновничье-управленческие структуры совпадает с засечкой 1992–1996 годы. Итак, что это за люди? В чем состоят особенности их дороги во власть? Каков их феноменологический портрет – социально-профессиональный, нравственный, политический, дискурсивно-риторический? Попытаемся ответить на эти и смежные с ними вопросы на примере одной из типичных представительниц старшего поколения госслужащих областного уровня (фрагмент 1).

Фрагмент 1

Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года

«В настоящее время я являюсь референтом отдела контроля и делопроизводства Управления по работе с обращениями граждан Правительства области. Работаю в Прави-

тельстве шестнадцать лет. Была я и начальником Управления, и начальником данного отдела. Сейчас я – референт...»

Специфичность работы в данном подразделении областного правительства заключается в том, что это своего рода «передовая», по ту сторону которой – народ. Самые разные представители населения как областного центра, так и губернской глубинки. Обращения, письма, просьбы, жалобы, анонимки, доносы, еженедельные личные приемы, которые проходят чаще всего в обстановке обид, недоразумений и скандалов. Неслучайно в центральном холле Управления дежурит не один, а два представителя службы безопасности, которые одновременно выполняют первичные консультационные функции (объясняют посетителям порядок и нормы поведения в стенах учреждения). Стиль поведения этих стражей порядка заметно отличается от того, который наблюдается в иных управленческих офисах. Несомненно, это – специально обученные люди. Каким образом референт попала на госслужбу? Как и многие прочие представители старшего поколения, она пришла во власть из своей основной, исходной, «вузовской» профессии (фрагмент 2).

Фрагмент 2

Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года

«До прихода на работу в госслужбу я работала педагогом, двенадцать лет. Школьным учителем... Образование получила высшее, и сразу после окончания университета, это был самый престижный по тем временам механико-математический факультет, я по распределению пошла работать в школу. А как я устроилась на нынешнюю мою работу? Меня просто пригласили... Надо сказать, – это не было моим желанием. Я всегда стремилась получить клас-

сическое университетское образование и заняться научной работой. Но жизнь меняется. Я не представляла после окончания вуза, что я приду на государственную службу. Правда, я всегда была активисткой. И в школе, и в университете. И так получилось, что я сначала работала в Штабе по взаимодействию со школами и вузами. Была такая структура в те годы... И когда я там поработала, показала себя, получила опыт, – меня пригласили возглавить областную общественную приемную. И я в 1996 году работала в общественной приемной по выборам президента Ельцина. А потом – губернатора. Эта приемная заняла одно из первых мест, даже была награждена. И в этот момент меня заметил Вячеслав Викторович Володин – он возглавлял Штаб по выборам президента Ельцина. Заметил и пригласил на госслужбу, в это Управление».

Следует подчеркнуть, что в разговорах с чиновниками старшего поколения – когда мы их спрашивали о генезисе их служебной карьеры – многие особенно подчеркивали то обстоятельство, что они пришли в государственную службу, что называется, «от сохи», оттолкнувшись (в позитивном смысле) от своих прежних специальных профессиональных занятий. Представляется, что этот повторяющийся факт специфически характеризует когорту чиновников, которые пришли во властные подразделения в начале 1990-х годов, в их первое пятилетие, и их приход совпал с двумя социальными сдвигами – общественным демократическим подъемом начальных девяностых и, одновременно с этим, процессом смены прежней, партийно-коммунистической управленческой элитой и ее рядовыми и среднего звена функционерами. И эта специфическая характеристика может быть сформулирована следующим образом – несмотря на солидный стаж работы этих людей во власти, несмотря на их профессиональный и управленческий опыт, они продолжают быть теми же «активистами», общественниками, волонтерами, любите-

лями, просветителями, каковыми являлись во дни и годы своих чиновничьих занятий, и затем (в силу именно этих качеств) призваны в управленческие структуры. Например, пятидесятивосьмилетний референт Министерства образования области, пришедший во власть из университетско-учительской среды, отвечая в ходе интервьюирования на вопрос – «А посредством чего чиновник работает? Каков инструмент работы чиновника?» – разворачивает типично просветительскую аксиоматику, дискурсивно нестандартную, звучащую не совсем обычно на фоне типовых высказываний современных управленцев (фрагмент 3).

Фрагмент 3

Референт министерства образования области,
муж., 58 лет

«Каков инструмент нашей работы? ...Ну, во-первых, это кругозор. Во-вторых, постоянная подпитка информацией – ты постоянно должен быть в курсе всех дел. Тут, знаете, как у нас, в Министерстве образования (это я о себе), – ты все равно выступаешь как учитель. А учитель, если он встречается с аудиторией, он должен быть подготовленным. Поэтому я стараюсь постоянно – и книги читаю, и журналы просматриваю, и из интернета информацию черпаю. В общем, я стараюсь быть в курсе всего и вся для того, чтобы знакомиться с новыми идеями, ну, и самому претворять их в жизнь...»

Каков «градус амбициозности» старой чиновничьей гвардии? Как они обычно итожат свою служебную биографию? Сделали ли они себе карьеру в ее современном понимании? Рассматривая эту сторону чиновничьего мира, заметим, что когда в ходе интервьюирования звучал вопрос из гайда «Назовите наиболее значимые события в Вашей карьере...», представители старшего чиновничьего поколения да-

же как-то отшатывались от него. И причина заключается во- все не в скромности функционеров, стесняющихся обозначить собственные служебные триумфы. Дело в том, что в чиновничьей среде (прежде всего старшего поколения чиновников) само понятие «карьера» – неэтично и порой просто запрещено. О ней постоянно заботятся, но говорить об этом не принято. Явную, заметную невербальную реакцию наших собеседников можно было расшифровать так: «Да что вы, – какая там карьера!», «Мы – не карьеристы совсем...» Некоторые (в особенности работники отраслевых Министерств) даже горько усмехались, прежде чем начать отвечать. Эта знаково-риторическая реакция, на наш взгляд, неслучайна. Для этого поколения само понятие «карьеры» звучит не совсем прилично. Здесь, как нам кажется, оживают и функционируют идеалы, восходящие к аксиоматике советско-коммунистического наследия – демонстративная скромность, самоотверженность, служение высокому долгу (фрагмент 4).

Фрагмент 4

Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года

«Я никогда в жизни не ставила центральной целью служебную карьеру, движение вверх. В моем характере больше исполнительства. Я хороший исполнитель. И только...»

Представляется, что в данном случае наша собеседница несколько лукавит. Это, как можно понять из контекста всей беседы, – «унижение паче гордости». Дело в том, что в нынешнее Управление по обращениям граждан пришла новая волна сотрудников. Одновременно целый ряд прежних функционеров были уволены: «Когда пришел новый губернатор, пришла молодежь новая. И я была рада передать мой опыт своим молодым коллегам». Однако эта «передача опы-

та»выразилась прежде всего в заметном служебном понижении – из Начальника Управления в референты. В начальство пошла вновь призванная молодежь.

Отношение к молодежи вообще, а также и к той молодежи, которая представляет собой «трудовые резервы» чиновничества, которая объективно подпирает и постепенно вытесняет из властных структур представителей старшего поколения – именно это отношение выразительно демонстрирует параметры несогласованности, расхождения, даже некоторого разрыва поколений. Хотя данный сюжет в его информационной развернутости и феноменологическом проявлении не был специально и непосредственно заложен в программу интервью, многие респонденты эту проблему затрагивали и она получала освещение. Посетовать на тяжкую служебную судьбу чиновников со стажем и одновременно попенять молодым функционерам на их демонстративную амбициозность и легкомыслие – так можно суммировать повторяющиеся в целом ряде интервью сюжеты. Вот каким образом на проблему отношений с чиновничьей «молодой гвардией» вышла референт, – именно тогда, когда мы попросили ее подробнее рассказать о ее нынешней служебной функции (фрагмент 5).

Фрагмент 5

**Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года**

Р.: Я в данный момент работаю в отделе писем. И среди входящих писем я вижу, что есть в числе их авторов такая категория людей, которые размышляют о политической жизни страны и связывают ее с политической жизнью других стран. Но таких авторов – я их называю философами – достаточно мало. В основном люди обращаются во власть с меркантильными, будем так говорить, вопросами. С просьбами чисто для себя. Уж не буду перечислять темы....

Тем не менее такие люди, которые рассуждают, которые вносят некоторые предложения, – они очень часто сравнивают нынешнюю Россию с социалистическим Советским Союзом... Но – назад дороги нет! Это понятно, хотя ностальгия чувствуется. Пишут такие письма обычно люди пожилого возраста. А молодежь – она не философствует. Я от молодого поколения таких писем не получала. Единственное, о чем постоянно пишет молодежь, так это о трудоустройстве. И не куда-нибудь, а именно – на государственную службу.

И.: А что, много желающих прийти сюда на работу?

Р.: Много. И очень...

И.: Но у вас же не очень большие зарплаты, так ведь?..

Р.: Да-да... Мне кажется, большая часть молодежи хочет построить карьеру. И считает, что карьеру можно построить, работая именно на государственной службе. И это типично для нынешних молодых людей. Я помню, что нас еще в то время, в советские годы, воспитывали несколько иначе. Был такой лозунг в мое время – «Не высовываться!» В общей массе. А сейчас воспитание совсем иное – надо обязательно достичь какой-то высокой планки, показать себя. И такой молодежи стало сейчас много. Именно лидерство у них на уме. И в планах. Вот это я сейчас отчетливо заметила и вижу... Но у них мало интеллекта!..

Итак, выраженная амбициозность и в то же время отсутствие профессиональных и интеллектуальных предпосылок для настойчивых притязаний и высокой самооценки – именно эти качества замечаются и выходят на передний план в представлениях старшего поколения госслужащих о начинающих аппаратчиках. Но каковы они сами – опытные, бывалые чиновники? Каков их профессиональный мир? Как они рассказывают о собственных трудовых буднях?

Отвечая на эти вопросы, следует подчеркнуть, что пункт гайда интервью «Расскажите о своих достижениях в работе»,

непосредственно сопряженный с вопросом «Есть ли у Вас какие-либо награды, ордена?» систематически смещал записываемый нарратив именно в сторону наград и грамот. О достижениях в своей повседневной работе чиновники (как старшего возраста, так и молодежь) говорили мало и скупно. Вероятно, причиной этого является рутинный, во многом бумажно-оформительский и поэтому незапоминающийся кругооборот канцелярско-аппаратных акций. Вместе с тем панорама трудовых усилий чиновничества несколько приоткрывается во взаимной «игре» двух вопросов, пространственно разнесенных в тексте инструментария (фрагмент 6).

Фрагмент 6

**Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года**

И.: Что самое трудное в Вашей работе? Каким должен быть чиновник?

Р.: Самое трудное в моей работе это то, что я иногда не могу помочь человеку. Это – самое трудное...

Обращает на себя внимание то, что в ответе на этот вполне конкретный вопрос респондент сразу же переводит его в область высоких, но порой не реализующихся намерений. «Иногда не могу помочь...» Как получается, что чистые и благородно-самоотверженные чиновничьи усилия и действия порой не дают результата? В чем же причина? И вот здесь наша собеседница простодушно и последовательно начинает разворачивать некую аксиоматику, которую в просторечном народном дискурсе обозначают терминологически звучащим обозначением «спихотехника». Светлана Владимировна, важный элемент областной администрации, начинает уверять, что, дескать, от нее зависит далеко не всё (фрагмент 7).

Фрагмент 7

**Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года**

Р.: Так как мы контролируем исполнение документов... то есть барьеры какие-то есть на местах... потому что не всё зависит от нас. В основном всё зависит от муниципальных служащих, которые работают на местах. И когда нельзя помочь человеку, особенно преклонного возраста, я просто сижу со слезами на глазах. Всё делаешь – и промежуточные контроли ставишь, и говоришь – но как об стенку бьешься. И никак пробить не можешь... Вот это самое трудное в моей работе.

И.: Это что же, – значит, нижний, муниципальный уровень не справляется?..

Р.: Да. Любое решение наших жизненных проблем зависит от нижних слоев...

Это – очень интересный и информативно насыщенный поворот в разговоре. Здесь, как мы понимаем, служащая неосознанно воспроизводит известный стереотип о виноватости и бестолковости «нижней публики» – муниципалитетов и прочей чиновничьей мелкоты. В конечном счете (если развивать эту позицию) – во всех социальных, экономических и прочих бедах и неустройствах виноват сам простой народ. Вот как продолжает респондент начатую мысль: «...Да, от тех слоев, которые самые близкие к людям. Которые работают с людьми на местах – те же социальные работники, те же муниципальные работники... Которые принимают документы, связанные с землей и так далее. Те, которые вынуждены выезжать к людям – всякие, там, инспектора... Даже отказать человеку надо чисто по-человечески. По-человечески! И вот это самое тяжелое – когда ты всё видишь, но помочь ничем не можешь...». Такова позиция чиновника достаточно высокого ранга. Но что думают об этой

проблемной мизансцене работники муниципалитетов? Те самые «нижние слои» чиновничьей машины.

Удивительно, но и на этом, решающем и определяющем уровне можно наблюдать точно такие же коллизии. Вот как о «самом тяжелом» в работе чиновника рассказывает представитель той самой «муниципии» – заместитель руководителя аппарата администрации района (фрагмент 8).

Фрагмент 8

**Заместитель руководителя аппарата
Администрации района, жен.**

«Самое тяжелое – это когда к нам приходят люди взвинченные... Ты что-то пытаешься им донести... доказать то, что здесь не чиновники сидят – в той интерпретации, как сейчас принято, – не черствые люди, а нормальные люди. И они наполнены желанием помочь и сделать всё, что можно – в рамках того правового поля, которое существует. Потому что мы не всегда можем сделать то, что хотелось бы сделать, и как-то помочь человеку. Вот так вот...»

Таким образом, круг замыкается. Областные властные структуры систематически сдвигают решение насущных социально-экономических проблем на муниципальный уровень, а здесь чиновники стиснуты «рамками правового поля». Но это еще, что называется, полбеда. Настоящая драма разыгрывается в глубинных сельских администрациях. Так, в одной из российских областей, признанном лидере по части конструктивных усилий областной и районных властей в отношении населения, типична картина, когда главы сельских администраций не в состоянии не то что планомерно решать проблемы населения, а просто своевременно заниматься или (фрагмент 9).

Фрагмент 9

Заместитель главы сельской администрации, жен.

Р.: Ох, столько неразберихи, столько волокиты с этими нашими новыми законами!.. Трудно, трудно сейчас работать именно в сельских поселениях. Потому что на администрации висят все вопросы – и по развитию территории, и по занятости, и по безопасности – по пожарной, по водной...

И.: А вы давно работаете в администрации местной?

Р.: Давно, с 1997 года. Пятнадцать лет.

И.: О-о, тогда у вас есть возможность оценить, идут дела? Ход преобразований, иначе говоря...

Р.: Я вам так скажу – итог всей этой истории в том, что нас очень сильно загрузили бумажной работой. Мы не практическими, реальными проблемами занимаемся. Мы – отвечаем на бумаги. Бумаги более или менее грозные. Бумаги с более или менее жесткими сроками ответа. Эта работа отнимает у нас буквально всё наше время. К тому же у нас нет Интернета. Нет электронной почты. Чуть что – едем в райцентр. Надо же кучу отчетов сдать, а в последнее время всё это переводится в электронную форму. Отчеты налоговые, статистические... Мы почти ежедневно теряем на этом по полдня. Возвращаемся из райцентра – нужно наверстывать. А тут народ с разными вопросами нас дожидается. Еще мы выполняем функцию фиксирования разных ЗАГСовских параметров. Рождения, браки, смерти. Плюс – нотариальные функции... Сейчас вот начался электронный хозяйственный учет. Надо следить, надо вовремя вносить, потому что ситуация в семьях постоянно меняется...

И.: А раньше легче было работать?

Р.: Раньше меньше было всякой информации, которую мы должны были поднимать вверх. Ведь сейчас чиновников развелось много. В структуре добавляются много новых департаментов – надзорных, контрольных, консультационных, аналитических. Черт ногу сломит! И, чтобы они ра-

ботали, им нужна ж информация. Сами-то они ее не добывают. А спускают требования – дайте то, дайте это. А ведь у нас нет ни юриста, ни экономиста– профессиональных. А сейчас много организаций, которым нужно либо прогноз какой-то составить, либо что-то проанализировать... И мы по запросу им шлем какой-то продукт, наш, самодельный... Придуманый на ходу...

Законов много появляется, до нас не всегда вовремя это доходит, а прокуратура проверяет все жалобы. А мы эти законы не успеваем не только изучать, но и элементарно читать. Изменения за изменениями происходят... То есть завалили нас чисто бумажной работой. А ведь здесь, на селе, мы должны заниматься практическими делами. Человек пришел с проблемами, а у нас факс – «До 12-ти часов предоставить следующую информацию!» Все куда-то бегут, спешат, всем надо всё срочно!..

Народ удивляется! Говорят, что у вас раньше работало три человека и всё получалось, а сейчас вас вдвое больше и вы ничего не успеваете. Вы спрашиваете, – что изменилось? А вот это и изменилось... Нас заполонили бумагами! Завалили! И мы отписываемся, сочиняем, света белого не видим. О том, что уже сделано, что планируется. И все это надо на бумаге изложить... Они сделали такую структуру этих бумаг, чтобы у них была информация от нас. И мы их этой информацией обеспечиваем. Кормим. Этим информационным хлебом! Вот Роспотребнадзор нас мучает. И мы уже чисто физически не в состоянии проделать собственную работу. Согласно Уставу у нас обязанностей всего – тридцать пять! И они в свою очередь подразделяются еще на несколько десятков. И все это надо сделать обязательно. Оформить программами, паспортами и прочим... Ужас!..

Обращает на себя внимание развернутость и почти исчерпывающая полнота аргументации, получаемой от наших сельских респондентов. Это – явление типичное. Чем дальше от областного центра мы удаляемся, чем глубже мы уходим в

негородские жизненные пространства, тем неформальней, разговорчивей и откровенней становятся наши собеседники. Это полностью относится и к низовому чиновничеству. И эти обстоятельства можно понять – сельским людям терять нечего. И те карьерно-престижные соображения, которые упорно мерцают и светятся в сознании и служебном поведении областных бюрократических функционеров, гаснут и никак себя не обнаруживают в практиках представителей сельских администраций. Единственная привилегия последних – жизнь не вынуждает их, как всех остальных жителей села, заниматься каждодневным многочасовым физическим трудом. Они, как правило, не содержат развитое хозяйственное подворье. Куры и огород – вот их стандартное достояние. Более высокая зарплата позволяет им обходиться без неперенных коров и поросят. Для ухода за живностью просто нет времени.

Вернемся в областной город. Весьма важным оказался в процессе социологического опроса тот момент, когда респондентов просили рассказать о трудностях в профессиональных занятиях аппаратных работников и на этой основе предлагали сформулировать представление о том, каким должен быть идеальный чиновник? «Какими качествами чиновник должен обладать прежде всего? Что самое главное в работе чиновника?», – так звучал данный вопрос интервью. Анализ показывает, что чиновники старшего поколения воспринимают этот проблемный узел скорее в ракурсе служебной этики. В координатах сочувствия и сопереживания, в измерениях, касающихся не столько конкретного управленческого решения, сколько морально-нравственной атмосферы, которая возникает при попытках найти приемлемый выход из жизненной проблематики. «Машинное отделение власти» наполняется при этом благоуханиями совестливости, бережливости к людям, заведомой открытости и извинительности за невозможность совершить некие конкретные дела.

Вот как об это повествует опытный областной функционер (фрагмент 10).

Фрагмент 10

**Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года**

Р.: Чиновник должен обязательно сопереживать простому человеку. Не отрывать себя от простого человека. И сделать всё, от тебя зависимое, работая на своем рабочем месте. То есть – по максимуму. Быть честным и неподкупным – это однозначно. Но прежде всего – сопереживать человеку. Я иногда говорю, когда сталкиваюсь с нерадивыми чиновниками: «Вы, вообще-то, существуете на деньги людей, которым вы не хотите помочь. Они ведь – налогоплательщики. Они из своих зарплат оплачивают вашу работу. А вы закрываете перед ними дверь. Вы бьете по руке, которая вас же и кормит». Я считаю, что это основное и главное в работе чиновника! Он может быть высоким профессионалом, но если он не сопереживает людям, то – грош ему цена. Вообще...

И.: А в чем, по-вашему специфика именно чиновничьего сопереживания?

Р.: Вот, священнослужитель, – он просто выслушивает человека, он его исповедует. И успокаивает. А больше ничем священнослужитель человеку не может помочь. А чиновник может помочь человеку в любом вопросе! Если, скажем, это зависит от самого человека, то чиновник может показать путь решения проблем, направить человека – как ему можно решить проблему. А если к чиновнику обращаются по его работе, он должен сделать всё, чтобы помочь в решении данной проблемы. Чтобы быстро собрать документы...

Информативность и значение подобного представления о главном в работе чиновника заключается в том, что только что процитированное мнение во многом противоречит заяв-

лению, сделанному ранее – «Самое трудное в моей работе это то, что я иногда не могу помочь человеку. Это – самое трудное...» (см. фрагмент 6). Если совместить сказанное выше и последнее заявление респондента, получается, что чиновник – это тот же священник, только в служебном казенном кабинете, а не на предстоятельском месте. И главное в его работе – так же, как у православного батюшки – всемерно успокоить и обнадежить простого человека. Однако такого рода парадоксальность не случайна. Для того чтобы помочь человеку практически, раз навсегда решив некие жизненно-важные проблемы, надо располагать ресурсами. Однако в руках современного провинциального чиновника – лишь коротенькие рычаги и маленькие кнопки, причем такие, которые приводят в действие прежде всего некие виртуальные схемы и сценарии – совсем как в компьютерной ролевой игре. Бумаги, разрешения, позволения, подтверждения, справки, схемы и проекты чиновник организовать в состоянии. Этим в основном он и живет на работе. Но для реального, действительного, финишного их внедрения всегда не хватает именно ресурсов – материально-технических и финансовых. Подобная картина давно уже типична для современного российского здравоохранения – в стационар или в амбулаторию пациент приходит, нагруженный собственными простынями, бинтами, посудой, лекарствами, шприцами, наволочками и санитарными бахилами. Всё остальное – за отдельную плату.

Таким образом, являясь по замыслу и по служебной государственной идее, «орудием сильных», инструментом верховной власти, чиновничество предстает орудием слабым, оборудованием и инструментарием негодным и изношенным. Чувствуя и понимая это, провинциальные чиновники, особенно те, кто был призван и пришел на государственную службу в годы, когда новая Россия была полна надежд на

прекрасное демократическое будущее, систематически вытесняют из сознания ощущение своей изначальной, принципиальной слабости и недостаточной эффективности.

Однако этот системный сбой психологически невыносим и тягостен. Поэтому сплошь и рядом представители старшего отряда чиновников с удовольствием и достаточно подробно излагают соображения о позитивной стороне своей профессиональной деятельности. Мы обратили внимание на то, что на вопрос «Что самое лёгкое, приятное, привлекательное в вашей работе?» ответы, как правило, развернуты и феноменологически цветисты, подробны, эмоционально упоительны. В ответах на этот вопрос происходит своеобразный саморемонт чиновничьей совести и служебной чиновничьей души (фрагмент 11).

Фрагмент 11

Референт отдела контроля и делопроизводства, жен., 53 года

«Что самое приятное в моей работе? Это когда я получала благодарности лично от руководителей! Приятно, когда твою работу замечают. Вроде бы работаешь и работаешь, не на виду. Не акцентируешь себя... И вдруг тебя кто-то заметил. Было такое, на мой юбилей. В присутствии всех и бывшего губернатора тоже... С подарком, да еще и статья в газете... Это трогает, это приятно.

И еще я могу сказать про приятное – это когда тебя посылают на стажировку за границу. В трех странах мы стажировались и смотрели, как там работают чиновники. Нас было 15 человек всего. И приятно, что ты и в Европе чувствуешь себя на высоте. Ну, там, общее мирозерцание... Смотришь, какие там чиновники и себя с ними сравниваешь – это тоже очень приятно. И мы не лаптем щи хлебаем, есть такое выражение.

Я была награждена знаком губернатора. Федеральных наград у меня нет. А все местные я получила. Но основной своей наградой я считаю доступ к власти. Награда – это то, что меня пригласили сюда работать. Что меня заметил Володин и еще – помощник президента Ельцина. Благодарность в трудовую книжку была вписана по работе в Штабе по выборам Президента. В то время очень тяжелая работа была. 1996 год, очень много шло сюда жалоб на руководителей. Приходилось помогать, даже выходить на правоохранительные органы. И вот я считаю, что это – самая большая для меня награда. Она не в материальном выражении выразилась, а в том, что меня пригласили из Штаба по выборам сюда и в трудовую книжку запись сделали...»

Становится понятной и закономерной та аксиоматика власти, те параметры ответственной государственной службы, которая непременно увенчивается федеральными и областными наградами, доверием высокопоставленных лиц, выделением человека из толпы по признакам самоотверженности и служения обществу и которую старательно выстраивают опытные служивые люди. Причем втакого рода построениях широко и непрерывно вращается и заполняет весь дискурсивный поток риторика социалистических времен, – хорошо знакомых и памятных для данного отряда респондентов. Видимо, за двадцать лет демократической эволюции России нового служебно-аппаратного языка придумать и запустить в дело не удалось – особенно в провинциальном властно-управленческом и общественном пространстве. Посмотрите, как выглядит подобного рода аксиоматика в рассказе нашего основного респондента, который, как нередко случается в ходе качественного социологического исследования, говорит за весь социум, то есть способен выразительно высказаться от имени всего соответствующего социально-го кластера (фрагмент 12).

Фрагмент 12

**Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года**

Р.: Государственная служба – это очень ответственная работа. Здесь должны работать честные люди. Честные и неподкупные люди. Мало того, они, государственные служащие, должны соперевживать людям. Я считаю, что в моем характере это изначально, с рождения есть... Очень вот у меня такое воспитание... И мне очень обидно, когда я сталкиваюсь в процессе своей работы (а мне со многими приходится сталкиваться!) с черствыми людьми, которые здесь, во власти, работают. Работают в структурах, которые непосредственно работают с людьми, с населением... [Вдруг поспешно уточняет] Но, конечно, не в своем Управлении, а в других государственных структурах... В процессе моей работы мне непосредственно приходится контролировать исполнение документов. Работать с людьми, с муниципальными образованиями...

И.: А в чем эта черствость проявляется?

Р.: Равнодушие... Формализм в ответах, формализм в подходах к обращениям граждан...

И.: А может, это просто непрофессионализм?

Р.: Нет! Мне кажется, что они от рождения – черствые люди. Это люди разного возраста. Тут возрастной ценз не очень важен. Есть молодые люди на государственной службе, которые соперевживают простым людям и ищут пути решения проблем. Правда, их очень мало пока... Здесь воспитание играет роль, и характер человека играет роль...

Одним из наиболее важных и принципиальных вопросов интервью (как можно было предполагать заранее) явился следующий: «Как Вы думаете, люди в целом позитивно или негативно относятся к чиновникам? Справедливо или несправедливо? Почему?». В определенном смысле этот вопрос подвигает респондентов к формулированию приговора, вы-

носимого общественным мнением. В ответе на этот вопрос должен быть так или иначе суммирован суд народа, выражен интеграл оценки чиновничьего труда и одновременно сформулировано отношение к этому приговору – согласие к ним или же его обжалование.

Интересно то, что в ответах респондентов обнаруживается и то и другое. Причем одновременно и рядоположенно. В ответах с тяжелым вздохом констатируется и античиновничья обозленность простого народа, и – с понимающим сочувствием – причины подобного народного заблуждения. Что же касается моментов реальной самокритики – они, как правило, утоплены в благих пожеланиях по поводу воспитания. Причины народного негативизма отыскиваются в этической травмированности отдельных представителей государственных служащих – но «нельзя же по отдельным уродам судить обо всех нас...» (фрагмент 13).

Фрагмент 13

**Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года**

И.: Как Вы думаете, люди в целом позитивно или негативно относятся к чиновникам? Справедливо или несправедливо? Почему?

Р.: Негативно! Негативно к чиновникам относятся. Но – терпимость у чиновника должна быть в характере, потому что люди всегда относятся к чиновникам негативно. Это – однозначно! Это я вам честно говорю. Хотя есть простые люди, которые сюда, к нам в Управление, приходят и нам соперещивают. Вот – правда! Они говорят: «Ой, сколько вам здесь приходится выслушивать!..» И такие люди осекают других людей, которые сюда пришли и начинают возмущаться громко. Они, такие люди, говорят: «Да не возмущайтесь вы, пожалуйста! Да не от них этот вопрос зависит! Представьте, сколько всего им приходится в день выслушивать!..» Вот такие люди тоже встречаются. Но в

массе своей люди почему-то считают, что чиновник – это зарвавшийся чинуша, который имеет большую зарплату, да еще берет взятки. Вот почему-то именно такое мнение господствует. И почему-то думают, что у нас громадные зарплаты и что все проблемы у нас решены. И что мы не имеем никаких проблем... Вот почему-то люди так думают... И это иногда очень обидно, очень горько. Но – терпимо... И ты стараешься с человеком побеседовать, объяснить, переубедить. Но иногда переубедить невозможно. Я думаю, что это – такие люди, у которых больна душа.

И.: А есть ли у вас какая-то гипотеза, почему именно так люди воспринимают чиновничество?

Р.: Я вам вот что скажу. Раньше было перед чиновниками преклонение. И писем во власть меньше было. Я имею в виду коммунистические времена. А сейчас телевидение и желтая пресса, которые сейчас доступны всем, распространяют ложь о чиновниках. Они не говорят о чиновнике как о замечательном человеке, а наоборот. Ругают, позорят. А сколько людей с простой, светлой душой я встречала здесь, в аппарате! Но почему-то о них не говорят с экрана телевизора! Ну, работает человек и работает... А говорят именно о взятках. Ни одной газеты нет, ни одной передачи, чтобы не сказали – очередную взятку чиновник взял. Какой-то чиновник что-то натворил, из-за какого-то чиновника что-то взорвалось... То есть валом идет сплошной негатив! И люди, естественно, это впитывают.

Это – одна сторона. Но, с другой стороны, есть в аппарате люди, которым – грош цена. Которым не место на государственной службе. И если человек столкнулся с таким безразличием, если перед человеком закрылась дверь, если человеку сгребли, если его не допустили, – естественно, он выйдет с негативом. И поделится этим негативом с окружающими. Так что сами чиновники не понимают, что запускают вот этот, будем говорить, бумеранг. Я всегда своим подчиненным, особенно молодежи, говорила: «Вы никогда не запускайте бумеранг, который попал в вас. Всегда

старайтесь его поймать. Поймать и не запустить его...» Если сюда, во власть, пришли с негативом, постарайтесь погасить его, объяснить, пояснить, посопереживать человеку. Сделать всё, что возможно... Есть люди, и их достаточно много, которых допускать до государственной и муниципальной службы просто нельзя. Есть еще то, что люди поступают на государственную службу либо, будем так говорить, по свояченичеству, по кумовству, по блату. Есть такое! А нужно, наверное, рекомендовать после окончания вуза... Педагогам видно ведь...

Как нам представляется, ключевой фразой в этом странном высказывании является следующая: такое, негативное отношение к чиновнику – «очень обидно, очень горько. Но – терпимо...». Именно «терпимо», так как кподобного рода отношению следует сознательно притерпеться. Иного не дано. Если же не притерпеться, то придется решительно менять работу, жизнь, судьбу. А этого люди, пришедшие во власть в начале 1990-х, делать не хотят, да и не могут. Прошлые профессиональные умения растворились в атмосфере нынешних управленческо-консультационных занятий. На вопрос – «Чем бы стали заниматься, если придется сегодня покинуть чиновничье кресло?» – многие респонденты робко вспоминают былые занятия, но тут же поправляются и начинают мечтать о пенсии, о том, что хотят нянчить внуков и непременно вести собственный семейный «дом на берегу лесного озера».

Достаточно информативны структуры чиновничьего терпения. Негативное к себе отношение они стандартно списывают на происки прессы и телевидения (никогда, впрочем, не заявляя, что подобные публикации следует запретить), а также на глупость и неинформированность простых людей, подозревающих заведомую коррумпированность и недобросовестность чиновничьих занятий. Кстати, оборонительные

инвективы в адрес народа превращаются в наступательные, когда в интервью речь заходит о коррупции.

Отвечая на вопрос «Как Вы считаете, есть ли смысл бороться с коррупцией в нашей стране?», респондент уверенно разворачивает следующую теорему (фрагмент 14).

Фрагмент 14

**Референт отдела контроля и делопроизводства,
жен., 53 года**

«Беда в том, что коррупцию порождает сам народ. Я правду говорю! [Хочет что-то уточнить, добавить, но удерживает себя. Пауза.] Вот, у коррупции у этой – двойной хвост. Одно дело, когда человек идет к власти и считает заранее, что его вопрос не решится, и чтобы он решился, человек несет что-то...А другое дело... Я, конечно, с этим не сталкивалась – правду говорю! – но я слышала, что чиновники создают схемы, в которых взятка – это необходимое звено. Они намекают и делают так, что добровольно люди несут... Особенно это развито у врачей...Но коррупция – это порождение самих людей. Они сами несут и дают...Наш человек пропитан тем, что надо кому-то дать. И взять с кого-то тоже... Работая педагогом, я, кроме цветов, ничего не брала. У меня это было четко заведено! Но я знала, что другие учителя совсем по-другому вели себя. Я в шоке от того, что все это себе позволяют педагоги. Но всё это идет, конечно, с низов. Сами люди порождают коррупцию, и это всем уже в кровь вливается...»

Следует отметить, что социальное время подобного рода чиновников исторически завершается, подходит к концу. Им становится неуютно, непривычно, некомфортно работать в современных условиях. И не случайно то, что, как было отмечено, чиновники старшего поколения, когда их спрашиваешь о ближайших жизненных планах, с удовольствием гово-

рят о предстоящей пенсии. И также не случайно, что срок активной чиновничьей жизни недавним указом Президента В.В. Путина продлен до семидесяти лет. Таких чиновников не столько жалко, сколько без них произойдет очень уж резкий разрыв времен. Действительно – уход со сцены базового слоя людей, которые работают стабильно и проявляют некие черты человечности, которые некоторым образом опровергают негативные коннотации, связанные с понятием «чиновник», снизит, несомненно, качество работы всего российского чиновничьего аппарата.

Молодежь

В областных правительственных структурах многих областей в настоящее время весьма типичной является фигура достаточно молодого (от 27 до 35 лет) чиновника. Во-первых, уже прочно сидевшие в своих начальственных креслах областные чиновники в массовом порядке «остепенялись», то есть готовили и защищали кандидатские и докторские диссертации – чаще всего по общественным наукам. Считалось, что это заметно укрепляет их статусные позиции. Во-вторых, на работу во властные структуры валом повалили представители следующего, более молодого, поколения – дети, племянники, родственники, хорошие знакомые тех чиновников, которые вошли в средний и высший слои властной областной элиты.

В ходе исследования удалось записать интервью одной из таких фигур. Молодая (32 года) женщина, весьма импозантной наружности, одетая подчеркнуто строго. Запись беседы с ней происходила в начале августа 2012, и температура в городе доходила до 34 градусов по Цельсию. Несмотря на это, чиновница была одета в официальный костюм. Этот подчеркнуто официальный «дресскод» существует и в сознании властных функционеров как некая обязательная и тщательно поддерживаемая норма (фрагмент 15).

Фрагмент 15

**Заместитель начальника отдела организации
гражданской и государственной службы
управления кадровой политики государственной службы
Правительства области, жен., 32 года**

«Чиновник должен быть представительным, соблюдать этикет и правила делового общения. Обычный ли человек чиновник? [усмехается]. Да, мы, конечно, люди. Мы ничем не отличаемся от других людей. Просто у нас такая профессия – государственный гражданский служащий. И в силу этой профессии у нас есть определенные нормы поведения, соблюдения определенных правил... Разный ли вы человек – дома и на работе? Да, разный. Здесь у меня должно быть больше серьезности, деловитости, как бы... Сдержанности. Все-таки здесь у меня – определенная роль, определенная социальная нагрузка. А дома мое поведение абсолютно другое. Потому что функции разные и их значимость разная. Здесь, на работе, важнее функции мои. Здесь я как бы больше для людей...»

Обращает на себя внимание то, что респондент формулирует здесь своего рода поведенческие «прописи», начетнически воспроизводит, тщательно припоминая и стилистически при этом сбиваясь, заповеди корпоративной этики. Не собственные убеждения, осознанно воспитанные и органически культивируемые, а, напротив, внедренные, вмонтированные в собственное служебное поведение. Поэтому не случайно словечко «должно». «Должно быть больше серьезности...» Это «долженствование» как чиновничья модальность будет нами прослежена и в других сюжетах, связанных с мировоззрением современных российских чиновников.

Вернемся к вопросу о рекрутировании молодых кадров в сферу практической государственной службы. Как обычно происходит вхождение молодых специалистов, выпускников

высшей школы во властные структуры? Наша собеседница достаточно подробно объяснила обстоятельства своего появления в областном Правительстве (фрагмент 16).

Фрагмент 16

**Заместитель начальника отдела организации
гражданской и государственной службы
управления кадровой политики государственной службы
Правительства области, жен., 32 года**

«Образование у меня высшее. Закончила учебу в 2002 году. Я филолог. Филологический факультет госуниверситета я выбрала сознательно, потому что хотела получить педагогическое образование. Я хотела преподавать... Учить детей...

Сразу после окончания вуза я устроилась в правительство... Сейчас я замещаю должность заместителя начальника отдела организации гражданской и государственной службы управления кадровой политики государственной службы Правительства Саратовской области...

Когда я в 2002 году устраивалась на работу в Правительство, в наградной отдел, то здесь в главном сработало то, что у меня в семье был пример. И в последующем, когда я определялась с местом дальнейшей работы, в 2004 году, когда я стала работать уже в госгражданской службе, как-то так получилось, что этот пример стал для меня примером и в выборе работы. Я уже на 5-ом курсе уже себя видела здесь, в Областном Правительстве.

Я стала работать в Правительстве, поскольку в этой системе работали мои близкие родственники...»

Схема рекрутирования молодых чиновничьих кадров по родственникам довольно типична и, что самое главное, безотказна. В значительной степени проверенной и надежной. И сегодня, как сообщают другие информанты в различных контекстах, просто «с улицы» во властные структуры войти

нельзя. Однако если есть солидный покровитель или авторитетный поручитель (например, в виде преподавателя вуза, обучавшего молодого чиновника и одновременно входящего в экспертно-консультационные органы при Правительстве, или – в виде журналиста, знакомого с молодым специалистом и в то же время систематически обслуживающего местные властные интересы и пр.), если есть люди, которые знают данного претендента на должность в неких неформальных мизансценах, и если они могут при случае «замолвить словечко», то для таким образом протежируемого человека реальное вхождение во власть – это необременительная, малоресурсоемкая, хотя и сценарно тщательно продуманная прогулка. Кстати, та же схема исправно работает, когда в послевузовское пространство входят молодые специалисты, родня которых (родители, дядья и тетки, а также приятели родни и пр.) является членами или функционерами областной научно-преподавательской «элиты». Это – вузовская профессура и доцентура, работники различных вузовских подразделений, причастных к механизмам продвижения в этой сфере. Немалое количество представителей этого социального микро-слоя непременно стремятся воспроизводить себя, не обращая никакого внимания на то, имеются ли у их молодых протеже способности и таланты. Понятно, что здесь мгновенные карьерные и формально-профессиональные взлеты – дело обычное. Еще в вузе, на старших курсах, таким «дочкам и сыночкам» дают возможность ассистировать, вести семинары, проверять курсовые работы. Так, уже с молодых ногтей копится научно-педагогический стаж, который впоследствии пригодится для получения очередных ученых званий. Далее следует бесконкурсная аспирантура, затем – досрочная, как правило, защита диссертации, подготовленной вовсе не соискателем.

И в результате этой точно рассчитанной и обеспеченной всеми необходимыми ресурсами операции уже в 23–24 года

молодой человек выходит на преподавательскую кафедру, и начинается его довольно унылая, зато стабильная карьера. Таких преподавателей студенты обычно не уважают, относятся к ним снисходительно и даже брезгливо – с первой лекции и с первого семинара становятся очевидными, ощутимыми и понятным их непрофессионализм, их тупое начетничество, их человеческая неопытность. Чего у них не отнимешь, – так это демонстративной строгости, учительственной интонации и высокомерного отношения к молодежи. Они подчеркнуто официальны и напыщенны и этим напоминают начинающих властных аппаратчиков.

Однако на практике встречаются и иные каналы рекрутирования чиновничьей молодежи. Они носят более официальный, более открытый и квазиинституционализированный характер. Об этом подробно выше рассказывала референт отдела контроля и делопроизводства Управления по работе с обращениями граждан правительства области (см. фрагмент 2). Отвечая на вопрос о своем карьерном росте, наши собеседницы рассказывают о материях, не слишком обычному человеку понятных и в определенной степени загадочных. Через эти рассказы проступает мысль о сугубой важности канцелярской работы, о ее чуть ли не сакральном характере. Если вдуматься, то действия, о которых, например, повествует заместитель начальника отдела организации гражданской и государственной службы, сводятся к элементарному перекладыванию определенных бумаг из менее ответственных и важных папок в более высоко лежащие (фрагмент 17).

Фрагмент 17

**Заместитель начальника отдела организации
гражданской и государственной службы
управления кадровой политики государственной службы
Правительства области, жен., 32 года**

«Я сначала работала не здесь, а в наградном отделе. Сначала – в должности главного специалиста, а потом – кон-

сультанта. По роду деятельности я занималась оформлением наградных материалов. А потом я стала заниматься согласованием тех документов, которые я раньше оформляла и направляла на согласование. То есть это стало определенным, очень значительным этапом моего профессионального развития, повышения, как бы...»

Разумеется, эта самооценка («значительный этап профессионального развития, повышения...») говорит о том, что желаемое выдается за действительное – в аспекте содержательном. Однако формальный, символический рост – налицо. И вот именно это обстоятельство наиболее важно и ценно для молодого поколения чиновников.

Для уяснения опорных конструкций мировоззрения и мироощущения представителей молодого поколения чиновников целесообразно пройти по ключевым пунктам записанного от молодого руководителя интервью. Прежде всего, обращает на себя внимание сама стилистика ее ответов. Они, как правило, двух родов – лаконичные, звучащие по-школьному, плоские, зазубренные, но вместе с тем риторически рыхлые, сбивчивые, нелогичные – когда респонденту приходится отвечать на вопросы, требующие размышлений и обобщений (фрагмент 18).

Фрагмент 18

**Заместитель начальника отдела организации
гражданской и государственной службы
управления кадровой политики государственной службы
Правительства области, жен., 32 года**

И.: Если бы Вы сейчас были в самом начале жизненного пути, избрали бы Вы для себя Вашу нынешнюю карьеру?

Р.: Да, конечно! Однозначно! Мне это нравится!..

Несмотря на то, что такой ответ кажется на первый взгляд неинформативным и бессодержательным, он доста-

точно глубок по мотивировкам. В сущности, это – ответ самой себе. Ответ собственной мечте о преподавании, с которой Ирина пришла в университет (см. фрагмент 16). Теперь она находится в стабильной безопасной позиции, на которую ее выдвинули чиновные родственники, и эта позиция по необходимости должна быть оправдана и желанна. Это – ответ и собственному начальству, которое за руку привело ее в комнату, где проходила запись интервью. Ответ, в котором выражена готовность служить и быть лояльной.

Отметим, что после расшифровки этого интервью возникло сожаление о том, что мы не сумели разговорить Ирину, не предприняли усилий, чтобы «дожать» респондента, выяснить подробности, добавить социологического «воздуха». Однако после раздумий решили, что именно этот дежурный и невозмутимый, формальный лаконизм – самая точная характеристика данного типа чиновничьего дискурса и образа мыслей. Вот еще один пример такого беспроблемного и в то же время информативного лаконизма.

Фрагмент 19

**Заместитель начальника отдела организации
гражданской и государственной службы
управления кадровой политики государственной службы
Правительства области, жен., 32 года**

И.: Что самое трудное в вашей работе? Что самое легкое и привлекательное?

Р.: [Надолго задумывается, а потом буквально выпаливает – как школьница, вспомнившая нужный ответ]: Люди! Люди! Самое трудное – люди. И самое легкое и приятное – тоже люди. Эта работа и приятна, и трудна...

[Демонстративная диалектичность («люди – и трудное, и легкое») и по-журналистски бойкое, цветистое звучание этого ответа неплохо иллюстрирует некий важный срез профессиональных качеств респондента.]

И.: Испытываете ли Вы необходимость в получении дополнительных навыков?

Р.: Вы знаете, я испытывала. Но при обращении к руководству меня всегда направляли на повышение квалификации. Как только я поступила сюда, меня сразу направили на повышение квалификации. Это были девятимесячные курсы. Затем это были специальные курсы в социально-экономическом университете. То есть... абсолютно...

Несомненно, респондент хочет подчеркнуть, что этот вопрос решается чуть ли не автоматически – стоит только захотеть и стоит только замолвить соответствующее словечко за своего протеже. При этом точно соблюдается форма и механизм воспроизводства кадрового состава чиновничества. Чего не скажешь о механизмах повышения квалификации в сфере научной и учебной – здесь вся процедура сводится к оформлению необходимого отчета.

Посмотрим теперь на те ответы респондента, где по необходимости она вынуждена публично, в присутствии социолога и диктофона, размышлять (фрагмент 20).

Фрагмент 20

**Заместитель начальника отдела организации
гражданской и государственной службы
управления кадровой политики государственной службы
Правительства области, жен., 32 года**

И.: Расскажите о своих достижениях в работе. Какие были трудности в работе?

Р.: Какие достижения в работе? [Длинная, очень длинная пауза.] Если касаться достижений в работе в моей предыдущей должности, то это было каждый раз, когда человека награждали. Сейчас моим достижением, скажем так, в работе, я считаю... во-первых, с кадрами я не работала, и поэтому постижение каждый день, да, новой... изучение новых документов в этой области, в этой сфере... разъясне-

ние другим людям, госгражданским служащим, да, своих прав, допустим, обязанностей, опять же, касаемых, например, и оплаты труда, и остальных вопросов – это, вот, все мои маленькие достижения. На сегодняшний момент...

Трудности есть, безусловно, потому что я пока еще год в этой должности. И эта сфера мной была не охвачена. Поэтому, безусловно, они, трудности, есть. И конечно мне хотелось бы изменить свой профессиональный уровень. То есть побольше узнать...

Этот ответ свидетельствует, на наш взгляд, о двух взаимосвязанных сторонах этого класса чиновников – профессионального инфантилизма и служебного высокомерия. Ирина Сергеевна заведомо уверена, что именно от чиновника исходит некая государственная благодать. Чиновник в определенном смысле облагодетельствует, кормит людскую массу наградами и правилами бытия. Несомненно, это образ действий, культивируется внутри корпорации как одна из защитных реакций, – когда к чиновникам люди относятся негативно. Такого рода инфантилизм и высокомерие хорошо просматриваются в ответах на связку вопросов об истории и возможных судьбах России (фрагмент 21).

Фрагмент 21

**Заместитель начальника отдела организации
гражданской и государственной службы
управления кадровой политики государственной службы
Правительства области, жен., 32 года**

И.: Назовите наиболее значимые события в жизни страны или региона за последние 30 лет (с 1980 года). Почему эти события значимы, с Вашей точки зрения?

Р.: Ну, дефолт я помню, 1998 года. Но это событие – не значимое для меня. И потом – я же не могу говорить за страну и регион. Я жила настоящим. И не заморачивалась на это всё...

И.: Что, на Ваш взгляд, может произойти со страной в ближайшее время (в течение 3–5 лет)? А в среднесрочной (5–10 лет) и долгосрочной (от 10 лет) перспективе?

Р.: [Задорно смеется]: Ха-ха, я не знаю, что завтра со мной произойдет! А вы спрашиваете про такие длинные сроки!.. Надеюсь, что всё будет хорошо... [Видимо, респондент на какое-то время забыла о своей должности с ее статусной напыщенностью и многозначительностью и ответила в стиле студенческой тусовки, в том числе и лексически.]

И.: Каким должен быть чиновник? Какими качествами должен он обладать прежде всего?

Р.: Открытым. [Сказала это быстро, стремительно, не задумываясь, как нечто само собой разумеющееся и понятное. И сразу – начала отвечать на следующий вопрос.]

[Читает следующий вопрос.] Госслужащий вообще – это обычный человек?..

Конечно – обычный человек! [Ответ также прозвучал как совершенно готовый, без сомнений произнесенный.]

И.: Давайте, с Вашего позволения, вернемся к вопросу об открытости чиновника. Скажите, а еще какими качествами он должен обладать? Кроме открытости...

Р.: [После долгого раздумья]: Да, вот еще что! Вспомнила! Безусловно, это умение выступать. И... говорить по делу. С конкретными цифрами и показателями. То есть – не расплывчато, то есть как бы вот так – формулировать четко ответ на поставленный вопрос. Потому что мы все люди публичные, и хотелось бы, чтобы именно чиновник... Я говорю здесь прежде всего о руководителях. Прежде всего...

И обязательно – умение писать доклады, речи. Умение формулировать задачи своей как бы деятельности, да, и в конце рабочего дня ответить на такой вопрос – чем ты сегодня помог кому-нибудь. Как бы – какой результат твоей деятельности?

Чиновник должен быть представительным – этикет как бы соблюдать. Правила делового общения, да...

Думается, что в этом ответе чиновницы старательно, однако с показным припоминанием и раздумчивостью воспроизводится зазубренный на курсах повышения квалификации стандартный набор деловых качеств государственного служащего – в их презентационном, демонстрационном варианте. Вот это лежит на поверхности сознания молодого поколения чиновников.

В эшелонах государственной власти сегодня сосуществуют и в определенном смысле противостоят друг другу два поколения чиновников. Старшее, призыва начала 1990-х годов, и идущее ему вослед младшее, вошедшее в управленческую элиту в первой половине годов двухтысячных. Формы сосуществования этих поколений и воплощаемые в их властных операциях и мероприятиях идеалы и нормы образуют основной корпус того управленческого инструментария, которым пользуется сегодня власть.

Литература

1. Ефремова, Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000
2. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: ООО «Издательство Астрель»; ООО «Издательство АСТ», 2000.
3. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ», 1992.
4. Смирницкий, А. Русско-английский словарь. М.: Лист, 2004.
5. Альдо Канестри. Большой русско-итальянский словарь. М.: Медиа, 2011.
6. Цвиллинг, М.Я. Русско-немецкий словарь по общей лексике. М.: Медиа, 2005.
7. Муллаева, М. и др. Большой русско-французский словарь. М.: Дом славянской книги, 2007.
8. Туровер, Г.Я. Большой русско-испанский словарь. М.: Русский язык, 2001.

А.В. Куракин**Карьерные траектории муниципальных служащих: два уровня чиновников – два типа карьерных лестниц
(на примере одного района Новгородской области)**

В данной статье на примере одного из районов Новгородской области описываются особенности карьерных траекторий муниципальных чиновников. Этот социальный слой представляет собой интересный объект исследования, т. к. на первый взгляд он находится где-то посередине между основной массой наёмных работников и элитами (в бизнесе, госслужбе), трудовая жизнь которых протекает в совершенно разных измерениях. С одной стороны, муниципальные чиновники представляют собой органы власти, которые в народе считаются хлебным местом, а занимающие в них должности люди – людьми непростыми. С другой стороны, муниципальные чиновники являются низовым и самым массовым слоем российского чиновничества. Какие люди попадают в этот низовой чиновничий слой? Как это происходит? Как развивается их дальнейшая трудовая карьера?

Итак, мы ставим перед собой следующие задачи. Во-первых, мы посмотрим, каким образом устроено продвижение по службе внутри администрации. Проще говоря, что нужно, чтобы выбиться в начальники на муниципальном уровне? Во-вторых, мы попытаемся очертить основные пути, которые приводят людей на работу в администрацию, а также охарактеризовать самих этих людей. В-третьих, затронем вопрос о трудовой мотивации.

Здесь нужно сразу оговориться, что использованный метод сбора эмпирических данных – неформализованные интервью – не позволяет делать обобщения. Поэтому все классификации, приводимые ниже, нельзя рассматривать как статистические феномены. Наша задача состояла в том, чтобы получить по возможности полные и логически непротиворечивые классификации, которые могут служить инструментами (одними из многих) для интерпретации получаемых данных (в том числе и количественных). Дополнительную ценность нашим классификациям придаёт и их эмпирическая поддержка. Собственно, собранные интервью и послужили основным источником для классификаций.

Теперь несколько слов о выборке. В качестве респондентов отбирались чиновники трёх уровней: (1) районной администрации, (2) городской администрации и (3) сельских муниципальных образований. Интервью проводились с мужчинами и женщинами, людьми разного возраста. Всего было взято 20 интервью.

Однако прежде чем приступить к изложению основного материала, кратко опишем тот контекст, в котором проводились интервью.

Контекст интервью

В районе живёт около 50 тыс. чел., при этом порядка 34 тыс. живёт в административном центре. Всего в районе насчитывается 290 сельских населённых пунктов, причём сельские администрации подверглись укрупнению из-за малонаселённости сельских поселений. Главное предприятие района – авиационный ремонтный завод, есть также довольно крупное приборостроительное предприятие. В районе действуют несколько предприятий по переработке молока, мяса и рыбы, что обусловлено характером сельского хозяйства района, которое специализируется на мясомолочном животно-

водстве и рыболовстве. Сельское хозяйство представлено, главным образом, сельскохозяйственными предприятиями (СПК, ООО, ЗАО), тогда как фермерских хозяйств крайне мало.

В области и в районе относительно новые руководители. Так, в Новгородской области нынешний губернатор, С.Г. Митин, вступил в должность в 2007 г., сменив «долгожителя» М.М. Прусака, руководившего областью с 1991 г. В районе также новый глава, вступивший в должность в 2009 г.

Ситуация, в которую попали члены нашего исследовательского коллектива, существенно отличалась от ситуации в Саратовской области (см. статью в настоящем сборнике: В. Виноградский «“Орудия сильных”: инструментализм в двух поколениях провинциальных чиновников Саратовской области»). Прежде всего существенную роль в нашем случае сыграло то, что мы написали просьбу о содействии губернатору области и получили «добро», что для нижестоящих чиновников является прямым распоряжением оказывать «подателю сей грамоты» всяческую помощь.

Однако отличия от Саратовской области наблюдались и после того, как согласие вышестоящего начальства было получено и там. Разительно отличался общий антураж чиновничьего бытования. Главная причина этих отличий, по нашему мнению, вовсе не в региональных особенностях, а в уровне властной иерархии. Здесь важны две оппозиции: (1) район и область, (2) муниципальный и государственный служащий.

Во-первых, в здание администрации района и города абсолютно свободный вход (обе администрации располагались в одном здании). Охраны вообще не заметно, паспортные данные никто не записывает, и вообще никто никаких документов не проверяет и не спрашивает, кто ты такой и зачем пришёл. Само здание – полупустое, народа мало. В противо-

положность саратовскому формализму здесь явно ощущалась неформальность общения. Куратор (работник областной администрации), которая подбирала для нас респондентов, была не прочь поболтать в перерывах за чашкой чая о том, о сём. Также запомнилось практически полное отсутствие отказов от интервью. Отказы были, но это только подчёркивает довольно доброжелательное отношение куратора и большинства респондентов (если бы отказов не было вообще, это было бы несколько подозрительно). Такую ситуацию мы объясняем, во-первых, полученным согласием губернатора на проведение исследования, а во-вторых, более низким уровнем иерархии респондентов по сравнению с Саратовской областью: в нашем случае это район и муниципальные служащие, а в Саратовской области – областной уровень и госслужащие.

Теперь перейдём к собственно нашей теме – карьере муниципальных служащих. И здесь нам необходима какая-то точка соотнесения, т. е. нечто, с чем можно было бы сопоставить наши эмпирические данные. Наилучшим вариантом в этом случае является классическая теория бюрократии М. Вебера, в которой своё место занимают и рассуждения о карьере чиновника.

Идеально-типическая карьера чиновника

Идеально-типическую карьеру чиновника можно вычлени из анализа М. Вебером сущности бюрократии (опять же, идеально-типической) [Weber, 1978]. «Правильная» карьера чиновника должна направляться двумя важнейшими чертами бюрократической системы: (1) меритократизмом и (2) предсказуемыми карьерными лестницами. Меритократизм означает власть лучших. Следовательно, меритократическая система устроена таким образом, чтобы наиболее достойные занимали наилучшие позиции в общественном раз- делении труда. Применительно к бюрократической системе

это означает найм работников согласно их квалификации, на конкурсной, соревновательной основе. Здесь отсутствуют кумовство, блат и прочие атрибуты нечестной конкуренции. В результате чиновничьи должности достаются наиболее пригодным кандидатам в результате беспристрастной оценки в виде формализованного экзамена.

Предсказуемые карьерные лестницы означают, что, попав в аппарат, чиновник-новичок может составить достаточно долгосрочный жизненный план, связанный со своей трудовой деятельностью. Он может просчитать, что при надлежащем исполнении своих должностных обязанностей он будет повышен в должности через определённое время, причём не за какие-то выдающиеся заслуги, а как в армии – за выслугу лет. Повышение в должности, в свою очередь, означает более высокий статус и материальное вознаграждение.

Почему эти две черты так важны для нормального функционирования бюрократической системы? Меритократизм и предсказуемые карьерные лестницы являются условиями бесперебойной работы бюрократической машины. Меритократизм, во-первых, – это залог главенства формальных процедур, что является «сердцем» любой бюрократической организации. Во-вторых, он укрепляет корпоративный дух, чувство солидарности чиновников (в противном случае коллектив делился бы на «простых» и «блатных»). Предсказуемые и прозрачные карьерные лестницы также способствуют корпоративной сплочённости, т. к. мотивы повышения того или иного сотрудника всем понятны и ожидаемы. Также они стимулируют повышение квалификации, которая является важным фактором служебного повышения. Наконец, понятные и просчитываемые карьерные перспективы могут служить барьером для коррупционных действий: здесь краткосрочная нажива от коррупции вступает в конфликт с долгосрочными планами работы в организации.

Важность этих двух черт бюрократической организации – меритократического найма работников и предсказуемости карьеры – для экономического роста страны была эмпирически показана Питером Эвансом и Джеймсом Раухом [Эванс, Раух, 2007]. Они даже ввели специальный термин – степень «веберизации» государственной бюрократии, под которой понимается степень соответствия реально функционирующего государственного аппарата двум чертам веберовской идеально-типической бюрократии. Степень «веберизации» Эванс и Раух оценивали на основании анкетного опроса экспертов, специализирующихся на той или иной развивающейся стране (развитые страны авторы не анализировали, опасаясь незначительного разброса в данных). Всего было взято 35 развивающихся стран в период 1970–1990-х гг. Эти данные, т. е. положение той или иной страны на шкале «веберизации», авторы сопоставили с темпами экономического роста этой страны. В результате они пришли к выводу, что веберовские критерии бюрократии отнюдь не утратили своё значение и по-прежнему являются важным фактором, положительно влияющим на экономический рост.

Полученные Эвансом и Раухом данные, помимо прочего, также говорят и о том, что устройство и функционирование бюрократии может существенно варьировать от страны к стране. На наш взгляд, и внутри страны управленческая машина может иметь существенные вариации. Такие вариации могут наблюдаться, например, если сравнить федеральный, областной, районный и поселковый уровни. Мы остановимся на уровне района и покажем характерную для него структурную специфику бюрократического аппарата. В качестве отправной точки мы возьмём описанную выше идеально-типическую карьеру чиновника и покажем отличия эмпирически наблюдаемого в конкретном районе бюрократического устройства от модели, предложенной Вебером. Вполне вероятно, что наблюдаемая нами в этом районе модель справедлива и для более высоких уровней властной иерархии.

Двухуровневая структура муниципальной бюрократии

Идеально-типическая карьера чиновника схематично представлена в левой части рисунка 1: постепенный переход от низшего уровня должностной иерархии до высшего. Конечно, не всякий солдат непременно становится генералом и при веберовской модели. Однако, во-первых, такую возможность имеют все. Во-вторых (и это наиболее существенно), каждый чиновник может примерно просчитать свои шансы достичь той или иной позиции. Причём принцип меритократии главенствует и здесь (а не только при приёме на работу). Также безусловно, что на каждую позицию могут быть кандидаты как из числа работников организации (внутренний рынок труда), так и извне (внешний рынок труда). Но важно то, что работники организации имеют возможность честно конкурировать за эти места с внешними кандидатами.

Обнаруженные нами в ходе интервью эмпирические свидетельства с неизбежностью показывают отклонения от этой идеальной модели. Мы наталкиваемся на постоянные перегородки, отделяющие одну категорию чиновников от другой. Не все перегородки сказываются на карьерных перспективах, однако некоторые оказывают на эти перспективы непосредственное влияние.

Так, на материале интервью с муниципальными и государственными служащими Саратовской области был сделан вывод о сосуществовании и даже противостоянии двух поколений чиновников, вышедших из разного культурного и социального контекстов¹¹. Соглашаясь с приведённым выше

¹¹ Приведём отрывок из статьи В. Виноградского, написанной по саратовским материалам (см. наст. сборник): «Таким образом, в эшелонах государственной власти сегодня сосуществуют и в определенном смысле противостоят друг другу два поколения чиновников: старшее, призыва начала 1990-х годов, и идущее ему вослед младшее, вошедшее во властно-управленческую элиту страны в первой половине годов двухтысячных».

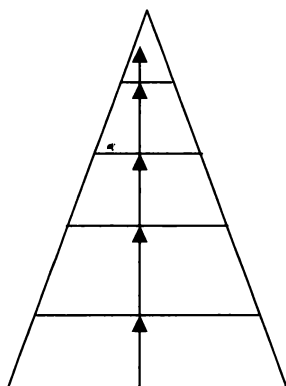
возрастным делением чиновничьего аппарата на поколение заката Советского Союза (выросшее и воспитанное целиком в советское время) и поколение, заставшее Советский Союз лишь в детские годы, мы предлагаем другое, структурное разделение муниципальной бюрократии. Это деление не отменяет, но дополняет поколенческий водораздел.

Итак, согласно нашим эмпирическим наблюдениям, на муниципальном уровне мы имеем не единое поле карьерных возможностей для всех членов организации, а два сектора должностных позиций и, соответственно, две категории служащих, причём каждая категория претендует на свой сектор должностных позиций. Условно эти должностные позиции можно разделить на высшие и низшие управленческие позиции. На районном уровне к высшим должностным позициям мы относим главу и его заместителей, которые составляют его «команду». Все остальные позиции назовём условно низшими должностными позициями.

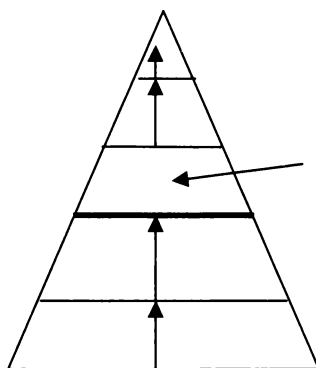
Между этими двумя типами должностных позиций существует практически непроницаемая перегородка. Поэтому максимум, на что может рассчитывать служащий, пришедший на самую низкую позицию в иерархии районной бюрократии – это начальник отдела (комитета). Конечно, исключения бывают везде и всегда. Но мы сейчас говорим с принципе, а не о несистематических отклонениях от него.

На высшие должностные позиции часто приходят люди со стороны. Во-первых, это связано с тем, что глава района – должность выборная. В России частенько выборность не сильно отличается от назначения, но формально всё-таки выборы проводятся (при условии, что глава не избирается из состава депутатов местной думы; в этом случае прямые выборы главы не проводятся). Избранный глава, как правило, приводит на ключевые позиции заместителей своих людей, что является вполне нормальной мировой практикой (как на

уровне генерального директора коммерческой фирмы, так и на уровне президента страны). Так, не столь давно в районе сменился глава (причём по тону высказываний респондентов можно было подумать, что речь идёт о назначении, а не о выборах), который привёл с собой ряд новых заместителей (впрочем, часть заместителей бывшего главы района сохранили свои должности). Во-вторых, дефицит квалифицированных кадров на районном уровне не позволяет назначать / избирать на эту должность доморощенных специалистов. Именно это обстоятельство, по нашему мнению, объясняет то, что высшие руководители районного и городского уровней столь часто «кочуют» из района в район.

единая карьерная
лестница

«параллельные»
карьерные лестни-

Рис. 1. Двухуровневая структура муниципальной бюрократии

В результате мы имеем двухуровневую структуру районного чиновничества, которая схематично показана на правой

части рисунка 1. Перегородка между двумя уровнями условно обозначена жирной линией. Её непроницаемость порождает «параллельные» карьерные лестницы для высших и низших чиновников. Если низшие чиновники упираются в карьерный потолок, то высшие чиновники приходят со стороны и начинают карьеру в районе уже с высоких должностных позиций, «выше» указанной перегородки. Возможно, эта модель справедлива лишь для муниципального уровня, однако в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что эта структура характерна и для государственных служащих.

К каким последствиям ведёт такая двухуровневая структура? Очевидным следствием является наличие препятствия для карьерных лестниц сотрудников. Такие ограничения, безусловно, снижают мотивацию чиновников, которые видят невозможность (с определённого уровня) дальнейшего карьерного роста. Это обстоятельство усугубляется ещё и тем, что карьерное продвижение на уровне районных муниципальных служащих крайне медленное (существенно медленнее, чем, например, для перспективных работников коммерческих структур). Чаще всего, повышение связано с уходом на пенсию (или по состоянию здоровья) чиновника, занимавшего эту позицию. Конечно, возможен и добровольный уход, но, по словам респондентов, такое бывает нечасто. Пример – отрывок из интервью с заместителем одного из комитетов районной администрации:

И: Карьеру здесь сделать трудно?

Р: Нормальная карьера тут, я считаю. Может быть, это карьера. Я как-то про карьеру никогда не думаю.

И: Она идет долго, или можно быстро подняться до заместителя главы района?

Р: Глядя на коллег... с нашего комитета, я не знаю, кто тут может быть. У нас нет таких случаев, с нашими.

И: Они быстро по службе растут или медленно, всю жизнь на одном месте?

Р: На одном месте? В основном так и получается, наверное. Просто, где возможности у зама главы, сколько их здесь, их немного. А сколько муниципальных служащих? Много. Поэтому такого большого роста нет. Но все равно сначала у нас бывает ведущий специалист, потом главный специалист. Он может дорасти до заведующего, начальника отдела. Рост в самом комитете. Есть у нас подразделения в комитете, поэтому там тоже есть возможность [роста. – А.К.].

Иными словами, карьерный рост замыкается на комитете, да и тот происходит в основном в связи с естественным выбытием старых кадров. А если учесть, что на муниципальную службу нечасто приходят восемнадцатилетние люди, то работа в каком-либо отделе или комитете может составлять финальный аккорд трудовой биографии чиновника. Вот конкретный пример передвижений по служебной лестнице в одном из комитетов:

И: Людей увольняют? Уходят сами часто?

Р: Нет. Мне кажется, не так часто. У нас в комитете, допустим, есть уровни образования: дошкольное, начальное, основное. И вот у нас один специалист, сначала она методистом по дошкольному; потом она стала начальное курировать образование; потом – основное среднее.

И: Это считается повышением?

Р: Да. Получается, что в комитете рост произошел, карьерный рост. Какое-то время она была тоже замом, потому что у нас была возможность ставить два зама (председателю). Потом сократили опять штатное [расписание. – А.К.], все сокращается финансирование. Мы тоже стараемся сокращать неэффективные расходы всякие, и поэтому опять оно уменьшилось, но начальником отдела все равно осталась. Вот так.

Вторым следствием двухуровневой системы является потенциальное нарушение корпоративной солидарности муницип-

ципальных чиновников. И дело здесь не в выборности главы и не в том, что новый глава вводит в аппарат своих людей (это естественно и даже желательно). Дело именно в этой непреодолимой перегородке, мешающей местным низовым чиновникам достигать высоких должностных позиций и конкурировать с «варягами» за должностные кресла. Ещё раз оговоримся, что непреодолимость этой перегородки является скорее модельным допущением, чем непреложным эмпирическим фактом.

Данная структура имеет не прямые аналогии из мира бизнеса. Широко известно разделение на первичный и вторичный рынки труда [Doeringer, Piore, 1971]. Первичный рынок труда – это рынок привилегированной рабочей силы, с высокими зарплатами, льготами, условиями труда, перспективами роста. Вторичный рынок труда – антипод первичного. Иными словами, мы имеем стратификацию рабочей силы на привилегированную и депривилегированную группы. Причём переход между этими стратами крайне затруднён. Аналогия здесь, конечно, не прямая, т. к. деление на первичный и вторичный рынки труда затрагивает всю иерархию организации (оно как бы пронизывает организацию сверху донизу), а в нашем случае граница проходит чётко по этой самой иерархии.

Ступенчатая карьера и челночная карьера

Двухуровневая организация районной администрации диктует и разные карьерные траектории для представителей высшего и низшего уровней. В принципе, карьерные траектории представителей высшего и низшего звеньев могут и совпадать, если они всю жизнь проработали в одной администрации. Однако мы рассмотрим случаи смены рабочих мест. Карьеру высшего звена мы будем называть ступенчатой, а карьеру низшего звена – челночной.

На рисунке 2 изображена схема, иллюстрирующая суть ступенчатой и челночной карьеры. Центральным треуголь-

ник изображает районную администрацию с двухуровневой бюрократической структурой. Левый треугольник изображает бизнес-организацию, куда в принципе может уйти муниципальный служащий. Правый треугольник показывает вторую возможность карьерного роста для муниципального служащего – переход на службу в другой район или в областную администрацию.

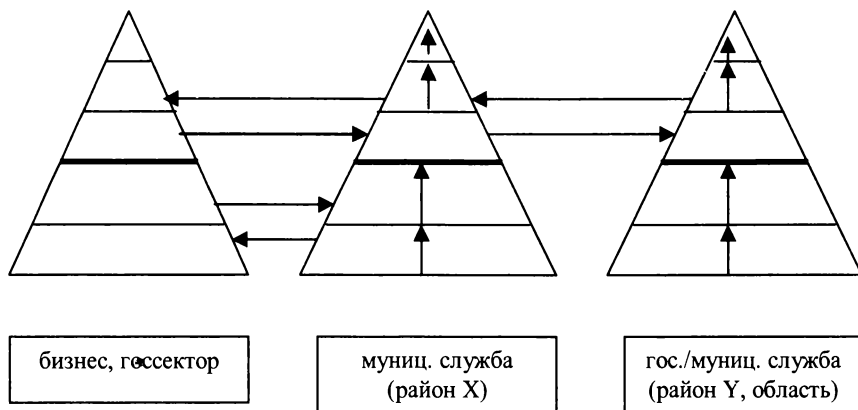

Рис. 2. Ступенчатая и челночная карьеры муниципальных служащих

Начнём с чиновников низшего звена. Единственный вариант смены работы для них – это уйти в коммерческий или государственный сектор (мы не рассматриваем здесь самозанятость, чтобы не увязнуть в детализации). Причём, скорее всего, они попадут на такую же непривилегированную позицию (вторичный рынок), что и на муниципальной службе. Вероятность продвинуться наверх в коммерческих структурах также небольшая, так что единственный вариант для них – курсировать между муниципальной службой и бизнесом, меняя рабочие места примерно одного порядка (при этом разница в зарплатах может быть существенной, но мы сейчас говорим именно о позиции должности в иерархии ор-

ганизации). Поэтому такую смену рабочих мест мы называли челночной.

Характерной чертой ступенчатой карьеры является возможность с каждой новой сменой работы повышать свою позицию в иерархии и, соответственно, доходы. Ступенчатая карьера высшего звена муниципальной бюрократии может содержать следующие переходы:

- 1). переходы между бизнесом и муниципальной службой;
- 2). переходы между районами;
- 3). переходы из района (города) в область (из муниципальной на государственную службу).

Приведём пример одной такой карьеры. Заместитель главы района 25 лет отслужил в органах внутренних дел, полковник милиции. В 45 лет увольняется из органов с расчётом, что в таком возрасте он ещё будет востребован на гражданской работе. Ему предложили стать заместителем главы муниципального района (не того, в котором он сейчас работает, но в той же области). Затем хотели перевести работать в областную администрацию, но он отказался. Перешёл работать на птицефабрику, но по семейным обстоятельствам ушёл оттуда через два месяца. Потом один год работал директором базы отдыха. Наконец, узнал о вакансии в этом районе (его предшественник ушёл в бизнес), его пригласили, он прошёл собеседование с главой и сейчас здесь работает.

Из этого примера видно, как легко меняют места и сферы работы (муниципальная служба и бизнес) руководители, начиная с определённого уровня. Попад туда, волей-неволей набираешь множество связей и знакомств с представителями бизнеса, которые могут переманить толкового организатора к себе.

Практики найма муниципальных служащих

Конкурсный состязательный набор персонала, характерный для идеально-типической модели бюрократии, в дейст-

вительности заменяется наймом сотрудников по социальным сетям или институциональным связям. В случае районной администрации эти два канала используются не в последнюю очередь из-за нехватки кадров, когда о каком-либо конкурсе на рабочие места говорить не приходится.

Набор по социальным сетям. Это классический пример использования социального капитала [Коулман, 2001; Бурдые, 2004] при трудоустройстве, когда личные связи (как сильные, так и слабые) [Грановеттер, 2009] заменяют собой формальные каналы получения рабочих мест. Вот например, как нашла работу в администрации юрист:

Р: Два года я сидела с ней [с дочкой. – А.К.] в отпуске в декретном, потом вышла на работу, ну, скучно дома сидеть. Потом, есть возможность оставить ее с моей мамой – почему бы и нет? Я вышла на работу, и вот подвернулся такой случай: предложил мне бывший глава «Имярек 1», ну, юрист он городского поселения. Ну, я согласилась, тем более, зарплата в два раза больше, почему нет? Ну, перешла, три года уже работаю здесь.

И: А как Вы думаете, почему он Вам предложил?

Р: Знакомый.

И: Знакомый общий, да?

Р: В то время военкомом был «Имярек 2», да, и они с «Имярек 1» как-то вместе по службе пересекались. То есть «Имярек 2» был неплохого мнения, видимо, обо мне как о специалисте, он ему порекомендовал, а «Имярек 1» со мной побеседовал и принял решение, что я ему подхожу.

Набор по институциональным связям. Этот тип найма характеризуется не только личным знакомством с кандидатом (что, как правило, имеет место и здесь), но и родственной сферой деятельности этого кандидата. Классическим примером может служить сфера образования, где управляемые, то есть учителя и директора школ или детских садов, стабильно мигрируют в управляющие структуры, то есть в

районную администрацию. Приведём отрывок беседы с заместителем председателя комитета по образованию района:

И: Есть проблемы с недостатком кадров? Выбывших есть кому сменить?

Р: Есть. У нас резерв руководящих кадров есть. Кадрами у нас занимается в комитете по образованию женщина. Она уже в возрасте, конечно, но она ранее работала в Батецком районе заведующей отделом образования. Поэтому она эту всю работу знает отлично, и четко организовано, все по полочкам разложено. Резерв планируется, обучается резерв. Также когда мы на менеджмент обучали всех руководителей, в том числе и в перспективе тех, кто будет. Поэтому в каждой школе есть тоже проученные люди, которые могут заменить руководителя, вышедшего на пенсию, может, сейчас тоже много пенсионеров.

И: Откуда к вам приходят в основном служащие?

Р: В комитет? В основном из образовательных учреждений, конечно, наших. Кадры, которые мы уже знаем, проверенные, свои кадры, руководители.

Трудовая биография самого респондента подтверждает эту преемственность между образовательными учреждениями и управлением образования:

«Специальность у меня учитель математики и физики. И пришла работать в свою родную школу сельскую учителем математики и заместителем директора по воспитательной работе какое-то продолжительное время. Потом вот Имярек, председатель комитета, она была директором школы, сейчас она председатель нашего комитета по образованию, а я стала директором школы. Пробыла там, наверное, года два, даже поменьше, директором школы, и она пригласила меня на работу».

Действительно, здесь задействованы как институциональные, так и личные (сетевые) каналы найма сотрудников.

Трудоустройство произошло через бывшего директора школы, чьё место респондент заняла после того, как та перешла в районную администрацию и потянула за собой людей, которых лично знала и которым доверяла.

Так происходит не во всех комитетах, но помимо образования можно выделить, например, комитет по спорту или по делам молодёжи, куда тоже приходят люди из определённых сфер, причём зачастую по личным связям, то есть по предыдущему опыту совместной работы с представителями районной администрации, которые их и рекрутируют на муниципальную работу. Как правило, в этом случае на муниципальные должности приходят уже опытные сотрудники, знающие сферу своей ответственности, хоть и не имевшие непосредственного опыта работы чиновником. Муниципальная работа для них, как правило, является завершающим этапом их трудовой деятельности.

Трудовая мотивация муниципальных служащих

Какова «классическая» мотивация муниципальных служащих? Почему люди выбирают именно этот сектор, предпочтя его работе, например, на частных предприятиях или в бюджетных учреждениях?

Можно выделить два мотива для такого выбора, где ключевым словом будет слово «гарантированность»:

1. *Гарантированность и стабильность рабочего места, зарплаты, условий труда.* Так, согласно Р. Мертону, одному из классических исследователей феномена бюрократии, «бюрократия стремится к максимальным гарантиям профессиональной безопасности» [Мертон, 2006, с. 325]¹². Эта стабильность была главным объяснением наших респондентов

¹² В современных исследованиях нет единодушия по поводу того, что гарантированность рабочего места является значимым фактором при выборе государственного сектора, а не частного. См.: [Gordon, 2011; Gordon, Osgood., Phillips. 2010; Ellickson, Logsdon, 2001; Ellickson, 2002; Lewis, Frank, 2002].

при ответе на вопрос о причинах выбора муниципальной службы. Безусловно, респонденты зачастую стремятся рационализировать свои прошлые поступки и выбор, однако характер этой рационализации также о многом говорит: респонденты ищут наиболее убедительный аргумент и находят его в стабильности и гарантированности.

2. *Гарантированное продвижение по служебной лестнице.* Тот же Р. Мертон пишет: «Жизнь должностного лица планируется для него желанием “сделать карьеру”, то есть добиться более высокого положения, пенсий, возрастающей оплаты труда и т. д., причём всё это призвано обеспечить стимулы для дисциплинированного поведения и конформистского отношения к служебным правилам» [Мертон, 2006, с. 330]. Это продвижение редко бывает стремительным, так что надежда сделать быструю карьеру в государственном учреждении довольно сомнительна¹³. Однако в данном случае важна не скорость, а неотвратимость повышения (хотя бы просто за выслугу лет).

Выше мы описали различные типы карьерных траекторий муниципальных служащих и практики найма новых сотрудников в районную администрацию. Каковы же мотивы самих работников, идущих на муниципальную службу? Отличаются ли они чем-либо от классических мотивов? Анализ проведённых интервью показал три аспекта мотивации ухода на муниципальную службу. Во-первых, классические мотивы являются одними из наиболее часто упоминаемых.

Во-вторых, нам представляется абсолютно оправданным недоверие, высказанное И. Шмерлиной по поводу психологических объяснений феномена бюрократа, чиновника [Шмерлина, 2012]¹⁴. Выражение «чиновник начинается с

¹³ Исключения, безусловно, бывают везде. Например, фактор кумовства, игнорировать нецелесообразно, тем более в России.

¹⁴ Автор приводит пример такого психологизма в работе: [Колташов, 2007].

детства» не имеет ничего общего с тем эмпирическим материалом, которое собрала наша группа в ходе полевых работ. Уж слишком это разные люди, пришедшие из разной социальной среды; да и дороги, приведшие их в районную и городскую администрацию, настолько различны, что редуцировать их якобы «чиновничью природу» к детским фрустрациям и комплексам представляется ничем не оправданной натяжкой. Вполне возможно, что на более высоком уровне властной иерархии мы обнаружим большее сходство между его «обитателями», и тогда появятся некоторые основания говорить о более-менее единообразном психологическом типе. Однако на муниципальном уровне таких оснований практически нет.

В-третьих, наши интервью позволяют выделить ряд мотивационных типов, определяющих причины прихода на муниципальную службу. Безусловно, этот ряд неполон. Также очевидно, что на основании интервью мы не сможем судить о степени распространённости этих типов и понять, какой путь на муниципальную службу является типичным, а какой маргинальным. Однако интервью позволяют нам уловить мотивацию и понять, что стоит за тем или иным изменением в трудовой биографии респондента.

Итак, мы выделяем четыре типа мотивации при выборе муниципальной службы: (1) зарплата и льготы, (2) вынужденная занятость, (3) переход по профессиональной линии и (4) рациональная «миграция» высших руководителей. Так или иначе мы уже писали о каждом из этих типов, поэтому сейчас просто обобщим и подытожим сказанное.

Тип 1: зарплата и льготы

Как это ни странно, но в ряде случаев респонденты прямо говорили, что уровень зарплат в сравнении с альтернативами в малом городе явился основной причиной перехода на муниципальную службу.

«Единственное, что меня здесь привлекло, это зарплата в два раза больше, чем в военкомате, ну, и вот эти деньги на лечение, оздоровление, всё».

Тип 2: вынужденная занятость

Довольно часто оказывалось, что респонденты устраивались в администрацию из-за проблем с работой или неурядиц в личной жизни. Например, в администрации может оказаться профессиональная массажистка, которая надорвала здоровье на этой работе. Или человека бросила жена, т.к. он пропал на работе в Москве, оставив ему ребёнка. Он вынужден возвращаться домой. Куда пойти работать? В администрацию. Таким образом, районную администрацию в некоторых случаях можно рассматривать как своего рода бухту, где можно переждать тяжёлые времена или остаться в ней навсегда.

Тип 3: переход по профессиональной линии

Выше мы довольно подробно писали о найме сотрудников через институциональные связи, однако собственно мотива перехода мы не касались. Этот мотив заключается в том, что работая с той же самой сферой деятельности, но попадая на уровень выше по властной лестнице, человек приобретает другие возможности, другие связи, расширяет круг взаимодействия.

И: Если непосредственно взять ваш комитет, то туда идут люди из школ или из детских садов, и они ведь, скорей всего, как и Вы, проигрывают по зарплате [приходя на государственную муниципальную службу. А.К.], но все равно идут.

Р: Да, проигрывают.

И: Как бы Вы оценили их мотивы; почему они решают перейти сюда?

Р: Другой уровень работы получается. Там он работал с коллективом, а здесь он будет работать уже с руководите-

лями. Опять, возможности для приложения своих умений и навыков увеличиваются. Он может применить свои способности в другом коллективе, в том числе развивая свои какие-то способности. Непонятно? Ну, он получает удовлетворение от нового уровня деятельности. Этот уровень выше, чем в образовательном учреждении, и поэтому выше и уровень общения. Он уже общается и с образовательными учреждениями, кстати, и с администрацией муниципально-го района напрямую, и с комитетом области нашего образования. Наверное, расширяется круг его взаимодействия.

Тип 4: рациональная «миграция» высших руководителей

Здесь на первом месте стоит рациональный расчёт своих перспектив при переходе на другое рабочее место. Не исключены и социальные связи. Так, новый глава района, в прошлом бизнесмен, перетащил за собой ряд заместителей из бизнеса. В данном случае переход на муниципальную службу из бизнеса или с такой же муниципальной должности в другом районе является частью описанной выше ступенчатой карьеры высших чиновников.

Заключение

Итак, мы обнаружили, что карьерные траектории муниципальных чиновников кардинально различаются в зависимости от того, на каком уровне административной иерархии они находятся. Эта иерархия представляет собой двухуровневую систему с практически непроницаемой перегородкой. По нашим оценкам, эта перегородка проходит по уровню заместителя главы муниципалитета.

Карьерную траекторию высших чинов мы условно назвали ступенчатой, для которой характерна возможность с каждой новой сменой рабочего места повышать свою позицию в административной иерархии. Для низших чинов муниципалитетов характерна челночная карьера, при которой смена

рабочего места не предполагает роста в административной иерархии.

Практики найма на работу в муниципалитет, как правило, основаны на сетевых и / или институциональных связях. Это характерно как для низших, так и для высших чинов.

Что касается трудовой мотивации, то мы выделяем четыре её типа при выборе муниципальной службы: (1) зарплата и льготы, (2) вынужденная занятость, (3) переход по профессиональной линии и (4) рациональная «миграция» высших руководителей. Причём для низших чинов характерен материальный фактор и вынужденная занятость, при которой работа в местной администрации становится неким пристанищем, где можно переждать трудные времена. Переход по профессиональной линии характерен для начальников отделов / департаментов и, как правило, служит для этих людей финальным аккордом их трудовой биографии. Главы и их заместители наиболее свободны в построении своих карьерных траекторий и могут относительно легко менять рабочие места и даже сферы занятости.

В итоге мы можем сказать, что муниципалитеты не могут обеспечить карьерный рост для сотрудников, начинающих свою работу с нижних этажей муниципальной иерархии. В какой-то момент даже наиболее способный и амбициозный сотрудник упрётся в непреодолимый потолок. Пути, которые приводят рядовых сотрудников в муниципалитет, крайне разнообразны и зачастую вызваны безысходностью. При этом «новобранцы», имеющие самое разное образование и жизненный опыт, сталкиваются с весьма специфической деятельностью, осложняемой всё растущим валом отчётностей для вышестоящих органов. Высшие чины представляют собой «импортный товар», завезённый из других районов и даже областей, или приходят из других сфер деятельности (чаще всего из бизнеса).

Литература

1. Бурдые, П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН, 2004.
2. Грановеттер, М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4.
3. Колташов, В.Г. Эрос и бюрократия. Секс в жизни российских чиновников. М.: КомКнига, 2007.
4. Коулман, Дж. 2001. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. № 3.
5. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.
6. Шмерлина, И.А. «Кодекс чести» российского чиновника: наброски к программе эмпирического исследования // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2012. № 4.
7. Эванс, П., Раух, Дж. Бюрократия и экономический рост: междисциплинарный анализ воздействия «веберианизации» государственного аппарата на экономический рост // Анализ рынков в современной экономической социологии / Под ред. В.В. Радаева. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2007.
8. Doeringer, P., Piore, M. Internal labor markets and man power analysis. Lexington: Heath Lexington Books, 1971.
9. Ellickson, M. Determinants of job satisfaction of municipal government employees // Public Personnel Management. 2002. Vol. 31. No. 3. P. 343–358.
10. Ellickson, M., Logsdon, K. Determinants of job satisfaction of municipal government employees // State and Local Government Review. 2001. Vol. 33. No. 3. P. 173–184.
11. Gordon, V, Osgood, J., Phillips, J. Municipal Clerks: Examining A model of job satisfaction // Public personnel management. 2010. Vol. 39. No. 4. P. 327–352.
12. Gordon, V. Exploring the job satisfaction of municipal clerks // Review of public personnel administration. 2011. Vol. 31. No. 2. P. 190–208.
13. Lewis, G, Frank, S. Who wants to work for the government? // Public administration review. 2002. Vol. 62. No. 4. P. 395–404.
14. Weber, M. Economy and Society. Berkeley: University of California Press, 1978.

Об авторах

ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ВИНОГРАДСКИЙ, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саратовского филиала Российского государственного торгово-экономического университета.

АННА АЛЕКСЕЕВНА ИПАТОВА, кандидат культурологии, старший научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ КУРАКИН, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ.

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ НИКУЛИН, кандидат экономических наук, директор Центра аграрных исследований Института прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ.

КИРИЛЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ НОВИКОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

ДМИТРИЙ МИХАЙЛОВИЧ РОГОЗИН, кандидат социологических наук, директор Центра методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозиро-

вания РАНХиГС при Президенте РФ; декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук; старший научный сотрудник Института социологии РАН.

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА ШМЕРЛИНА, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ; старший научный сотрудник Института социологии РАН.

Научное издание

Под редакцией Д.М. Рогозина

**Российский чиновник
социологический анализ жизненного мира
государственных и муниципальных служащих**

Компьютерная верстка: Ю.А. Яшина

Дизайн обложки: Ю.А. Яшина

Подписано в печать 20.10.2015. Формат 60х84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 21,8.

Тираж 300 экз. Заказ

ООО «Галлея-Принт»

111024, Москва, 5-я Кабельная, 2Б